

**ЯЗЫК:
МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ
НАУЧНОГО ЗНАНИЯ**
НАУЧНЫЙ АЛЬМАНАХ
Выпуск 3

Барнаул 2013

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Алтайская государственная педагогическая академия»
Лингвистический институт

**ЯЗЫК:
МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ
НАУЧНОГО ЗНАНИЯ
научный альманах
Выпуск 3**

Барнаул 2013

ББК81.00
УДК81
Я41

Язык: мультидисциплинарность научного знания : научный альманах / под ред. О.В. Труновой. – Выпуск 3. – Барнаул : АлтГПА, 2013. – 166 с.

ISBN 978-5-88210-674-3

Редакционный совет

Н.В. Барышников (Пятигорск), М.Я. Блох (Москва),
З.М. Богословская (Томск), О.Д. Вишнякова (Москва),
Т.И. Воронцова (Санкт-Петербург), С. Джонс (Великобритания),
Дж. Диля (США), Г.К. Исмаилова (Казахстан), Э.Е. Курлянд (Барнаул),
Ю.М. Малинович (Иркутск), С.Г. Проскурин (Новосибирск),
О.Н. Прохорова (Белгород), П. Розенберг (Германия),
А.Г. Фомин (Кемерово), Д. Штельмахер (Германия)

Главный редактор

доктор филологических наук, профессор
О.В. Трунова

Редакционная коллегия

К.И. Бринев (заместитель главного редактора по филологии), Л.И. Владимирская,
Н.В. Ефремова (заместитель главного редактора по лингводидактике),
Е.А. Калашникова, Т.Д. Максимова, Л.И. Москалюк, Т.Г. Пшенкина (заместитель главного редактора), М.А. Чернова (заместитель главного редактора по выпускам), Н.П. Широкова

Секретариат

Т.А. Романова, Н.Н. Шацких

Третий выпуск альманаха, посвященный памяти Н.А. Кобриной, ученого, создавшего научную школу и воспитавшего достойную смену, включает статьи, написанные коллегами, последователями, учениками и учениками учеников Новеллы Александровны. Все статьи выдержаны в рамках современной научной парадигмы. В них ставятся, рассматриваются и раскрываются проблемы системной организации конкретных языков и их функциональные особенности. Альманах адресован самому широкому кругу исследователей в области фундаментальной и прикладной лингвистики и лингводидактики.

ISBN 978-5-88210-674-3

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА
НОВЕЛЛЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ КОБРИНОЙ

*Слова... Слова – вдруг кажется – пусты,
И не передают всей горечи утраты.
Приглушен звук. Разведены мосты.
Чтим имена. И отмечаем даты
тех, кто был к нам взыскателен и строг,
кто расставлял все вехи наперед
по ходу далеко не столбовых дорог
до достижимо мыслимых высот.*

O.B. Трунова

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. СТАТЬИ

Н.А. Кобрина

- О СООТНОСИМОСТИ МЕНТАЛЬНОЙ СФЕРЫ И ВЕРБАЛИЗАЦИИ:
ВЗАИМОЗАМЕНЯЕМОСТЬ / ОТНОСИТЕЛЬНАЯ АВТОНОМНОСТЬ /НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ
ВЕКТОРНОЙ ЗАВИСИМОСТИ 10

М.Я. Блок

- ФИЛОСОФИЯ СЛОВА: СЕМЬ ВОПЛОЩЕНИЙ ЛЕКСЕМЫ 23

Н.Н. Казыдуб

- ДИСКУРСИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ОБЪЕКТ
МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ 34

В.Д. Максимов, Т.Д. Максимова

- СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА АНГЛИЙСКИХ
ГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕДИКАТОВ КАК ЭКСПОНЕНТОВ КАТЕГОРИИ ЗВУЧАНИЯ 42

О.В. Трунова

- АРХИТЕКТОНИКА КАТЕГОРИИ МОДАЛЬНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ 46

И.В. Чекулай, О.Н. Прохорова

- СТАБИЛЬНОСТЬ КАК КАТЕГОРИАЛЬНАЯ ОБЛАСТЬ
АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ СТОРОНЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ 52

Л.В. Эргман

- КОНЦЕПТУАЛЬНО-ТАКСОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
АНГЛИЙСКИХ РЕЛЯТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ 58

Раздел II. НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

М.А. Битнер

- ЗНАЧЕНИЕ В СТРУКТУРЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА 66

Э.Г. Вольтер

- ЕЩЕ РАЗ О ЛИНГВОДИАКТИЧЕСКИХ ДОМЫСЛАХ 69

И.М. Келлер

- МОДЕЛЬ V – N КАК БАЗОВАЯ МОДЕЛЬ РАСЧЛЕНЁННОЙ
НОМИНАЦИИ ДЕЙСТВИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ 73

О.А. Кобрина

- СПЕЦИФИКА КОММУНИКАТИВНОЙ КАТЕГОРИИ МОДУСА 79

О.А. Козлова

- СОЦИО-КУЛЬТУРНЫЕ КОНВЕНЦИИ КАК ОДНО
ИЗ ОСНОВАНИЙ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ 85

С.В. Кустова

- МУЛЬТИМЕДИЙНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНОМУ ЧТЕНИЮ 89

М.Ю. Лопатина

- АКТУАЛИЗАЦИЯ ЗНАЧЕНИЯ ОПЕРАЦИОНАЛЬНОГО ПРЕДПОЧТЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИМИ
ЕДИНИЦАМИ ДАЛЬНЕЙ ПЕРИФЕРИИ С СЕМОЙ [ОБДУМЫВАНИЕ/ВЗВЕШИВАНИЕ] 93

И.Н. Рассолова

- ПРОЦЕССЫ ОППОЗИЦИОННОЙ РЕДУКЦИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ 97

Н.В. Трунова

- СИСТЕМНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ФУНКЦИИ PRESENT SIMPLE 103

М.А. Чернова

- МОДЕЛИРОВАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА
ОЦЕНОЧНЫХ КОЛЛОКВИАЛИЗМОВ 106

Н.Н. Шацких

- ЛИРИКА ХАЙКУ КАК ВЫРАЖЕНИЕ ДЗЭН-БУДДИСТСКОЙ
«ЭСТЕТИКИ НЕДОСКАЗАННОСТИ» 113

С.В. Шелкова

- ЭКСПЛИКАЦИЯ ЗАЛОГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ 117

Раздел III. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

С.С. Барсукова

НАРУШЕНИЕ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ
КАК ОСНОВА СОЗДАНИЯ ЭФФЕКТА ОБМАНУТОГО ОЖИДАНИЯ 122

О.В. Бастрыкина

АКТУАЛИЗАЦИЯ СИТУАЦИИ ИДЕНТИФИКАЦИИ В ПРОЦЕССЕ СРАВНЕНИЯ 125

М.О. Германова

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ФАКТУАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ В АККОЛАДЕ 128

М.А. Истомина

КАТЕГОРИЯ ОЦЕНКИ В СТРУКТУРЕ ЖАНРА
ФИЛЬМ-РЕВЮ КАК ОСОБОГО ТИПА ДИСКУРСА 131

А.В. Кочкинекова

ПАРТИТИВНОСТЬ И ЕЕ ПЕРСПЕКТИВНОЕ ПРЕЛОМЛЕНИЕ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ 135

Н.С. Куппа

ТИПЫ КОНКРЕТИЗАЦИИ ХАРАКТЕРА ГЛАГОЛЬНОГО ПРЕДИКАТА 138

О.Н. Поликарпова

ПРЕДИКАТИВНОСТЬ КАК СТАТУСНАЯ КАТЕГОРИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ 141

Е.А. Хохлова

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В ШВАНКАХ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ 144

И.А. Шершиёва

О ФЕНОМЕНЕ ЛЖИ И ЕГО ТОЛКОВАНИИ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ 148

Резюме

..... 152

Наши авторы

..... 160

CONTENTS

I. ARTICLES

Kobrina N.A.

- On Correlation of Mental Sphere and Verbalization: Interchangeability / Relative Autonomy / Ambiguity of Vector Dependency 10

Blokh M.Y.

- The Philosophy of Word: Seven Embodiments of Lexeme 23

Kazydub N.N.

- Discourse Space as an Object of Multidisciplinary Study 34

Maksimov V.D., Maksimova T.D.

- Structural-semantic Peculiarities of English Verbal Predicates as Exponents of the Category of Phonation 42

Trunova O.V.

- Architectonics of the Category of Modality in Modern English 46

Chekulai I.V., Prokhorova O.N.

- Stability as a Categorial Feature of the Axiological Aspect of Linguistic Semantics 52

Ergman L.V.

- Conceptual and Taxonomic Analysis of English Elational Verbs 58

II. RESEARCH PAPERS

Bitner M.A.

- The Place of Meaning in the Structure of the Process of Cognition 66

Volter E.G.

- Some More Ideas About Linguodidactic Fantasies 69

Keller I.M.

- The Verbal-Nominal Model as the Basic Pattern of Discrete Nomination of Action in English 73

Kobrina O.A.

- The Specific Character of the Communicative Category of Modus 79

Kozlova O.A.

- Social and Cultural Conventions as One of the Foundations for Axiological Evaluation 85

Kustova S.V.

- Multimedia in Teaching Reading in a Foreign Language 89

Lopatina M.Y.

- Actualization of the Frame 'Operational Preference' by means of Lexical Units with the Seme [thinking] 93

Rassolova I.N.

- Processes of Oppositional Reduction in English 97

Trunova N.V.

- Systemic Potential and Expressive Functions of Present Simple 103

Chernova M.A.

- The Construction of the Semantic Space of Evaluative Colloquialisms 106

Shatskikh N.N.

- Haiku Lyrics as the Expression of Zen Buddhism "Understatement Aesthetics" 113

Shelkova S.V.

- Means of Expressing Voice Relations in Old English 117

III. REPORTS

Barsukova S.S.

- Essential Properties of the Defeated Expectancy Effect 122

Bastrykina O.V.

- Realization of the Situation of Identification in the Process of Comparison 125

Germanova M.O.

- Means of Communicating Factual Information in Accolade 128

Istomina M.A.	
The Category of Evaluation in the Structure of Film-Review as a Specific Form of Cultural Discourse.....	131
Kochkinekova A.V.	
Partitivity and its Perceptive Interpretation in English.....	135
Kuppa N.S.	
Types of Substantiation of the Verbal Predicate	138
Polikarpova O.N.	
Predicativity as a Status Category of the Sentence.....	141
Khokhlova E.A.	
Concept "Woman" in the Shvanks by Russian-Germans.....	144
Shershneva I.A.	
The Phenomenon of Lying and its Interpretation in Linguistics and in Some Humanities.....	148
Summary	152

Раздел I

СТАТЬИ (ARTICLES)

Н.А. Кобрин

Санкт-Петербург

О СООТНОСИМОСТИ МЕНТАЛЬНОЙ СФЕРЫ И ВЕРБАЛИЗАЦИИ: ВЗАИМОЗАМЕНЯЕМОСТЬ / ОТНОСИТЕЛЬНАЯ АВТОНОМНОСТЬ / НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ ВЕКТОРНОЙ ЗАВИСИМОСТИ

Ключевые слова: ментальная сфера, вербализация, концепт, дискретность, понятийная категория.

Key words: mental space, verbalization, concept, notional category, discreteness.

Чрезвычайная сложность языка, масштабность его средств и ресурсов в сочетании с вариабельной функциональной реализацией, иерархичность в системе и в структурном построении, комплексность в структурах и в формировании значений как в слове, так и при реализации общего смысла более сложных построений и многие другие присущие языку факты свидетельствуют, что за всем этим стоит человек и его ментальная деятельность.

Интерес к ментальной основе языка и к последующему порождению языковых структур лингвисты проявляли всегда, однако до недавнего времени не было оснований считать, что этот интерес породил законченную теорию, которая могла бы объяснить ряд неясных вопросов в лингвистике. И дело было не в отсутствии достаточного количества фактических данных, а в отсутствии адекватного их осмысливания, что, в свою очередь, требовало привлечения данных из других наук, изучающих способности и возможности человека как креативной и воспринимающей личности.

Давно известна и признана роль ментального субстрата, лежащего в основе системы языка, которая обеспечивает, с одной стороны, удержание в памяти огромного арсенала средств в их системном представлении и способов их интеграции, обогащения, функциональной плурализации; с другой стороны, ментальный субстрат имеет определяющую роль в процессе речепорождения, в принципах комбинаторного отбора, конкретизации и категоризации. По существу

ментальность обеспечивает диалектическое единство этих двух сторон человеческой коммуникации – речепорождения и речевосприятия. За последние десятилетия усилия лингвистов были в основном направлены на функциональный и семантический аспекты языка, как более непосредственное выражение понятий. Исследовались, в первую очередь, факторы, способствующие расчленению/переосмысливанию значения и вариабельности функциональных возможностей языковых единиц. Эти факторы, связанные со способностями человека, объясняют факты полисемии, фразеологизации, символического использования единиц языка, которые входят в обиход и становятся системными средствами языка. Большое внимание уделялось также коммуникативной, познавательно-отражательной или когнитивной роли языка, на основе которых языковые единицы фиксируются в виде групп, подклассов, гнезд производных единиц. Эти способности человека объясняют многие явления в языке, когда происходит функциональное или семантическое обобщение, что часто происходит в совокупности. Все эти данные обеспечили достаточное, если не полное, понимание того, как работает язык, как в нем формируются лексические, функциональные и категориальные значения. Естественно, что при этом в фокусе внимания оказались проблемы семантики, т. е. лингвистов интересует сейчас, прежде всего, вопрос, как формируется значение на основе понятийной сущности, т. к. в этом механизме проявляется то, в чем состоит

Лингвистический институт АлтГПА

¹ Статья впервые опубликована в Общероссийском научном журнале «Вопросы когнитивной лингвистики» в 2005 г., № 3(4).

основное назначение языка. Так, интерес к понятийным сущностям возродился в 50-70 годах прошлого столетия с новой силой вначале в связи с поиском универсалий, а потом в связи с рассмотрением прагматических характеристик языков и их устройства в целом (И.И. Мещанинов, С.Д. Кацнельсон, Б.А. Серебренников, Б.Л. Уорф, Ч. Филлмор, У. Чейф, и др.).

Понятийные категории расценивались как основной движущий фактор в развитии языков. По существу возникновение понятийной категории – это осознание потребности в необходимости языковой категории, а потребность, в свою очередь, есть осмысление необходимости выражения новой (или продолжающей существовать, но потерявшей закрепленное выражение) значимой сущности, т. е. категориального значения.

Почти одновременно с первыми попытками выявления понятийных сущностей и их роли в вербализации произошел и другой очень важный сдвиг в лингвистических воззрениях – отказ от понятийности и понятия в философском и логическом плане, где понятие определялось «как целостная совокупность суждений, т. е. мыслей, в которых что-то утверждается об отличительных признаках исследуемого объекта» (Кондаков 1981: 45). Ригористичность трактовки норм, критериев, функционального статуса, типичная для понятийности в философии, оказалась совершенно неприемлемой при новом подходе к изучению языка, поскольку в языке превалируют законы динаминости и вариабельности, а регулярность структур далеко не всегда играет определяющую роль в реализации основного критерия – свойства передаваемого смысла. Одна и та же последовательность звуков, произнесенная с разной интонацией может передавать разный смысл, что абсолютно недопустимо с позиций логики. Так, фраза «*Ну и ну!*» может означать нетерпеливую просьбу о продолжении сообщения, но может

также выражать крайнее удивление и возмущение. Подобные факты подтверждают неприемлемость для языка утверждения философов и логиков о том, что язык и мышление связаны простым однозначным соотношением – одно не существует без другого и реализуется одновременно. Следует, однако, отметить, что соотносимость не исключает автономности этих сторон человеческой деятельности. Например, то обстоятельство, что глухонемые не общаются на обычном языке, отнюдь не значит, что они не способны к мыслительной деятельности.

Трактовка ментальности в философии также связана с пониманием ее как единства сознательного и бессознательного. Сознание, знание, переживание, желание составляют осознанную часть менталитета. К бессознательной части относятся чувственные образы, установки, стереотипы, архетипы, автоматизмы, которые при всей их, с точки зрения философов, неосознанности, существенно влияют и управляют поведением и духовной деятельностью носителей менталитета.

Отражение ментальной деятельности в языке, как предполагается в философии, также должно выявляться в двух планах. С одной стороны, все осознанное должно получать выражение и закрепление в системе языка в виде классов слов, категорий, правил организации в структуры, функциональных норм. С другой стороны, бессознательная часть менталитета, по идеи, должна предопределять образование интуитивных проявлений, может быть на основе чувственных образов, а также таких форм, которые являются отражением эмоций, непроизвольной оценочности и др. В психологии эти механизмы называются «подсознанием» и рассматриваются как психические процессы, не принимающие непосредственного участия в смысловой деятельности сознания, но оказывающие влияние на ход сознания (Кондаков 1981: 449).

Однако в языке, который является отражением и материализацией ментальной деятельности, выявляется, что границы между сознательным и бессознательным проявлением ментальности не являются жесткими и четко определимыми. Наличие в языке категорий, классов и других, концептуально обусловленных сущностей, форм, значений, не имеющих онтологической базы в реальном мире (например, скрытые категории, некоторые категориальные значения, такие как нереальность, предположение; некоторые классы слов, например частицы, междометия; артикли с их функциональной многозначностью, просодические индивидуальные приемы и др.) подтверждают это положение. Большинство из них формируется на основе потребностей, возникающих в процессе коммуникативной деятельности человека. Все это связано со спецификой языка, его полифункциональностью, т. е. способностью структур включать одновременно информацию собственно коммуникативную, прагматическую, познавательную и синергетическую (т. е. восполняющую в случае выпадения из системы каких-то механизмов выражения). Но самое главное, полифункциональность есть свидетельство неоднозначности соотношения ментальной деятельности и вербализации.

Последующие исследования, в которых привлекались данные и из других наук – биологии, психологии, психиатрии – убедили лингвистов, что полифункциональность имеет материальную основу. А.Р. Лурия показал, что процессы мышления и вербализации локализованы в разных участках коры головного мозга, что свидетельствует об их автономности и возможной многоуровневости, и потому говорит о многокомпонентности механизма вербализации. Именно структурированность человеческого мышления – модулярность – обеспечивает одновременное порождение разных составляющих

ментального субстрата языковых структур. В связи с этой сложностью ментальной основы предпочтение было отдано более общему термину «концепт», вместо более частного термина «понятие», хотя следует признать, что к настоящему времени нельзя считать, что это разведение двух номинаций уже воспринято всеми лингвистами.

Концепт – это несомненно дискретная и структурированная (или, точнее, допускающая структурированность) единица знания, основанного на разных способах и каналах восприятия и осмыслиения действительности, единица, объединяющая принципы суждения и оценки, но без явной расчлененности или сегментации их и без выделения прототипичных вариантов. Границы концепта человек определить не может, и, по-видимому, объемность концепта индивидуальна и зависит от ряда характеристик личности. Вероятно поэтому М.В. Никитин определяет концепт следующим образом: «Концепт – дискретная многофакторная ментальная единица со стохастической (вероятностной) структурой. Его единство и отдельность обеспечивается тождеством того денотата, с которым он соотнесен в каких-то ментальных мирах» (Никитин 2004: 53).

Стохастичность концепта делает механизм его связи с реальной вербализацией многообразным по типу и по неоднозначности получаемого результата. Первой и главной причиной этого является само свойство языка – дискретность его единиц и линейность их организации, в отличие от вероятной диффузности и многоярусности концептов, возможного их частичного наложения и перекрывания (overlapping (Кобрин 2000: 24)). При этом слово, как основная единица номинации, представляет обычно концепт не полностью, а передает своим значением один или несколько основных концептуальных признаков (Попова, Стернин 2003: 38), тем самым определяя интенцию автора и по-

тенцируя (или детерминируя) дальнейшее развитие концептуальной основы высказывания. Таким образом, большинство слов подобны «включателям» – они включают концепт в нашем сознании, активизируя его в целом и запуская его в процесс мышления (Попова, Стернин 2003: 39). Систематизация проистекающих отсюда различий возможна только как приблизительная, однако некоторые закономерности соотносимости можно отметить.

1. Неоднозначна отнесенность концепта и последующей вербализации во времени: концепт может быть либо предшествующего, прошлого, хранящегося в памяти, либо осмыслением одновременного, возникающего в процессе вербализации, либо осмыслением предваряющим, т. е. того, что будет вербализовано в будущем, т. е. задумано как желательное или необходимое.

2. Неоднозначна сама основа формирования концепта. Он может формироваться на основе ощущений, чувств или опыта – предметно-практической, экспериментально-познавательной, либо, напротив, теоретико-познавательной деятельности (Болдырев 2000: 23-29). Именно отсюда возникает возможность и потребность усложнения и укрупнения концептов, либо их дробления или напластования одного на другой, что в свою очередь обеспечивает способность человека либо к обобщениям, либо к расчленению и частичному использованию концепта в какой-то узкой направленности. Все эти модификации обеспечивают тот объем возможной соотносимости с вербализацией, которая наблюдается в языке. Факты возможного отражения в языке фантазийного представления реальности, описание неизученных и нереальных фактов в представлении говорящего – так называемое нетаксономическое описание в терминологии М.В. Никитина (Никитин 2004: 55) – свидетельствуют о том, что ментальность

такого типа также соотносима с языковой вербализацией, более того, в языке имеется база специальных системных средств (сослагательное наклонение, средства выражения модальности возможности, желательности и др.), и, таким образом, отражение нереальности в языке не является окказиональным феноменом.

Интересы лингвистов-когнитологов на первых порах сосредоточились вокруг соотношения «концепт → вербализация» и коснулись в основном сферы синтаксиса. Здесь исследуются пути и мотивы конкретизации широкого по объему концепта в конкретную языковую вербализацию в зависимости от ряда человеческих факторов: от целей и типа номинации, мотивации и pragmatischen Orientierungnosti автора высказывания, степени учёта реципиента, конкретных законов сочетаемости лексических единиц и тех языковых последствий, которые неизбежно возникают при этом – системная либо функциональная, часто окказиональная реализация, полисемия, возникновение фразеологизированных образований, формирование синонимических рядов и др. Динамика процессов в целом расценивается как векторная – от концептуального и широкого к конкретной номинации (или к ряду конкретных номинаций).

Однако в языке, помимо некоторых расхождений, имеются и явные случаи отсутствия прямой соотносимости между ментальностью и языковой вербализацией, которые требуют объяснения и осмыслиения сущности этих механизмов. Это, во-первых, намеренно образная, метафорическая вербализация, т. е. использование слов и образование сочетаний, в которых комбинируются слова, значительно отдаленные по сферам их обычного употребления, например: *порог зрелости, зеркало души, ножницы* (в смысле возникающая нестыковка в политике, производственных процессах, научных гипотезах или дилеммах), *гвоздь программы*,

шлейф старых предрассудков, корень зла, школа злословия, заморить червячка, океаны пота, Гималаи труда, a clash of formalities, a slice-of-life novel, tons of work, heaps better, worlds worse, miles superior, newly coined words, etc. В этих случаях создается метафорический эффект, легко воспринимаемый потому, что заменяющее слово или выражение содержит и передает тот же признак или имплицирует тот же смысл, что и заменяемое слово или выражение, т. е. «ножницы» имплицируют, что «одно губит другое (режет)», «гвоздь» означает «то, на чем все держится» и т. д. Подобные образования легко входят в систему именно на основе легкости восприятия, которое характеризуется ориентированностью на общепринятое, широко известное и легко узнаваемое. В свое время А.М. Пешковский сформулировал это свойство языка следующим образом: «Язык есть, прежде всего, сфера общепринятого». Ю.С. Степанов усматривает в этой легкости вхождения в систему особые закономерности, которые он называет «длинным семантическим компонентом», обеспечивающим преемственность последующего компонента относительно предыдущего (Степанов 1981).

Знание общепринятого и языковой опыт делает возможным некоторое опережение восприятия под влиянием общепринятого, что обуславливает, в свою очередь, возможность эллипсиса и незаконченности высказывания. В этом проявляется знание носителями языка шаблонности и канонизированности структур, отражающих базисные когнитивные модели, а также способность предвидеть потенциально возможные отношения и связи, их коммуникативную обусловленность более широким контекстом. С другой стороны, уже на уровне слов привычная композиционность может дать неразложимое сочетание, передающее нерасчлененность единого концепта – член правительства, офицер запаса, железная дорога (ср. прилагательное железнодорожный, в котором

оба номинирующих элемента используются в единстве), здравый смысл (ср. здравомыслие), common sense, salaried people (бюджетники), ultimate objectives, a top boy и др. В ряде случаев на этой основе действительно образуются сложные слова: самочель, самолет, самовар и др. В английском языке, где отсутствует соединительная морфема, подобная русским «о» или «е», граница между словом и словосочетанием размыта, поэтому возможен промежуточный вариант оформления с дефисом: blackbird, expensivelooking, killjoy (зануда), armrest, но foot-falls, horse-shoe, full-fledged, и др.

При соединении единиц, принадлежащих к абсолютно несовместимым, контрастным когнитивным областям или, наоборот, дублирующих друг друга по передаваемому смыслу, может получиться смысловой абсурд при соблюдении грамматической модельности и языковых правил сочетаемости, но может также образоваться нечто неординарное с точки зрения реальности. Такого рода неконвенциональные построения часто используются в стилистических целях (например, у М.М. Зощенко: вполне драгоценный человек; мальчик у нее – сосун млекопитающийся; очень чересчур гордая нация; приглянулся мне наружной внешностью) для имитации безграмотности, низкого уровня культуры (Кобрин 2002: 20).

Такого рода номинации с включением разнохарактерных (иногда по стилю) слов встречаются в ключевых подсказках к кроссвордам. Например, «коллектив коров» имплицирует нужное слово «стадо», «кулич по будням» имплицирует «кекс», «консенсус в старину» имплицирует слово «оговор».

Все эти факты неоднозначной соотносимости ментального и вербального – появление нестандартных сочетаний, изменение объема значения слов и др. – влияют на композиционные нормы и, в конечном счете, оказывают влияние на систему языка в целом: появляются узаконенная

частотностью использования полисемия и синонимические ряды, с одной стороны, а с другой стороны – функциональная вариативность значения, вычленение первичного/вторичного по значимости в процессе коммуникации, формирование устойчивых категорий с постоянными параметрами и вариабельных категорий с изменчивыми параметрами, а отсюда появление полистатутности и синтаксических категорий, входящих в основную структуру, но с разной степенью (parenтезы, вводные слова, присоединения, парцелляции с вынесением элемента структуры за ее пределы).

В рамках генеративной семантики у лингвистов появилось достаточное количество данных о случаях возможной/невозможной реализации той или иной комбинаторики. Изучение этих фактов позволило Дж. Лакоффу сформулировать теорию гештальтов – построений, представляющих целостную функционально-мыслительную структуру, т. е. целостный образ в сознании человека (сам термин гештальт заимствован им у австрийского искусствоведа Х. Эренфельса и означает «образ»). Существование таких образов Лакофф определил на основе сопоставления разных языковых построений, в которых выявляется соответствие/несоответствие между грамматическим построением и лексическим наполнением. В ряде случаев внутренние отношения в структуре словосочетания или предложения определяются не грамматической формой, а скорее семантикой входящих элементов. При этом могут играть роль импликативные значения и оттенки значений, в результате чего значение целого может стать более развернутым или общим, но могут быть случаи, когда композиционность вообще исключена. В период публикации своей статьи Дж. Лакофф еще не сформулировал своей теории, опираясь только на эмпирические данные, однако он высказал мнение, что центр тяжести

создания моделей языковой деятельности должен быть перенесен из лингвистики в сферу теории познания (cognitive science). Таким образом, получается, что гештальты – это средство объединения и взаимосуществования в сознании человека языковых и неязыковых значений, причем, как правило, большое значение имеет индивидуальность реализации.

Становилось все более очевидным, что речепорождение не есть только редукция ментальной деятельности к более частной, конкретной вербализации. В этом процессе участвуют еще многие другие составляющие – факторы восприятия, социально-этнические и прагматические факторы, оценочные и эмоциональные факторы и др., что сильно расширяет и меняет задуманное говорящим. Основной характеристикой языка и речепорождения остается все же принцип актуальности для данной ситуации и принцип релятивизма, допустимость разного осмыслиения и имплицирования, переосмыслиения, конкретизации и расширения.

Несомненными являются следующие два фактора:

- ментальная деятельность не кончается на этапе выбора структуры и заготовок сочетаний («пучков отношений» в терминологии представителей генеративной семантики);
- концепт или фрейм и их вербализация не связаны по принципу непосредственно-го и буквального соответствия.

С точки зрения многих лингвистов, существуют и промежуточные этапы, например Л.С. Выготский и его последователи – Н.И. Жинкин, И.Н. Горелов и К.Ф. Седов, а также медики, интересующиеся функционированием мозга, например Н.П. Бехтерева, говорят о разных этапах в процессе порождения – о внутренней речи, об универсальном предметно-образном коде (УПК), которые, с их точки зрения, свойственны человеческому мозгу и обладают общностью для разных человеческих

языков, что обеспечивает переводимость с одного языка на другой. Учитывая две стороны в коммуникации – речепорождение и речевосприятие – З.Д. Попова и И.А. Стернин представляют эти процессы как аналогичные по типу последующих этапов, но с разной векторной последовательностью:

Речепорождение: УПК → промежуточный код → акустический код → внешняя речь.

Речевосприятие: внешняя речь → акустический код → промежуточный код → УПК (Попова, Стернин 2003: 33). О тех же последовательных этапах довербального процесса говорит Н.Ф. Алефиренко (Алефиренко 2003).

Несомненно одно, что промежуточные этапы существуют, иначе как объяснить появление метафоризации, фразеологизмов, селективности в сочетаемости даже синонимов, различных вариантов интеграции составляющих, появление синкетичности, имплицитности, формирование готовых заготовок в памяти в виде афористических выражений, которые используются как нестандартные образования или как знаки вторично-производной операции. Их часто называют «фразеологическими концептами», так как они заложены в памяти человека как приобретенное знание норм и узусных образований языка.

Однако соотношение между ментальной деятельностью и языковой вербализацией может быть гораздо сложнее. Это подтверждается рядом фактов, которые нельзя объяснить на основе однозначного соотношения и односторонней векторности по типу ментальное → языковое. В языке постоянно проявляются явления обратной модификации – конкретная номинация (и словесная, и пропозициональная) теряет свою конкретность и обретает обобщенность разного плана. Иногда этот процесс идет на протяжении достаточно длительного времени. Вполне допустимо, что многие факты языка такого рода могут получить объяснение только на уров-

не эпистемологии – теории познания, которая, безусловно, имеет свою специфику в сфере языка (Фрумкина 1995).

В лингвистике (в лексикологии и в грамматике) потеря словом конкретного значения квалифицируется как «десемантизация», хотя в ряде случаев правильнее было бы назвать это «деконкретизацией», так как появляется обобщенное категориальное, т. е. близкое к концептуальному, значение, поскольку эти единицы действительно значимы, но выполняют при этом уже другие функции, номинируя более широкое, как правило грамматическое, значение. Это наблюдается при образовании аналитических морфологических форм глагола, при котором с потерей конкретного значения (деконкретизацией) пропадает фактор контекстной обусловленности и влияния комбинаторики. Например, формы *have*, *has*, *had* используются для образования форм перфекта с индикацией этого значения в разных временных планах; при этом пропадает связь со всеми другими вариантами значений этого глагола в зависимости от комбинаторных условий, т. е. значение *have* (владение, обладание), *have to* (модальное значение вынужденного долженствования или обязанности), *have somebody do something* (значение каузативности), *have something done* (значение контролируемости действия кого-то).

Аналогичным образом глаголы *shall* и *will* используются для выражения будущности, с закреплением *shall* в формах первого лица и *will* в формах второго и третьего лица. При несоблюдении правил выражения категории лица эти глаголы реализуют свое исходное лексическое значение – *I* (*we*) *will...*, *I* (*we*) *won't...* выражает волитивность, а *you* (*he*, *she*, *they*) *shall* выражают каузируемое долженствование. Подобного рода модификация произошла и с другими вспомогательными глаголами.

В русском языке аналогичный процесс деконкретизации и развития обобщенно-

го значения сослагательности произошел у бывшей формы аориста «был» от глагола «быть», только этот процесс достиг более продвинутой стадии. В современном языке «бы» трактуется как частица, индцирующая сослагательное наклонение в дополнение к форме прошедшего времени (*сделал бы, пришел бы*). Этот формант также потерял контекстную обусловленность и комбинаторную ограниченность. Подтверждением этого является возможность примыкания этого форманта к словам разных частеречных классов, в том числе к союзам (*чтобы, если бы*). Формант «бы» может также использоваться в одном предложении несколько раз. В этом его отличие от вспомогательных глаголов в аналитических формах английского языка. Например, *Я бы на вашем бы месте не стал бы спорить.*

В ряде случаев связь между ментальной сферой и языковой вербализацией можетискажаться или нарушаться. Р.М. Фрумкина отмечает, что «сознание и язык не отображают внешний мир, а интерпретируют его, исходя из наших текущих потребностей» (Фрумкина 1995: 64). Поэтому в ряде проявлений языка превалирует прагматический компонент. Этот компонент важен, прежде всего, для внесения ясности и коммуникативной однозначности при выборе средств. В свою очередь коммуникативная однозначность выявляется не обязательно в сужении или конкретизации значения, она может реализоваться именно в расширении или обобщении его. Это предполагает возможность формирования семиозиса более высокого уровня, над уровнем комбинаторики и структурного значения. Такого уровня семиозис формируется в практике использования пословиц, поговорок, летучих фраз в различных ситуациях, не соотносимых с их буквальным смыслом. Дифференциация их довольно относительна и связана с временным фактором (т. е. насколько употребительны и частотны они стали), поэтому будем назы-

вать их все пословицами, поскольку речь идет о соотношении ментального субстрата и формируемого значения.

Вторичный семиозис свидетельствует, что при этом происходит включение большего числа компонентов-модификаторов (эмоциональных, оценочных, прагматических, психологических), чем при образовании доминантных конвенциональных речевых актов. Такие структуры вторичного семиозиса безусловно обеспечивают разнородность высказываний. Они проходят определенный период апробации, прежде чем закрепятся как общепринятые и понятные всем. Этот процесс несомненно связан с общим процессом эволюции языка, в котором разрушение старых норм и становление новых всегда предопределяет наличие устаревающих форм и появление новых.

Наиболее дискуссионным остается вопрос о появлении и использовании метафор. Метафоричность есть, очевидно, отражение того, что познание начинается с восприятия органами чувств – зрения, слуха, обоняния, осязания – и только потом определяется как знание, иногда неполное, с сохранением первичности восприятия, особенно в реальной практике, в создании некоторых методов обучения, исследования, в создании предметов искусства, в театральных постановках и в создания фильмов. Ряд лингвистов полагает, что метафоричность, точнее образность, свойственна человеческому сознанию.

Существование образности в сознании не вызывает сомнения, иначе невозможно было бы объяснить сновидения, творчество художников и других деятелей в сфере искусства, чья деятельность основана на их способности вынашивать образы с последующим воплощением их в художественные произведения. Но в связи с этим возник другой вопрос, интересующий не только психологов и психиатров, но и психолингвистов: в какой мере образное мышление или «картинка» отражается на поведении и речемыслитель-

ной деятельности человека. В развернувшейся дискуссии по поводу *visual mental images, pictorial formats*, которая длилась несколько десятилетий, З. Пилишин, С. Косслин, П. Роланд и другие авторы высказывали разные точки зрения по поводу участия зрительных образов в ментальной деятельности человека (Pylyshin 1991: 2003, Kosslyn 1994). Многие склонялись к мнению, что картинка играет роль в речеворождении. Однако, объяснить механизм этой связи оказалось довольно трудно, так как результаты порождения должны быть адекватны для речевосприятия, поскольку коммуникативный процесс – двунаправленный процесс (*bidirectional processing* у С. Лэма), предполагающий понимание, восприятие и осмысление реципиентом высказывания, а образность чаще всего индивидуальна и субъективна. Происходит ли это по аналогии с превращением необразных концептов в конвенциональные речевые структуры? Если так, то это реализуется чаще всего с суженным (частным, функциональным) диапазоном для обозначения конкретного факта. Метафоризация же происходит как раз в противоположном плане, с расширением и обогащением смысла первоначального наименования. Поэтому метафоричность проявляется и в других видах реальной деятельности – в создании некоторых видов обучения, исследования, в создании произведений искусства, в театральных постановках и создании кинофильмов.

Дж. Лакофф и М. Джонсон приводят в своей книге о метафорах серию примеров на метафорическую вербализацию разных концептов. Например, концепт [Argument is war] проявляется в следующих вариантах вербализации: *Your claims are indefensible. He attacked every weak point in my argument. His criticisms were right on target. I demolished his argument. I've never won an argument with him* и др. (Lakoff, Johnson 1980: 4).

К настоящему времени в лингвистике достаточно детально разработано соотно-

шение между емким и широким концептом и его конкретизацией в языке в одном направлении, по линии сужения. При этом очень часто конкретная номинация ведется не с позиций осмысления сущности чего-то, а с позиций интересов и выгоды человека, вопреки объективности. Мы говорим *Солнце село или закатилось*, т. е. придерживаемся в языковом выражении концепции Птолемея, хотя давно принятая концепция Коперника.

Такого рода факты подтверждают активную роль ментальной деятельности в процессе функционирования уже готовых структур, как отражение прагматических, оценочных и поведенческих устремлений и норм человека, выражающих назидательность, труизм, философское осмысление законов жизни и других конвенциональных сущностей. В результате фраза, заимствованная из басни И.А. Крылова, *а Васька слушает да ест* становится пословицей. В этом статусе она во все не ограничивается характеризацией поведения кота, а может быть направлена на любой субъект с намеком на похожие характеристики.

Пословицами становятся высказывания, с одной стороны, прагматически маркированные, а с другой стороны, эмоционально-нейтральные или видимо сдержанные, без контекстной закрепленности, выражающие совпадение констатируемого с логически или асерторически ожидаемым. Это и делает их по существу единицами вторичного семиозиса.

Подобные стереотипные заготовки усваиваются широко, и только человек решает, какая из них коммуникативно пригодна в той или иной ситуации. Тут, безусловно, имеет место избирательность. Мы говорим *а Васька слушает да ест*, подчеркивая определенные черты кота Васьки – невозмутимость, хладнокровие, может быть наглость, а другие черты кота не дали пословичного смысла в этом конкретном случае. Показательно также, что в разных языках обна-

руживаются сходные, даже параллельные пословицы – это только подтверждает роль когнитивных процессов и прагматических факторов в появлении и функционировании подобных структур. Такого рода данные в результате исследования английских и русских пословиц приводит Е.В. Иванова (Иванова 2003). Приведем несколько примеров: *blood is thicker than water* (кровь не водица); *who breaks, pays* (сам заварил кашу, сам и расхлебывай); *brevity is the soul of wit* (краткость – сестра таланта); *he that would have eggs must endure the cackling of hens* (любишь кататься, люби и саночки возить).

Обязательными компонентами при этом становятся внелингвистические факторы – психологические, факторы эмоционального воздействия, социальные, национально-этнические и культурологические особенности. Ряд пословиц образован из цитат, заимствованных из библии, публицистики, литературных произведений. Например, многие цитаты из пьесы «Горе от ума» А.С. Грибоедова, в том числе и само заглавие, стали пословицами: *счастливые часы не наблюдают; блажен, кто верует; и дым отечества нам сладок и приятен; свежо предание, а верится с трудом; герой не моего романа и др.*

Очевидно, что в процессе формирования обобщенного типа высказываний – пословиц, поговорок, крылатых выражений – происходит нивелирование их исходной денотативной функции. Формируется как бы вторичная номинация с размытием исходного значения в той или иной степени и приобретением нового обобщенного целостного смысла при сохранении исходной формы. При этом уровень исходного образования не важен. Это может быть и словосочетание, и любая сентенциональная структура. С потерей денотативности такое высказывание приобретает сигнifikативный статус – характер обобщенной сентенции с широким семантическим потенциалом, и с характерными свойствами сентенции (обобщенность, дидактиче-

ский труизм, народная мудрость и др.). В силу отрыва от старой исходной ситуации и нового осмыслиения такое высказывание становится метафорическим. Но чтобы такой процесс осуществился, требуется длительное и частотное употребление в практике коммуникации, т. е. создание условий для привычного восприятия смысла. Вот почему пословицы имеют обычно устаревшие структуру и лексическое наполнение.

Как всякое коммуникативное средство, пословицы не однотипны по коммуникативной функции: они могут быть **констатирующими, назидательно-дидактическими, предупредительно-деррогативными, побудительными, декларативными** (в смысле опоры на авторитет, когда говорящий снимает с себя ответственность за ситуацию).

Пословицы, однако, не всегда закрепляются с переосмыслиением исходного значения. Их исходный смысл может сохраняться, если он достаточно обобщенный. Возможны и промежуточные случаи, когда переосмысливается лишь часть высказывания.

Обобщенность в форме номинативных описательных предложений или словосочетаний, иногда отдельных слов, широко используется авторами в качестве заглавия литературных произведений. В этих случаях происходит еще большая степень сконцентрированности смысла, субъективности, целенаправленности автора, его оценки. Заглавие может относиться к проблеме в целом, не к описываемому эпизоду, оно может содержать оценку этого целого с неполной характеризацией, а лишь с выделением некоторых аспектов, социально или психологически значимых. Поэтому заглавия часто являются концептуальной номинацией, т. е. выражают концепт без структурированной развернутости, как обобщенное осмысливание чего-то в определенном ракурсе.

Все это возможно в силу того, что заглавие стоит до описания и еще вне контекста,

т. е. заглавие всегда есть «перспективизация» (термин Н.Н. Болдырева, см.: (Болдырев 2004: 29)) или «профилирование» (термин Р. Лэнекера, см. (Болдырев 2004: 30)). В нем часто присутствует момент перспективного охвата и обобщения значительно большего масштаба, с определенной целью реализовать не только фактологию, но и определенное воздействие на умы, провести свою линию в оценке ситуации и отдельных фактов. Иногда это достигается с помощью импликации. Необходимость широкого охвата требует выражения обобщенности, которая лучше всего реализуется в концептуально-образной номинации, с помощью символического использования слов с обобщенным значением. Так, Е.И. Замятин назвал свой фантастический роман «Мы» – как карикатуру, как роман-предупреждение против возможного создания общества с институтом количественного, даже «всесобщего математически выверенного счастья» (отсюда и множественное число «мы»), с упразднением свободы, человеческой индивидуальности, права на самостоятельность воли и мысли; института, где люди числятся под номерами, где выдаются розовые талоны на любовь по графику, где все едят одинаковую нефтяную пищу и т. д. По существу заглавие «Мы» – это протест против обезличивания, против принуждения. Одновременно это выражение количественности и массы, ее противостояние воздействию элиты, одержимой абсурдными и антигуманными идеями. В целом это формирует концептуальную номинацию.

Концептуальная номинация представлена во многих других заглавиях, например в повести Б. Васильева «А зори здесь тихие...», где описывается трагизм, который принесла в тихий, с изумительно красивой природой край война, и где погибают ни в чем не повинные молодые девушки, в романе Ф. Сологуба «Мелкий бес», во многих произведениях У. Фолкнен-

ра, например в романе “The Sound and the Fury”, где автор сосредоточивает свое внимание не на сюжете и действиях персонажей, а на мыслях, желаниях и эмоциях героев и описывает происходящие события с целью показать, как они воздействуют на них.

Неконвенциональная номинация характерна также при выражении оценочности и эмотивности. Эти две коммуникативные категории имеют много общего в плане соотносимости номинации с концептуальной сферой. Здесь проявляется большая роль психологического компонента, который предопределяет очень большую степень модификации вербальной реализации сравнительно с исходным концептом, вплоть до полного разрыва. Дело в том, что оценочность и эмотивность в принципе не объективны, не таксономичны, не поддаются логической систематизации, и в большинстве случаев являются выражением аффекта. В этой сфере скорее формируются эталоны, символы с закрепленными степенями качества, характеристик, интенсивности и др., безусловно присутствующих в когнитивном фоне, но не входящих в систему формальных (т. е. вербализованных) признаков по типу прямого отражения или соответствия концептам. Поэтому при вербализации очень многое основано на субъективном восприятии, психолингвистической интерпретации речевого воздействия собеседника, эмоциональности, аффекта, экстаза и др.

В.И. Жельвис отмечает, что для каждого эмоционального высказывания характерна внутренняя диалогичность, так как оно выражает определенную авторскую позицию, передает определенное предметное содержание и предвосхищает ответную реакцию (Бахтин 1979: 271, Жельвис 1990: 36). Для оценочности внутренняя диалогичность менее типична.

Очень большая степень отрыва от ментального уровня, большое количество эталонов и символов подтверждается ча-

стотностью неконвенциональных и часто бессмысленных сочетаний и фразеологизмов, речевых вольностей, затрудняющих перевод с одного языка на другой, типа *Бог весть откуда! Голову даю на отсечение! Еще бы! Как без рук! Не задирай нос! Не тут-то было! Ни дать, ни взять! Ни то, ни се! Фруктец! Народу в автобус набилось до черту! The bus was crowded as anything! Oh, mine! Catfruit! My God! For Heaven's sake! Good gracious!*

Очевидно, что в подобных случаях вербализация будет основываться не столько на основе концепта, сколько на pragматических коннотациях, связанных с эмоциональностью и оценочностью. Поскольку эти два фактора антропоцентричны и индивидуальны, они предопределяют большую степень автоматичности подобных высказываний, с использованием привычных штампов и часто инвектив.

Тем не менее, эмоциональные и оценочные высказывания имеют знаковую характеристику. Для эмотивности это обычно полярные сущности – положительные или отрицательные реакции. В.И. Жельвис пишет по этому поводу: «Эмоциональный характер лингвистических средств во многом определяется сущностью той действительности, которую эти средства выражают». И далее: «Эмоции – это переживания, т. е. значимость для человека воздействующих на него явлений и фактов. Эмоциональный мир представляет собой неотъемлемую часть человеческой психологии» (Жельвис 1990: 8). Как всякая психологическая реакция, эмотивность имеет также индивидуальную (субъективную) значимость: что хорошо для одного индивида, может быть плохим для другого.

С полярностью, по-видимому, связано отмечаемое В.И. Жельвисом (Жельвис 1990: 50) явление энантиосемии, т. е. использование слова для передачи противоположного его семантике значения (или резко отличительного значения), иногда

размытого в такой степени, что только контекст или ситуация могут подсказать задуманный смысл. Например, выражение «хорошенькое дельце», «ничего себе ситуация» могут выражать и одобрение, и неодобрение в ироническом тоне.

Подводя итог вышеизложенному, подчеркнем еще раз ошибочность однозначного толкования процесса речепорождения и речевосприятия как только результата вербализации созревшего в мыслях или возникшего на данный момент концепта. Помимо этого процесс коммуникации предполагает и оперирование уже сформированными заготовками, хранящимися в памяти. Именно этот запас и определяет знание языка.

Запас состоит в основном из обиходного арсенала речевых средств, легко реализуемого и легко воспринимаемого человеком, так как язык существует, прежде всего, для коммуникации. Игнорировать этот факт для создания стройных концепций и ради этого отбирать подходящие факты из языка не имеет смысла, как показал опыт некоторых направлений в прошлом. Е.С. Кубрякова очень точно оценила возможности развития когнитивной лингвистики, «которые могут быть успешно решены только при синтезе когнитивного подхода с коммуникативным» (Кубрякова 2004: 12).

Коммуникативный же подход предполагает подвижность во всех сферах и уровнях языка, pragматичность в использовании, появление неоднозначной соотносимости с концептуальной сферой, появление нестандартных сочетаний, изменение объема значения, появление новых композиционных норм, функциональной и категориальной вариативности и др.

Библиографический список

1. Алефиренко, Н. Ф. Проблемы вербализации концепта / Н. Ф. Алефиренко. – Волгоград : Перемена, 2003. – 96 с.
2. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – М. : Советская Россия, 1979. – 320 с.
3. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии / Н. Н. Болдырев. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2000. – 123 с.
4. Болдырев, Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 18–36.
5. Есперсен, О. Философия грамматики / О. Есперсен. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1958. – 400 с.
6. Жельвис, В. И. Эмотивный аспект речи (психолингвистическая интерпретация речевого воздействия) / В. И. Жельвис. – Ярославль, 1990. – 81 с.
7. Иванова, Е. В. Пословичная концептуализация мира (на материале английских и русских пословиц): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Е. В. Иванова. – СПб., 2003. – 23 с.
8. Кацнельсон, С. Д. Категории языка и мышления. Из научного наследия / С. Д. Кацнельсон. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 864 с.
9. Кобрин, Н. А. Язык как когнитивно-креативная деятельность человека / Н. А. Кобрин // Когнитивно-прагматические и художественные функции языка. *Studia Linguistica*. – № 9. – СПб. : Изд-во Тригон, 2000. – С. 23–29.
10. Кобрин, Н. А. Сущность композиционных процессов при взаимодействии одноуровневых и разноуровневых составляющих / Н. А. Кобрин // Проблемы когнитивной семантики. *Studia Linguistica*. – № 11. – СПб. : РГПУ им. А.И. Герцена, 2002. – С. 20–28.
11. Кондаков, Н. И. Логический словарь-справочник / Н. И. Кондаков. – М. : Наука, 1981. – 720 с.
12. Кубрякова, Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е. С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 6–7.
13. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев // Избранные психологические сочинения. – Т. 2. – М. : Педагогика, 1988. – 320 с.
14. Лужнова, С. А. Приблизительность в системе речемыслительной деятельности / С. А. Лужнова // Когнитивно-прагматические и художественные функции языка. *Studia Linguistica*. – 2000. – № 9. – С. 248–254.
15. Никитин, М. В. Развёрнутые тезисы о концептах / М. В. Никитин // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 53–64.
16. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – М. : Гос. учеб.-пед. изд-во, 1935. – 511 с.
17. Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2003. – 192 с.
18. Попова, З. Д. Язык и национальная картина мира / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2003. – 59 с.
19. Серебренников, Б. А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление / Б. А. Серебренников. – М. : Наука, 1988. – 242 с.
20. Степанов, Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения / Ю. С. Степанов. – М. : Наука, 1981. – 361 с.
21. Филлмор, Ч. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // Когнитивные аспекты языка. Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXIII. – М. : Прогресс, 1988. – С. 52–92.
22. Фрумкина, Р. М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? / Р. М. Фрумкина // Язык и наука конца 20 века. – М., 1995. – С. 74–117.
23. Barlow, M., Kemmer, S. Introduction of the Editors to: A Usage-based Conception of Language. – CSLI Publications. Center for the Study of Language and Information. – Stanford, California, 2000.
24. Halliday, M. A. K. System and Function in Language / M. A. K. Halliday. – L. : Oxford University Press, 1976.
25. Kosslyn, S. M. Image and Brain: the Revolution of the Imagery Debate / S. M. Kosslyn. – MIT Press, 1994. – P. 535–548.
26. Lakoff, G., Johnson, M. Metaphors We Live by / G. Lakoff, M. Johnson. – The University of Chicago Press, 1980. – 200 p.
27. Lamb, S. M. Bidirectional Processing in Language and Related Cognitive Systems / S. M. Lamb // Usage Based Models of Language / Ed. Barlow M. and Kemmer S. – CSLI Publications. Center for the Study of Language and Information. – Stanford, California, 2000. – P. 87–119.
28. Langacker, R. W. A Usage-based Model / R. W. Langacker // Topics in Cognitive Linguistics. / Ed. Brygida Rudzka-Ostyn. (Current Issues in Linguistic Theory, 50). – Amsterdam, Benjamins, 1988. – P. 127–161.
29. Langacker, R. W. Concept, Image, and Symbol: The Linguistic Basis of Grammar / R. W. Langacker. – Berlin; N.-Y. : Mouton de Gruyter, 1991. – 395 p.
30. Pylyshyn, Z. W. The Imagery Debate: Analogue Media Versus Tacit Knowledge / Z. W. Pylyshyn. // Psychological Review. – 1991. – № 88. – P. 16–45.
31. Pylyshyn, Z. W. Return of the Mental Image: Are There Really Pictures in the Brain? / Z. W. Pylyshyn // Trends in Cognitive Sciences. – 2003. – V. 7. – № 3. – P. 113–118.
32. Whorf, B. L. Language, Thought, and Reality / Whorf, B. L // Selected Writings of Benjamin Lee Whorf. – Ed. J. B. Carroll. – Cambridge, Massachusetts, 1956. – P. 102–111.

ФИЛОСОФИЯ СЛОВА: СЕМЬ ВОПЛОЩЕНИЙ ЛЕКСЕМЫ

Ключевые слова: лексикула, диктема, лексическая парадигма номинации, заместители имен, уточнители имен, коммонема, ригорема, концепт, информация, картина мира.

Key words: lexicule, dicteme, lexical paradigm of nomination, substitutes of names, specifiers of names, commoneme, rigoreme, concept, information, picture of the world.

Все элементы бытия по-своему многосторонни – одни менее, другие более. Каждая сторона или аспект элемента представляет собой его особое воплощение в рамках соответствующих свойств. Так, в категориях биологических признаков человек выступает в качестве животного с целым рядом частных воплощений (млекопитающее, наземное, прямоходящее, легочно-дышащее, плото- и вегетоядное и т. д.), а в категориях интеллектуальных и социальных признаков он выступает как личность с еще более обширным рядом воплощений (по темпераменту, характеру, культуре, профессии и т. д.). По мере расширения и углубления знаний о мире наука выделяет в изучаемых предметах все новые стороны, наиболее существенные из которых, возвысившись в ранг воплощения, изолируются для анализа. Важнейший пример такого рода аспектизации представляет слово языка как кардинальная принадлежность познающего человеческого сознания.

Начнем с определения слова. Известна бесконечная полемика относительно «не-преодолимых трудностей» проблемы этого определения, вместе с определением других конститутивных элементов языка (Fries 1952). Трудности, однако, преодолеваются, как только мы учтываем выделительное (а отнюдь не объяснительное) назначение определения и вводим слово с его разными и многочисленными аспектами в иерархию уровней единиц языка (Блох 2000). Первейшими по значимости с точки зрения выделения слова, то есть **лексемы** как уровнеобразующей единицы, оказываются его фонетическая, функ-

циональная и семантико-информационная стороны. Соответственно, мы получаем три определения, дополняющие друг друга в познавательном плане.

Структурно-фонетическое определение лексемы: лексема – это единица языка, образованная цепочкой фонем, объединенных в слоги, составляющие в совокупности единое звуковое целое, четко выделимое на фоне множества других звуковых целых такого же рода.

Функциональное определение лексемы: лексема – это первичная номинативная единица языка, образованная морфемами и фонетически представляющая собой объединение слогов.

Вариант: лексема – это первичная единица языка, образованная морфемами, которая служит именем некоторого элемента действительности и фонетически представляет собой объединение слогов.

Вариант: лексема – это первичная номинативная единица языка, образованная морфемами и фонетически разделенная на слоги.

Семантико-информационное определение лексемы: лексема есть первичная номинативная единица языка, самостоятельно или в соединении с другими лексемами образующая член предложения, обозначающий некоторый элемент отражаемой предложением действительности.

На основании синтеза трех аспектных определений лексемы мы можем дать ее интегративное определение (относительно названных признаков):

Лексема есть образованная слогами, находящимися в перекрестных отноше-

ях с морфемами, первичная номинативная единица языка, самостоятельно или в соединении с другими лексемами формирующая член предложения, обозначающий некоторый элемент отражаемой предложением действительности.

Лексема как слово, взятое во всех своих формах и функциях, членится на **лексикулы** – варианты слова, выражающие его частные, конкретные значения, в которых оно фактически употребляется (Блох 2005: 99). Интересная закономерность широты разброса лексемы по лексикулам состоит в том, что чем дальше отстоит лексема от основного словарного фонда языка, то есть от общеупотребительной лексики, тем уже ее лексикульный разброс, то есть тем меньше значений она выражает. Например, в толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой на одной странице, в одном столбце соседствуют однолексикульное интеллигентское слово «вокал» (певческое искусство) и шестилексикульное общеноародное слово «войти» (вступить – включиться – уместиться – обратиться – приобщиться – освоиться) (ТСРЯ 2005: 94).

Лексема входит в широкий номинативный уровень сегментной иерархии языка, куда входит также и фразема – знаменательное словосочетание. В общей теории уровней языка мы называем весь номинативный уровень лексематическим, поскольку фразема относится к области функционально-синтетической комбинаторики лексем. Подуровень фразем отличается важнейшей качественной спецификой, распадаясь на сферы свободных и устойчивых словосочетаний (последние можно назвать фразеомами, подчиняясь названию всей совокупности устойчивых словосочетаний («фразеология», а не «*фразелогия»)). По основной знаковой функции номинации, однако, несмотря на все ту же бесконечную полемику по образцу древнего «Спора о правильности имен», фразема (а с ней и фразеома) и лексема существенно **эквивалентны**, что и позволяет нам некоторые

принципиальные положения о воплощениях лексемы перенести на воплощения свободных словосочетаний-фразем и устойчивых словосочетаний-фразеом. При этом следует учитывать, что словосочетания любого статуса несравненно **беднее** количеством своих «**фразикул**» (семантических вариантов), нежели лексемы, что с очевидностью обусловливается характером их семантического содержания.

Фразематический подуровень примыкает к собственно лексематическому подуровню сверху, а снизу к собственно лексематическому подуровню примыкает подуровень служебных слов. Известно, что служебное слово уже издревле было принципиально отграничено от знаменательного слова как выразитель **неполной семантики**, как показатель не собственно содержательной семантики, а как сигнал различных отношений предметов и явлений. Разделение «полнозначных» и «неполнозначных» слов было и является первым шагом во всех классификациях слов по частям речи. Показательным в этом плане является остроумная характеристика указанных служебных слов В.В. Виноградовым не как «частей речи», а как «частиц речи» (Виноградов 1972). Показательно и осмысление этих слов некоторыми лингвистами не как собственно слов, а как «слов-морфем» (Кацнельсон 1965).

В самом деле, все эти слова, начиная от вспомогательных и далее вверх до прозрачно преобразованных из знаменательных в служебные, вроде союзов типа «кроме того» или предлогов типа «относительно», служат не прямыми названиями предметов и явлений, а непосредственными сигналами отношений, подобно разным строевым аффиксам знаменательных слов (Щерба 1957).

Ясное и последовательное осмысление указанной качественной определенности служебного слова приводит нас к единственному возможному положению о его системно-языковом статусе: служеб-

ное слово **не является лексемой** в собственном смысле этого термина; оно не является именем предмета или явления; служебное слово существенно является либо полным аналогом морфемы в случае вспомогательных слов типа аналитических показателей степеней сравнения («**более** верный, **самый** верный»), либо промежуточным образованием, занимающим некоторую позицию в рамках поля перехода (континуума) между аффиксальной морфемой и лексемой. Данное качество позволяет нам назвать служебное слово **«морфемоидом»** и исключить его из определения слова-лексемы как такого. Учтем при этом, что данное исключение диктуется не только системно-функциональным качеством служебного слова (подкрепляемого тем фактом, что служебное слово абсолютно непродуктивно и не включено в лексическую парадигму номинации (см. ниже)), но и статистически: на сотни тысяч знаменательных слов в языке, подчиняющихся законам лексической парадигмы номинации, приходится лишь несколько сот (до четырехсот – пятисот) служебных слов, то есть морфемоидов, стоящих вне лексической парадигмы номинации.

Конкретное свидетельство отсутствия у служебного слова необходимых качеств для того, чтобы выполнять полноценную номинативную функцию, можно получить, обратившись к любой словарной статье, посвященной объяснению значения служебного слова: это объяснение не является толкованием, подобным толкованию знаменательных слов; оно является лишь иллюстрацией употребления служебного слова. Сравните, например, в цитированном словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой словарную статью, посвященную союзу «или», и статьи, посвященные знаменательным словам «выбрать» и «выбор», дающим представление о ситуативной семантике этого союза посредством прямого названия:

«**ИЛИ.** 1. союз одиночный или повторяющийся. Соединяет два или несколько предложений, а также однородные члены предложения, находящиеся в отношениях взаимоисключения. *Он или я. Или он уйдет, или я.*» (ТСРЯ 2005: 244).

«**ВЫБРАТЬ.** 1. что. Отобрать, извлечь. 2. кого-что. Взять, отобрать, определить для себя нужное, предпочтаемое...» (ТСРЯ 2005: 109).

«**ВЫБОР.** 1. см. выбрать. 2. То, из чего нужно выбрать...» (ТСРЯ 2005: 109).

Как же охарактеризовать служебное слово по его статусной ценности в системе языка? «Неполная семантика» служебного слова – является ли такая характеристика действительным обозначением **неполноты** слова, или измерение соотносительной ценности языкового элемента здесь ни при чем?

Ответ на этот вопрос заключен в самом вопросе. Служебные слова в соответствии со своим статусом в системе языка таковы, что каждое из них, взятое в отдельности, представляет собой высочайшую самоценность: каждое из них типологически значимо; каждое вносит непосредственный вклад в формирование неповторимой специфики языка. В книге «Теоретические основы грамматики» я писал, что если сравнивать знаменательные и служебные слова с воинскими рангами, то знаменательные слова, при всей «полнозначности» их семантики, окажутся рядовыми солдатами в строю, а служебные слова – офицерами, организующими строй; что же касается генералов и маршалов, то этим воинским рангам соответствуют семантико-категориальные признаки слов – то есть, попросту говоря, грамматические категории (Блох 1999: 99).

Теперь перейдем к рассмотрению заявленных в заглавии работы семи воплощений лексемы.

Первое воплощение лексемы – **фонематическое**. Лексема в материальном фонематическом облике предстает в виде це-

почки фонем, сгруппированных по соответствующим морфемам. Непосредственной функцией фонемы как элементарного фonoсегмента и является построение морфемы как значащей составляющей слова. Фонемы в составе морфем и слов (см. ниже) отмечают материальные границы слова. В ученых трактатах по фонетике фонема обычно получает характеристику «смылоразличительного» звука языка. В таком традиционном определении кроется некоторая ошибка, вызванная, впрочем, рабочей процедурой опознания фонематических признаков артикулируемых звуков речи в фонетических исследованиях. Фонема не может различать смысл, она не является знаком. Недаром А.И. Смирницкий исключал фонему из единиц языка (которые, по А.И. Смирницкому, как и по Ф. де Соссюру, должны быть обязательно двусторонними), называя ее материалом, из которого строятся единицы языка (Смирницкий 1957). Функция фонемы – строить и различать морфемы. При этом фонема, повинуясь реверсивному закону соотношения сегментных уровней языка – «одна или несколько единиц нижележащего уровня формируют одну единицу непосредственно вышележащего уровня» (Блох 2000) – может самостоятельно сформировать морфему, единицу смысловую, знаковую, **сигнемную** (**сигнема** – знаковая единица языка в отличие от **кортемы** – не-знаковой единицы (Блох 2000)). Отсюда, между прочим, вытекает, что элементы языка, которые изучаются фonoсемантикой (да не подумает читатель, что мы намерены покуситься на авторитет этого интересного направления современной лингвистики) и представляются как «значимые фонемы», «фонемы, выражющие эмоции» и т. д., актом смыслотворения говорящего **лишаются собственного фонематического статуса** и фактически поднимаются по сегментно-уровневой иерархии языка в сторону уровня морфем и выше. Иное дело – буквенное или другое

графическое (например, иероглифическое) изображение фонем или, шире, языкового звучания, в том числе тембрового. Такое изображение вполне отвечает определению знака; но по своей **знаковой** функции это изображение не имеет собственного, непосредственного отношения к материальному воплощению слова; содержание такого знака состоит лишь в представлении фонем с их возможными призвуками.

Второе воплощение лексемы – **силлабическое**, слогоное. В силлабическом воплощении лексема предстает в виде цепочки слогов, непосредственно задающих, вместе с лексемным ударением (одним или несколькими) и паузой условной протяженностью в одну мору, границы лексемы. Интереснейшей стороной языка является отмеривание слогами, наряду с чередованием ударений, длины звучащей словесной цепочки. Слогоевые единства отсчитывают слова, а в поэтической речи отсчитывают строчки. Вся поэзия издревле основана на таком отсчете. Ритм поэтической речи, определяемый движением слогов, формирующих стопы и строки, так и должен называться – **стопно-строчный ритм**, а поэтическая речь, соответственно, – **стопно-строчная речь**. Именно этот слоговой ритм составляет материальный фундамент поэзии. Что касается рифмы, то таковая принадлежит к факультативному свойству поэтической речи, – конечно, свойству важнейшему с эстетической точки зрения, но все-таки необязательному под углом зрения самого бытия. Стопно-строчный ритм как материальный фундамент поэзии пришел в письменную цивилизацию из тьмы времен. Стопно-строчный ритм служит живым свидетельством того, что язык человеческого общества искони, с самого начала начал, раздавался, разделяясь на язык **витальный**, тот, посредством которого люди реально общаются друг с другом, и язык **имагинальный**, язык художественно-образной речи (Блох 1999). Что касается прозы, как

и витального языка в его многочисленных стилевых и жанровых разновидностях, то здесь ритм, также опосредуясь движением чередующихся ударных и безударных слогов, непосредственно выражается логическими (реторическими) ударениями диктум (высказываний).

Итак, изучение фонетических воплощений слова со всей четкостью высвечивает ту истину, что непосредственная функция фонемы, единицы не-знаковой, кортемной, состоит в построении звуковой оболочки морфемы, являющейся знаковым (сигнемным) фундаментом слова, а непосредственная функция слога состоит в построении звуковой оболочки целого слова, являющегося принадлежащим сознанию номинативным знаком-сигнемом.

Третье воплощение лексемы – **морфемическое**. В этом воплощении лексема предстает в виде цепочки морфем – элементарных знаковых (сигнемных) сегментов, формируемых фонемами и выполняющих функцию составных частей номинативной семантики лексемы. По реверсивному закону иерархии сегментных уровней языка фонетическая морфема (кортемная оболочка морфемы), как отмечалось, строится одной или несколькими фонемами. Морфемный состав языка подразделяется на два кардинально различных множества. Одно множество включает корневые морфемы, составляющие в слове его «вещественный» сегмент. Этот сегмент служит основой или базой номинации, согласно функциональному назначению корня. Другое множество включает аффиксы двух типов – словообразовательные (префиксальные, суффиксальные) и словоизменительные, флексионные. Если корневые морфемы служат базами номинации, то аффиксальные морфемы служат модификаторами номинации. Соединение корневых морфем со словообразовательными в рамках лексической парадигмы номинации (см. ниже, раздел о категориальном слове) обеспечивает создание сколь угод-

но большого количества слов-номинаций, соответственно когнитивным и коммуникативным потребностям человека. Отсюда видно, какая важнейшая роль в функционирующей системе языка принадлежит словообразованию. В динамике речеобразования, то есть в рамках актуального мыслительного процесса, система словообразования, действующая через лексическую парадигму номинации (на каждом когнитивно-коммуникативном шагу порождающую неологизмы *ad hoc*), фактически смыкается с категориальной системой словоизменения, предложной и союзной системами аранжировки слов и разными функциональными системами выражения посредством прочих морфемоидов; все эти системы и группы в совокупности и составляют великую функциональную надсистему речеобразования – «механизм» речемыслительного процесса, устройство которого все шире и глубже раскрывается усилиями современной науки.

Четвертое воплощение лексемы – **категориальное**. В категориальном воплощении лексема предстает в виде пучка категориальных форм, реализующихся на базе некоторой совокупности подклассовых признаков (отношение к свойствам нарицательности-субстантивности, одушевленности-неодушевленности, личности-неличности, счисляемости-несчисляемости, совершенности-несовершенности, дискретности-непрерывности, конкретности-абстрактности, качественности-относительности и т. д.). Коренной категориальной характеристикой лексемы является ее частеречный статус. Известна шумная полемика вокруг классификации слов по частям речи, не затухающая за всю более чем двухвековую историю современного системного языкоznания. Современные языковеды чуть ли не едини в уничтожающей критике так называемой **традиционной** классификации слов по частям речи и, с другой стороны, абсолютно едини в ее фактическом, явочном

применении в своих исследованиях. Показательным и забавным примером критики «на котурнах» классической теории частей речи со своеобразным проникновенным обращением к читателю-лингвисту может служить следующая тирада М.И. Стеблина-Каменского, признанного теоретика строя языка: «Нам, лингвистам, едва ли целесообразно, уподобляясь страусам, прятаться от того факта, что наши познания в области природы слова, и в частности его грамматической природы, еще недостаточно глубоки для того, чтобы можно было построить грамматическую классификацию слов в научном смысле этого слова... Распределяя слова по частям речи, т. е. утверждая, что среди слов есть так называемые существительные, прилагательные, глаголы и т. д., мы, примерно, делаем то же самое, как если бы мы, суммируя то, что мы знаем об окружающих нас людях, сказали, что среди них есть блондинки, есть брюнеты, есть математики, есть профессора, а есть и умные люди...» (Стеблин-Каменский 1974). Не могу не обратиться к притче о гостях, одни из которых вкусную пищу с удовольствием кушают и похваливают, а другие с не меньшим удовольствием кушают и поругивают. В самом деле, «традиционная» классификация является вполне современной по исследовательскому существу, будучи основана на совокупности трех четко обозначенных критериях – семантическом, формальном, функциональном (Смирницкий 1959: 104-105). В эту классификацию заложили блестящее содержание русские ученые, особенно русисты А.А. Шахматов и В.В. Виноградов, и англисты А.И. Смирницкий и Б.А. Ильиш. В то же время эта классификация, интерпретированная с учетом новых наблюдений над категориальными свойствами слов, показывает направление дальнейших обобщений и уточнений в актуальной сфере лексемно-категориального исследования. Предложенное мною

обобщение в данной области формулируется в теории трехслойного грамматического членения словарного состава (Блох 2005: 110-119). Соответственно функциональным свойствам слов теория распределяет их по трем неравным слоям. Первый слой – знаменательные слова, являющиеся прямыми названиями предметов, явлений и их свойств. Особо отмечу, что **процесс**, в рамках указанной совокупности понятий, тоже относится к категории свойств предмета или явления. Соответственно, все эти неисчислимые слова figurально названы **именами** и разнесены по четырем классам: существительные (N), глаголы (V), прилагательные (A), наречия (D). Все четыре класса имен связаны категориальной системой словообразования, представляющей собой **лексическую парадигму номинации**. Данная система такова, что любой знаменательный корневой сегмент потенциально и немедленно раскладывается в ней по указанным четырем рубрикам, образуя соответствующие (прагматически релевантные) имена предмета, процесса, адъективного свойства, адвербиального свойства.

Порядок взаиморасположения имен в парадигме номинации диктуется логикой их содержания: воспринимающему сознанию сначала предъявляются предметы, затем внешне проявляемые процессы, претерпеваемые предметами (прежде всего действия), затем свойства предметов (первичные свойства), затем свойства процессов и свойства свойств (вторичные свойства). Предоставление в парадигме первого места существительному диктуется и тем, что существительное является семантически самым емким именем, «определяющей» своей категориальной природой всю прочую категориальную семантику: номинационная потенция существительного, в отличие от других имен, безгранична; по этому признаку существительное можно характеризовать как собственно полное имя. Более половины

всего состава словаря языка являются существительными, а терминосистемы формируются существительными не менее чем на восемьдесят - девяносто процентов.

Зияния в рубриках парадигмы номинации заполняются супплетивно. Парадигма номинации превращает слой имен в принципиально и актуально открытое множество, обеспечивая немедленную номинацию любого объекта, вновь появившегося в сознании, – соответственно, предмета, процесса, адъективного свойства, адвебиального свойства.

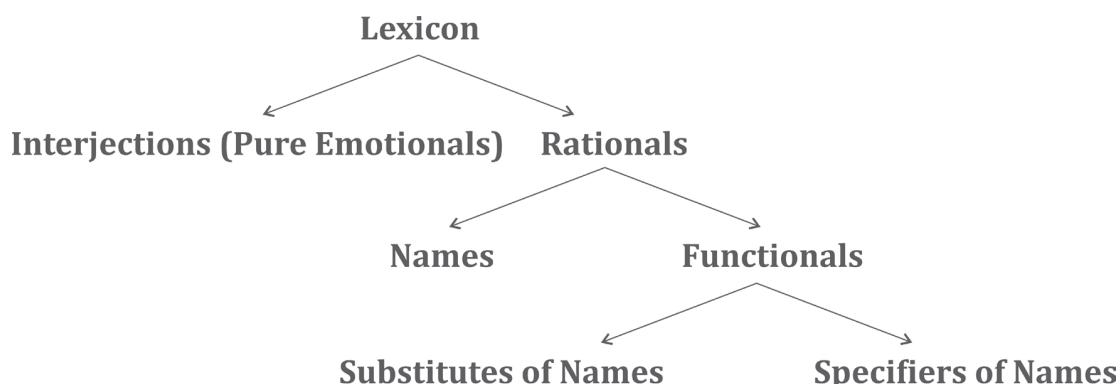
Второй слой лексем в классификации – местоименные слова, слова указательно-заместительной природы. К собственно местоимениям по этому признаку примыкают широкозначные слова типа *вещь, предмет (pro-N)* – *действовать, делать (pro-V)* – *такой, подобный (pro-A)* – *так, похоже (pro-D)*, а также числительные. Этот слой – закрытый, исключая однообразную открытость системы числительных. Фигуральное название слоя – **заместители имен**.

Как видим, заместители имен выделяются для всех четырех классов имен, в том числе и глаголов. В своих терминах это четко показал Чарльз Фриз в 1952 году.

Третий слой слов в классификации – служебные морфемоиды, условно назван-

ные **уточнителями имен** – предлоги, союзы, частицы, модальные глаголы и др. Слой закрытый. Об особой статусной ценности морфемоидов мы говорили выше. На морфемоидах непосредственно основаны закономерности соединения знаменательных лексем в высказывания, то есть в речь как поток мыслей, выраженных средствами языка.

Среди морфемоидов выделяются междометия – сигналы разных эмоций, реализующиеся в виде возгласов. В рамках категориальной классификации их можно поместить в слой «уточнителей имен», имея в виду их речевую включенность в некоторое высказывание, которое в своей основе всегда строится именами. Другая возможность – выделить их в отдельный слой, поскольку междометия характером своего содержания противопоставлены всем трем слоям, вместе взятым. В последнем случае трехслойная грамматическая классификация словарного состава превращается в четырехслойную, что по существу не меняет дела. Наконец, третья возможность – отделить их от всех прочих слов сразу, как предварительный шаг к трехслойной классификации. В таком случае указанная классификация сможет принять, например, вид схемы-дерева:

Русские варианты терминов (соответственно): **эмотивы (чистые) – рационализтивы – имена – сервитивы – заместители имен – уточнители имен**.

Последнее решение обосновывается тем, что оттенок междометности могут

получить в составе высказывания лексемы всех трех слоев, тем самым превращаясь в **междометоиды** (Чуранов 2008).

Пятое воплощение лексемы – **лексикально-распределительное**. В этом воплощении лексема раскладывается на

свои реально употребляемые варианты, в алло-эмическом представлении «алло-лексы», названные мною «лексикулами», то есть «словечками»; выдвигая этот термин, я руководствовался соображениями словообразовательного удобства и взял за семантический образец физический термин «нейтрино» – «нейтрончик». Лексикульно-распределительное воплощение со всей ясностью демонстрирует лексему как совокупность лексикул, объединенных инвариантной семантической основой и разъединенных индивидуальными семантическими признаками, располагающими лексикулы на разных семантических расстояниях от основы. В ходе развития языка это расстояние может становиться настолько большим, что приводит лексему к распаду на омонимы. При этом омонимичная лексикула может быть выведена за пределы первоначальной словарной статьи, а может и нет – например, по недосмотру автора словаря. Так, в словарной статье, посвященной лексикульному списку лексемы «идти» в вышеуказанном толковом словаре, в качестве двадцатой лексикулы заверстывается лексикула со значением «быть к лицу, подходить», представляющая собой явный омоним, поскольку ни в каком смысле, ни в прямом, ни в переносном, не содержит семантического компонента «двигаться в определенном направлении, с определенной целью», являющаяся объединяющим стержнем лексемы.

Значение лексикулы в терминах сем было названо семемой (а значение всей лексемы, то есть всей совокупности значений ее лексикул, – семантемой). Семема – пучок сем разной степени обобщения, от категориальных через родовые, видовые и внутренне-лексемные до индивидуально-лексикульных, собственно выделительных.

Как известно, когнитивная лингвистика представляет значение языковой номинации в виде «концепта», выделенное

множеством семантически ассоциированных концептов в виде «концептосферы», а совокупное знание о мире, заключенное в значениях лексем и грамматических категорий, в виде «языковой картины мира» (КСКТ 1996). В связи с указанной понятийной разбивкой представления языковой семантики нужно сказать следующее.

Концепт по определению дает понятийное обобщение некоторой номинации, не выделенной профессионально, а бытующей в сознании обычных носителей языка. Концепту противостоит со стороны обыденного сознания некоторое конкретное значение, отражающее конкретно воспринимаемый объект действительности, а со стороны активно действующего творчески-аналитического сознания некоторое точное значение, зафиксированное строго научным, логически обработанным определением. Указанные три типа значения, три типических семемы, составляют смысловое содержание трех основных семантических типов лексикул. Таким образом, перед нами находятся четыре кардинальных понятия, занимающих фундаментальное место в общей, философски (на высшей ступени абстракции) формулируемой теории семантики (Блох 2007).

Во-первых, это само понятие значения, которое (значение) определяется самым общим образом как умственное отражение некоторого предмета восприятия, реального или воображаемого, в его выделенных сознанием чертах.

Во-вторых, это значение обычное, конкретное, выделяющее в сознании индивида конкретный предмет восприятия. В эмических терминах такое значение можно назвать **значением-коммонемой**. Примером таких значений различного категориального свойства в номинативно-парадигматическом ряду могут быть, соответственно, значения слов *стойка* – *стоять* – *стоячий* – *стойма*.

Во-вторых, это значение обобщенное, выделяющее в сознании некоторое по-

нятие не строго очерченного характера, а вполне обыденное, свободно обращающееся в каждодневном общении. Такого рода понятия можно проиллюстрировать номинативно-парадигматическим рядом *дружба – дружить – дружный – дружно*. Терминологическое обозначение данного понятия введено (нельзя сказать, чтобы очень уж удачно) лингво-когнитивной теорией: **концепт**.

Концепты следует подразделить на органические и неорганические. Органический концепт выражается собственной семантикой лексикулы, как в приведенном примере; неорганический концепт создается аналитическим сознанием из коммонемы путем умственной процедуры обобщения или абстрагирования. Ср.: *квартира как тип жилища, река как тип водного потока или, шире, как природное явление, связанное с формой существования воды и т. д.*

В-третьих, это значение, имеющее строгое определение в некоторой области научного знания – точного, естественного, гуманитарного. Это значение является строгим, или научным, понятием. Его можно назвать **значением-ригоремой**. Слово, обозначающее данное понятие, является термином. Терминотворчество, как отмечалось выше, тяготеет к субстантивному именованию предметов знания. Построение полной парадигмы именования здесь, как правило, неактуально, особенно в точных науках (разные отрасли математики) и близких к ним. Например: *косинус, касательная, траектория, синхрофазотрон*. Мы говорим «неактуально» (но **не «невозможно»**), имея в виду глобальную **потенциальную** возможность выстроить полную парадигму номинации на любом знаменательном корне, в том числе и на корне термина. При этом потенциальная возможность вполне жизненна, находя действительную реализацию в разных стилистически маркированных контекстах, выраждающих, например, пародийный

комизм, иронию, порицание, негодование и другие выразительно подчеркнутые чувства и смыслы. Сравните: *синхрофазотронить* (*Опять ты синхрофазотронишь мне в уши вместо того, чтобы говорить по-человечески!*) – *синхрофазотронный* (*Синхрофазотронное решение здесь не даст нужного результата!*) – *синхрофазотронно* (*А если разделаться с этими молекулами синхрофазотронно?*).

Следует твердо знать, что все три представленных типа значения выражаются не лексемой, а лексикулой. Лексикула-термин в силу специфики своей семемы безусловно выходит за рамки тождества слова, образуя омоним в виде, как правило, однолексикульной лексемы. Все три типа значения выражаются последовательностями суждений, различными по детализации: коммонема – самой краткой и простой, концепт – гораздо более развернутой и детализированной, ригорема – наиболее развернутой и детализированной. Эти последовательности могут быть не только немыми, подразумеваемыми, но и оглашенными в соответствующих ситуациях, когда это необходимо.

Что касается языковой картины мира, то она в максимально чистом виде встраивается в сознание ребенка, естественно овладевающего естественным языком, а затем, в процессе взросления индивида-носителя языка, все более и более отодвигается на фоновый план по мере накопления индивидом личного опыта и объема образовательного и иного знания. С лингвистической точки зрения такую сверхязыковую, собственно когнитивную (познавательную) картину мира можно назвать дискурсной (Блох 2007).

Шестое воплощение лексемы – стилевыделительное, **стиле-маркирующее**. В этом воплощении лексема распределяет характеристики своих лексикул по разным стилям и жанрам, в соответствии с разными аспектами их выразительности. Надо сказать, что в современном языкоznании

понятия стиля и жанра в их соотношении пока еще твердо не установились (Тырыгина 2005). Загадки здесь нет – характеристики выразительности тонкие, постоянно готовые перетекать друг в друга. Значит, для их последовательного анализа полезно дать им рабочее определение и придерживаться его в ходе выполнения того или иного наблюдения.

Итак, определим стиль как совокупность признаков языкового элемента, действующих на чувства носителей языка. Определим жанр как совокупность признаков языкового элемента, требуемых целеполаганием речевого действия (связанного, в первую очередь, с родом деятельности и средой, в которой происходит общение). Стиль может быть разговорным, книжным, простым, витиеватым, грубым, вежливым и т. д. Жанр может быть жанром интервью, политических переговоров, делового письма, комедии, анекдота и т. д. В этом осмыслении возможно говорить о стиле жанра, но неразумно говорить о жанре стиля. В этом же осмыслении характер речи, называемый «функциональным стилем» (стиль бытовой, деловой, публицистический, научный и т. д.), оказывается не собственно стилем, а жанром. С другой стороны, целесообразно различать, наряду с узким понятием стиля, также и широкое понятие стиля, включающее оба узких понятия – стиля и жанра. Это оправдано принятым узусом, это оправдано и составом дисциплины, изучающей и стили, и жанры – эта дисциплина называется «стилистика». Таким образом, в общие характеристики выразительности лексемы вполне разумно включить и стилевые показатели, и жанровые показатели, и называть их «стилистическими характеристиками лексемы (или лексикулы)». Значит, со стороны стилистико-жанровых характеристик или, в широком смысле, просто стилистических показателей лексема и лексикула могут быть сленговыми, студенческими, ораторскими, грубыми,

бранными, восторженными, хвалебными, хвастливыми, интимными, вульгарными, терминоподобными, научообразными, впечатляющими, банальными, переносными,figуральными, шокирующими и т. д., и т. п.

Но все эти показатели и характеристики принимают конкретный и четкий вид при употреблении лексемы в речи, в информационном воплощении лексемы, когда она одной из своих лексикул становится членом предложения, реализованным в составе высказывания-диктемы.

Седьмое воплощение лексемы – информационное. В этом воплощении лексема в лице одной из своих лексикул заверстывается в речь и становится членом предложения (самостоятельно или в соединении с другими лексикулами), которое (предложение), в свою очередь, выступает в составе некоторой диктемы или формирует диктему самостоятельно (Блох 2000, Блох 2009: 192-196). Происходит смысловая метаморфоза лексикулы, языковая семантика которой превращается в речевую информацию, и сама лексикула превращается в денотему – член предложения или часть члена предложения. Денотация в настоящем употреблении есть контекстная номинация, обозначение контекстно выделенного предмета, явления, отношения. Денотация может превратить положительную оценку чего-то в отрицательную оценку и наоборот, живое существо в неодушевленный предмет и наоборот, белое в черное и наоборот и т. д. в том же роде. Именно контекст раскрывает систему языка как средство формирования мыслей, а отнюдь не сами мысли. Даже единицы цитационной части языка в виде пословиц, сентенций, цитат, крылатых выражений, хотя они и являются осколками текстов-речей, выполняют собственное действие языка, служа средствами формирования мыслей. Это касается каждого цитационно-языкового высказывания. Так, широко применяемое речение «Не в свои

сами не садись!», использованное в ходе некоторого общения, как правило, ничего общего с санями не имеет. А если в частном случае общения оно и было бы связано с санями, контекстная подоплека значения была бы конкретной, контекстно-определенной, актуально-смысовой. Таким образом, можно в широком смысле сказать, что язык служит его носителям не мыслями, а средствами формирования мыслей. Это значит, что строить выводы о национальном характере, о менталитете, о языковой картине мира, которая якобы определяет национальное мировоззрение, является делом совсем непродуктивным, не отвечающим действительно актуальной философско-психологово-социолого-лингвистической задаче изучать закономерности формирования менталитета как оценочной части сознания. Определяет менталитет не язык, а культура, цивилизация, обычаи, верования, опыт, образование и другие общественные факторы, язык же является непременным проводником этих факторов в сознание человека – и в этом смысле и только в этом он непременно посредствует в выработке менталитета каждого отдельного человека, каждой общественной группы и общества в целом.

Итак, мы показали семь воплощений лексемы как единицы языка, дающей название всему существу. Эти воплощения выступают в виде, во-первых, фонематического воплощения, во-вторых, силлабического воплощения, в-третьих, морфематического воплощения, в-четвертых, категориального воплощения, в-пятых, лексикульно-распределительного воплощения, в-шестых, стиле-маркирующего воплощения, в-седьмых, семантико-информационного воплощения. Все эти воплощения функционируют в актуальном речевом действии, каждое в рамках своего предназначения, и реализуется это предназначение через

предложение, включенное в диктуму как элементарную тематизирующую (топическую) единицу текста. Фундаментально важным для носителя языка – языковой личности – является неукоснительное осознание того, что за названием лежит смысловое содержание, распределенное по лексикулам и являющееся либо обычным значением, либо общественно принятым концептом, либо строгим научным понятием, превращающим лексикулу в термин. Таким образом, словарный состав уподобляется оглавлению в книге, в то же время распадаясь на две принципиально различные части: с одной стороны, назывную часть, открытую непосредственному восприятию, а с другой стороны, содержательную часть, скрытую от непосредственного восприятия. Содержательная часть представляет собой скрытые тексты, последовательности **обычно неоглашаемых** суждений. Но если значение лексемы (а лучше сказать лексикулы) представляет собой неоглашаемый текст, то возникает вопрос: какая доля такого текста принадлежит языку, а какая доля выходит за рамки языка, переходя в область знания – общего и специального. Некоторое представление об этом можно получить, сравнивая толковый словарь со словарем энциклопедическим и предметным. И что касается прикладного аспекта лингвистики, то одной из самых актуальных задач языковедов, а также непременно и философов (как анализаторов мысли в процессе ее формирования и отражательного действия), является дальнейшая деятельность по созданию, уточнению и выбору толкований лексем с целью выделения в них такого смыслового содержания, которое действительно принадлежит языку как средству формирования мыслей и сохраняется за лексемами в любых условиях и при любых мотивах их употребления.

Библиографический список

- Блох, М. Я. Литературно-художественная речь и стилевая дифференциация языка / М. Я. Блох // Россия и Запад: Проблемы истории и филологии. – Нижневартовск, 1999. – С. 269–272.
- Блох, М. Я. Диктема в уровневой структуре языка / М. Я. Блох // Вопросы языкоznания. – 2000. – № 4. – 56–67.
- Блох, М. Я. Теоретические основы грамматики / М. Я. Блох. – М. : ВШ, 2005. – 239 с.
- Блох, М. Я. Проблема понятий концепта и картины мира в философии языка / М. Я. Блох // Преподаватель XXI век. – 2007. – № 1. – С. 101–105.
- Блох, М. Я. Внутренняя речь (языковой строй и функциональная природа) / М. Я. Блох, Ю. М. Сергеева. – М. : МПГУ – Эра, 2009. – 308 с.
- Виноградов, В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – М. : Высш. шк., 1972. – 616 с.
- Кацнельсон, С. Д. Содержание слова, значение и обозначение / С. Д. Кацнельсон. – М.-Л. : Наука, 1965. – 110 с.
- Смирницкий, А. И. Синтаксис английского языка / А. И. Смирницкий. – М. : Изд-во лит. на ин. яз., 1957. – 288 с.
- Смирницкий, А. И. Морфология английского языка / А. И. Смирницкий. – М. : Изд-во лит. на ин. яз., 1959. – 440 с.
- Стеблин-Каменский, М. И. Спорное в языкоznании / М. И. Стеблин-Каменский. – Л. : Ленинградский университет, 1974. – 142 с.
- Тырыгина, В. А. Предикация в жанровой перспективе / В. А. Тырыгина // Филологические науки. – 2005. – № 2. – С. 68–76.
- Чуранов, А. Е. Переход знаменательных частей речи в междометия / А. Е. Чуранов // Вестник Вятского Государственного гуманитарного университета. – Киров, 2008. – № 2(2). – С. 95–98.
- Щерба, Л. В. О частях речи в русском языке / Л. В. Щерба // Избранные работы по русскому языку. – М. : Гос. учеб.-пед. изд-во Мин-ва Просвещения РСФСР, 1957. – С. 63–84.
- Fries, Ch. C. The Structure of English / Ch. Fries. – N.Y. : Harcourt, Brace and Co., 1952. – 304 с.
- [КСКТ] Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – М., 1996. – 243 с.
- [ТСРЯ] Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Институт русского языка РАН, 2005.

Н.Н. Казыдуб
Иркутск

ДИСКУРСИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ОБЪЕКТ МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Ключевые слова: дискурсивное пространство, моделирование, культурный концепт, культурный сценарий, личностный индекс, семиологический механизм, эволюционная динамика.

Key words: discourse space, modeling, cultural concept, cultural scenario, personal index, semiological mechanism, evolution dynamics.

В современной лингвистике наблюдается тенденция к формированию междисциплинарного исследовательского пространства, в рамках которого обеспечивается комплексное описание мультиреферентных образований и раскрываются закономерности их порождения и функционирования. В связи с этим в фокус исследовательского интереса попадает дискурсивное пространство – арена обсуждения социально значимых и личностно релевантных смыслов.

Теоретическое моделирование дискурсивного пространства исходит из идеи о многомерности и многоуровневости такого пространства и имеет своей целью

создание схематического образа-модели, отражающего идеологические и структурные параметры социального взаимодействия (Казыдуб 2006: 34). Основополагающими являются следующие тезисы:

Тезис I. Дискурсивное пространство представляет собой культурологическую систему. Оно конституируется культурологическими сценариями и фреймами и «встраивается» в культурное пространство реального мира.

Тезис II. Дискурсивное пространство рассматривается как психологическая система. Это – интенциональная система, синтезируемая диалектическим взаимодействием оригинальных интенци-

ональных систем – ментальных образов личности.

Тезис III. Дискурсивное пространство является как семиологическая система. Его конструирование регулируется семиологическими механизмами модификации, тропеизации и насыщения.

Тезис IV. Дискурсивное пространство является исторической системой. «Историчность» дискурсивного пространства проявляется в двух ракурсах: а) как «привязанность» дискурса ко времени, в котором он протекает (Кубрякова 2004), и б) как динамика его развития по мере развития лингвокультурного социума.

Соответственно, дифференцируются основные измерения дискурсивного пространства: культурологическое, психологическое, семиологическое и эволюционное (историческое).

Оперативным механизмом, обеспечивающим взаимосогласование конститутивных измерений в условиях функционального континуума, является **системный оператор**. Специфицируя основные измерения дискурсивного пространства в зависимости от типа социального взаимодействия и идеологических концепций взаимодействующих субъектов, системные операторы оформляют культурообразующие дискурсивные системы.

Культурологическое измерение оформляется в рамках общетеоретической проблемы соотношения культуры и языка.

К числу основных интерпретационных моделей культуры относятся следующие.

1. Культура – сеть социальных ситуаций, интерпретируемых в терминах культурных форм, имеющих дистрибуцию в социальном пространстве и социальном времени. Социальная ситуация включает три типа единиц: социальные роли (и классы ролей); б) отрезки (и измерения) социального времени; в) участки (и измерения) социального пространства (Бок 1999).

2. Культура – семиотическая сущность. Ее основу составляют семиотические меха-

низмы, связанные с хранением знаний и текстов, с их циркуляцией и преобразованием и порождением новых знаков и новой информации (Степанов 2001(б), Лотман 2002).

3. Культура – совокупность уникальных конфигураций знаний (Schiffri 1994).
4. Культура – когнитивная система, отражающая аксиологические и эпистемологические парадигмы, характерные для определенного культурного социума на определенной ступени его исторического развития. Условием существования культуры называется (взаимо)понимание – герменевтическая процедура, предопределяющая успешность ориентирующей деятельности человеческого сознания (Брудный 1998, Ильин 2001).
5. Культура – совокупность прескрипций – ср.: «Культура – своего рода орденский устав, во всяком случае, она предполагает некие правила» (Витгенштейн 1994: 488).
6. Культура – антропологический феномен (Гуревич 2003).

Связь культуры и языка фундируется системами культурных концептов и культурных сценариев.

Программным является определение концепта как основной ячейки культуры в ментальном мире человека, сформулированное Ю.С. Степановым (2001 (а)). Концепт обладает сложной структурой: различаются три слоя концепта: (1) основной, актуальный признак; (2) дополнительный или несколько дополнительных, «пассивных» признаков, являющихся уже неактуальными, «историческими»; (3) внутренняя форма, обычно не осознаваемая, запечатленная во внешней словесной форме (там же: 47). Многогранность концепта лежит в основе его дискурсивной лабильности: «высвечивается» та грань концепта, которая формирует интенциональный фокус реальной ситуации речевого взаимодействия. Ср.: «Каждый концепт в сущности может быть по-разному расшифрован

в зависимости от сиюминутного контекста и культурного опыта, культурной индивидуальности концептоносителя» (Лихачев 1993: 5).

Культурный концепт определяется как «многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» (Карасик 2004: 109). Образ, понятие и ценность коррелируют с базовыми оппозициями, определяющими картину мира. **Ценностная** составляющая коррелирует с аффективным аспектом концепта, образная – с его **перцептивным** и когнитивным аспектами, а **понятийная** – с аспектом языковой актуализации данного явления (там же: 118). Осмысление культурного концепта с позиций интегрирования теоретических подходов позволяет варьировать диапазон культурологической интерпретации дискурсивного пространства. Разноуровневое представление дискурсообразующего концепта является методологическим инструментом, который позволяет вскрыть диалектическое взаимодействие разностатусных механизмов при конструировании концептуального пространства дискурса.

Культурные концепты образуют эволюционные семиотические ряды и парадигмальные семиотические цепи (Степанов 2001 [б]). Эволюционный семиотический ряд объединяет концепты, относящиеся к различным историческим эпохам. Эволюция культурного концепта осуществляется по принципу семиотического замещения. Концептуальная парадигма эпохи конституируется концептами одной эпохи, принадлежащими к разным эволюционным рядам (там же). Историческое и «стилевое» оформление семиотических рядов позиционирует культурные концепты в двух системах: культурологической парадигматике и эволюционике. По этой причине моделирование дискурсивного пространства с необходимостью носит комплексный характер: оно должно учитывать и «сти-

левую» комбинаторику, и эволюционную динамику.

Известен метод описания социального взаимодействия в терминах культурных сценариев, разрабатываемый в работах А. Вежбицкой. Культурные сценарии представляют собой «грамматику культуры». Они репрезентируют наиболее значимые контексты социального взаимодействия. Эта методология учитывает вариативность социального взаимодействия, но ее идеологическим принципом становится положение о существовании культурной парадигмы, в рамках которой осуществляется речемыслительная и речеповеденческая деятельность индивидуума. Культурные сценарии объективируются посредством речевых стратегий, типичных для данного культурного социума. Описание культурных сценариев посредством формирования лексических универсалий, предлагаемое А. Вежбицкой (1999, 2001), ценно тем, что позволяет сопоставить различные культуры исходя из унифицированных параметров. Однако в процессе социального взаимодействия культурный сценарий насыщается самыми разнообразными культурными коннотациями, которые вряд ли могут быть исчерпывающим образом эксплицированы в терминах семантических примитивов. Более адекватной представляется этнокультурная интерпретация, в основе которой лежит определение парадигмообразующего элемента культурного сценария и соотнесение восприятия социальных смыслов и лингвистических кодов и моделей взаимодействия личности с окружающим миром.

Этнокультурная интерпретация дискурсивного пространства в терминах прототипического сценария требует учета таких культурообразующих и культуроспецифицирующих факторов, как:

1. прототипическая идеология – система психологических ожиданий индивидуума, обусловливающих выбор дискурсивных стратегий, непротиворечащих

мировоззренческой парадигме данного лингвокультурного социума;

2. мифологические архетипы – интегрируя рациональные и иррациональные механизмы мировосприятия и миросмыслия, миф представляет собой эффективный инструмент речевого воздействия, ибо существует презумпция его истинности: «Мифологическое не проверяется» (Почепцов 2001: 96). Согласно концепции Е.И. Шейгал, миф имеет статус прецедентного феномена (Шейгал 2004: 141);

3. стереотипные образы – культурологически мотивированные стандарты речевого поведения и речевого взаимодействия, предписывающие индивидууму определенные стратегии фреймирования дискурсивной реализации.

Психологический аспект дискурсивного пространства осмысливается в терминах личности, продуцирующей и интерпретирующей дискурс. В речевой коммуникации личность проявляет себя в нескольких ипостасях, а именно:

а) как человек говорящий – личность, одним из видов деятельности которой является речевая деятельность;

б) как языковая личность – личность, проявляющая себя в речевой деятельности, обладающая определенной совокупностью знаний и представлений;

в) как речевая личность – личность, которая реализует себя в коммуникации, выбирающая и осуществляющая ту или иную стратегию и тактику общения, выбирающая и использующая тот или иной репертуар средств (как собственно лингвистических, так и экстралингвистических);

г) как коммуникативная личность – конкретный участник конкретного коммуникативного акта, реально действующий в реальной коммуникации (Красных 2003: 51).

Полимодусная организация личности-участника речевой интеракции помещает ее исследование в плоскость взаимодействия

ряда презентационных областей, как-то: а) этнической; б) социальной; в) ментальной; г) языковой; д) речевой, что служит основанием для определения этой личности как этно-социо-психолингвистической категории. Последняя репрезентируется посредством личностных индексов: а) этнического; б) социального; в) интеллектуального; г) интенционального; д) языкового; е) речевого.

Под **социальным личностным индексом** понимается совокупность характеристик, позиционирующих коммуницирующую личность в сети социального взаимодействия. К социальным личностным индексам относятся: 1) социальный статус в его субстантивном и реляционном измерениях; 2) социальные роли; в) социальные механизмы, регулирующие движение (деятельность) индивидуума в социуме (социальные нормы, социальные институты и т. д.).

Интеллектуальный личностный индекс оформляется интеллектом как специфической человеческой способностью. Со словом «интеллект», как отмечает Е.В. Урысон, ассоциируются два круга употреблений. Это – контексты, где имеются в виду интеллектуальные способности вообще, и контексты, в которых речь идет о способности человека получать принципиально новое знание. Во втором случае слово «интеллект» содержит указание на характер перерабатываемой информации, это – объемная, сложная, достаточно абстрактная информация. Интеллект – способность мыслить логически безотносительно к переживаемым чувствам (Урысон 2003: 33).

Интеллектуальные способности детерминируют уровень логического (рационального) осмыслия индивидуумом пространства социального взаимодействия, рациональное форматирование этого пространства и рациональное воздействие на адресата.

Интенциональный личностный индекс определяется интенциональным состоянием, переживаемым индивидуумом в актуальной ситуации социального взаимодействия. Интенциональное состояние представляет собой «определенное репрезентативное содержание в определенном психологическом модусе» (Searle 1985: 11). Это состояние с необходимостью имплицирует условия своей реализации, сопоставимые с условиями искренности в теории речевых актов.

Языковой личностный индекс экспонирует коммуницирующую личность как представителя макросоциума – определенного лингвокультурного сообщества, члена микросоциума – определенной группы, формируемой по социокультурному признаку и автора уникальной языковой актуализации. Языковой личностный индекс есть одновременно инструмент и результат лингвистического кодирования социального взаимодействия. Языковой личностный индекс формируется культурологически, социологически и личностно специфицированными языковыми номинациями.

Речевой личностный индекс конституируется речевыми иллокуциями и дискурсивными стратегиями, отражающими интерактивные преференции «человека говорящего».

Индексация коммуницирующей личности осуществляется также посредством личностных смыслов – телеологических операторов, оформляющих социальное взаимодействие через призму его личностного переживания.

Семиологическое измерение дискурсивного пространства конституируется смыслопорождающими механизмами, функционирующими на уровне целого дискурса и определенных его фрагментов.

Семиологическое оформление дискурсивного пространства осуществляется на основе определения **прототипической пропозиции**, которая лежит в основе по-

рождения дискурса и служит инструментом его идентификации. Диагностическая ценность прототипической пропозиции детерминируется ее соотнесенностью с прототипическим сценарием социального взаимодействия. Прототипическая пропозиция актуализируется в статусе макроструктуры. Она мыслится относительно последовательности пропозиций, из которой выводится посредством макроправил опущения, обобщения и построения (ван Дейк 1989). Эта пропозиция обеспечивает семиологическое опознание дискурсивного пространства во всех его многообразных проявлениях, профилирует семиологически опознаваемый смысл, активируя таким образом систему семиологических ожиданий, находящих свое выражение в определенном способе фреймирования дискурсивного пространства, и оформляет инвариантные отношения в условиях релятивно развертывающейся деятельности. Прототипическая пропозиция модулируется параметрами актуальной речевой ситуации и, соответственно, реализуется вариативно в зависимости от содержания продуцируемого дискурса.

Актуальное смыслообразование осуществляется в режиме взаимодействия а) лексического и грамматического; б) коннотативного и денотативного; в) пропозиционного и пресуппозиционного значений.

Взаимодействие лексического и грамматического значений обусловлено возможностью совмещения в одной и той же словоформе различных по своему характеру смыслов. Совмещаясь в одной и той же словоформе, эти значения либо взаимодействуют друг с другом, либо реализуются параллельно и независимо друг от друга. Установлено, что взаимодействие лексического и грамматического значений регулируется принципом конгруэнтности. В случае конгруэнтности этих значений возникает возможность их одновременной актуализации. Взаимодействие

обычно осуществляется по типу модификации одного из значений. Эта модификация носит характер а) **амальгамации**, т. е. сплавления значений, результатом которого является комплексное (суммарное) значение, несводимое ни к одному из взаимодействующих значений; б) собственно модификации одного значения другим. При неконгруэнтности взаимодействующих значений одно из них может «зачеркиваться», или аннулироваться (Казыуб 1991, 1993).

Смыслопорождающей способностью обладает взаимодействие денотативного и коннотативного значения. С точки зрения порождения коннотативного значения важно отметить, что «коннотативное значение рождается тогда, когда означающее и означаемое образуют пару, которая становится означающим нового означаемого» (Эко 1998: 54). Коннотация, таким образом, оказывается преобразованием прежних означающего и означаемого в новое означающее. И эта коннотация способна породить новую, для которой уже вновь сложившийся знак выступит в роли нового означающего (там же: 55).

Проблема исследования дискурсивного пространства с точки зрения его конститтивной оформленности и pragматической значимости с необходимостью требует обращения к тропическим механизмам смыслообразования. Тропическое осмысление пространства социального взаимодействия проистекает из образности человеческого мышления и служит целям активации симметричных моделей переживания интерсубъективной деятельности.

На дискурсивной арене тропы являются в трех ипостасях, а именно как: а) **средство языковой категоризации**: тропическое обозначение обусловлено особенностями культурологически мотивированной лингвистической концептуализации участка реального мира; б) **оперативный механизм**, выполняющий ряд функций при порождении и восприя-

тии дискурса; в) **стратегический прием**, посредством которого реализуются авторские программы речевого воздействия.

Дискурсообразующий потенциал тропов формируется исходя из их полифункциональной природы, которая сообразуется с многосистемным способом продуцирования и интерпретации дискурса. К числу дискурсообразующих относятся следующие функции:

1. **регулятивная** – тропы подобны директивным иллокуциям, организующим дискурсивное пространство по типу гомеостатической системы;
2. **адаптивная** – на основе активации их ассоциативных ресурсов тропы «встраивают» продуцируемый дискурс в дискурс реального мира, вследствие чего оформляется основание для интерсубъективного переживания транслируемых смыслов;
3. **суггестивная** – тропеизация авторской концепции является эффективным инструментом речевого воздействия на адресата. Взаимодетерминирующий характер функциональных значимостей тропического смыслообразования приобретает статус критериального параметра дискурсивного пространства.

Основополагающее значение для понимания и исследования тропических механизмов смыслообразования имеет принцип антропометричности (Телия 1988, Хахалова 1998). Под антропометричностью понимается «соизмеримость универсума с понятыми для человеческого восприятия образами и символами, в том числе и теми, которые получают статус ценностно определенных стереотипов» (Телия 1988: 177). Соизмерение отдельных фрагментов мира с человеческими представлениями об этом мире – когнитивная операция, в основе которой лежат ассоциативные механизмы и связи, конституируемые интерсубъективно и потому обладающие релятивной значимостью. Вариативная значимость ассоциации со-

общает тропу эвристическую ценность и делает его эффективным инструментом моделирования пространства социального взаимодействия.

Смыслообразование путем взаимодействия пропозиционного и пресуппозиционного значений суть семиологический механизм насыщения: пропозиция насыщается пресуппозиционными смыслами, имеющими интерсубъективную значимость. Пресуппозиции следует отличать от коннотаций; первые характеризуются более отдаленной формально-языковой связью с высказыванием по сравнению с другими импликативными явлениями, и у них есть особый дифференциальный признак – отсутствие рематичности (Ладыгин 2000).

Насыщение дискурсивного пространства смыслообразующими пресуппозициями соотносит «пространство опыта» с «горизонтом ожидания». Его итогом можно считать формирование блока контекстной информации, которая лежит в основе и обеспечивает возможность адекватной интерпретации данного дискурса.

Эволюционное измерение дискурсивного пространства отражает динамику развития исследуемого феномена.

Соответственно, очерчивается область историко-культурного осмыслиения этого пространства в терминах культурно-исторических сценариев, репрезентирующих исторические закономерности формирования, становления и развития данной сущности.

В силу принципиальной связи исторических процессов с самосознанием (Лотман 2002) можно заключить, что этапы становления дискурсивного пространства с необходимостью коррелируют с этапами совершенствования менталитета личности, усложнения ее рефлексии и структуры. Эта корреляция имеет взаимонаправленный и взаимодетерминирующий ха-

рактер. Языковая личность оформляет дискурсивное пространство в зависимости от типа социального сознания, которое проявляется по-разному в тот или иной период развития естественно-исторических процессов. Одновременно дискурсивное пространство моделирует языковую личность, конгруэнтную конкретной исторической эпохе, путем модификации личностных характеристик.

В соответствии с общим пониманием эволюции как движения от низшего к высшему имеет место усложнение структурной организации языковой личности, параллельно усложняется и все более дифференцируется дискурсивное пространство.

Эволюция дискурсивного пространства производна от эволюции дискурсообразующего концепта, представляемого в виде эволюционного семиотического ряда. Историческая реальность дискурсивного пространства лежит в основе категориальной дифференциации языковой личности-продуцента дискурса, модели дискурсивного пространства, характерной для определённой ступени развития социума, исторически мотивированного лингвистического механизма, эксплицирующего креативно-проспективную деятельность человеческого сознания. Эволюционное развитие дискурсивного пространства осуществляется по типу включения в его содержательное наполнение новых исторических смыслов и исключения неактуальных смысловых компонентов.

Рассмотрение дискурсивного пространства в рамках междисциплинарного подхода соответствует комплексной природе исследуемого феномена и открывает перспективы для выявления и содержательного описания механизмов динамического взаимодействия разноплановых сущностей в процессе конструирования коммуникативных событий.

Библиографический список

1. Бок, Ф. К. Структура общества и структура языка / Ф. К. Бок // Зарубежная лингвистика I. – М. : Прогресс, 1999. – С. 115–129.
2. Брудный, А. А. Психологическая герменевтика : учеб. пособие / А. А. Брудный. – М. : Лабиринт, 1988. – 336 с.
3. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая; пер. с англ. А. Д. Шмелева; под ред. Т. В. Булыгиной. – М. : «Языки русской культуры», 1999. – I – XII, 780 с.
4. Вежбицкая, А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / А. Вежбицкая; пер. с англ. А. Д. Шмелева. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 272 с. – (Язык. Семиотика. Культура. Малая серия).
5. Витгенштейн, Л. Культура и ценность / Л. Витгенштейн // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. – М. : Гнозис, 1994. – С. 5–73.
6. Гуревич, П. С. Культурология: учебник / П. С. Гуревич. – 4-е изд., стереотипное. – М. : Гардарики, 2003. – 280 с.
7. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк : пер. с англ.; сост. В. В. Петрова; под ред. В. И. Герасимова; вступ. ст. Ю. Н. Карапурова и В. В. Петрова. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.
8. Ильин, В. В. Язык – Понимание – Культура / В. В. Ильин // Язык и культура : Факты и ценности : к 70-летию Юрия Сергеевича Степанова; отв. ред. : Е. С. Кубрякова, Т. Е. Янко. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – С. 267–272.
9. Казыдуб, Н. Н. Системно-функциональное исследование интенциональных глаголов (на материале современного английского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Казыдуб Надежда Николаевна. – Ленинград, 1991. – 185 с.
10. Казыдуб, Н. Н. Взаимодействие категориального значения интенциональных глаголов с категориальными значениями видо-временных форм / Н. Н. Казыдуб // Категориально-формальный и функционально-прагматический аспекты языка: межвуз. сб. науч. тр. – СПб., 1993. – С. 26–34.
11. Казыдуб, Н. Н. Дискурсивное пространство как фрагмент языковой картины мира (теоретическая модель) : монография / Н. Н. Казыдуб. – Иркутск : ИГЛУ, 2006. – 216 с.
12. Карасик, В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.
13. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2003. – 375 с.
14. Кубрякова, Е. С. Язык и знание : На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с. – (Язык. Семиотика. Культура).
15. Ладыгин, Ю. А. Актуализация личностных смыслов автора в системе коннотативных значений французского прозаического художественного текста: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.05 / Ю. А. Ладыгин. – Иркутск, 2000. – 342 с.
16. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев. – Изв. АН. Сер. лит. и яз. – 1993. – Т. 52. – №1. – С. 3–9.
17. Лотман, Ю. М. История и типология русской культуры / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство СПб, 2002. – 768 с.
18. Почепцов, Г. Г. Теория коммуникации / Г. Г. Почепцов. – М. : Рефл-бук; К. : Ваклер, 2001. – 636 с.
19. Серль, Дж. Р. Природа интенциональных состояний / Дж. Р. Серль : пер. с англ. // Философия. Логика. Язык. – М. : 1987. – С. 96–126.
20. Степанов, Ю. С. Константы : Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Академический Проект. – 2001а. – 990 с.
21. Степанов, Ю. С. Семиотика концептов / Ю. С. Степанов // Семиотика : Антология / сост. Ю. С. Степанов. – Изд. 2-е испр. и доп. – М. : Академический проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2001б. – С. 603–612.
22. Телия, В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – М. : Наука, 1988. – С. 173–204.
23. Урысон, Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира : Аналогия в семантике / Е. В. Урысон. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 224 с. – (Studia Philologica).
24. Хахалова, С. А. Метафора в аспектах языка, мышления и культуры / С. А. Хахалова. – Иркутск : ИГЛУ, 1998. – 249 с.
25. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – М. : ИТДГК «Гнозис». – 326 с.
26. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – СПб. : ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 432 с.
27. Schiffrin, D. Approaches to Discourse / D. Schiffrin. – Oxford UK & Cambridge USA : Blackwell, 1994. – 470 p.
28. Searle, J. R. Intentionality. An Essay in the Philosophy of Mind / J. R. Searle. – Cambridge ; New York : Cambridge Univ. Press, 1985. – 277 p.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА АНГЛИЙСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕДИКАТОВ КАК ЭКСПОНЕНТОВ КАТЕГОРИИ ЗВУЧАНИЯ

Ключевые слова: предикат, сонатив, звучание, категория, экспонент.

Key words: predicate, sonative, sounding, category.

Цель настоящей статьи – показать специфику процесса функциональной категоризации английских глаголов звука, структурные и семантические закономерности их предикатных свойств. Вместе с тем попытаемся ответить на вопрос: существует ли прямая связь между формой и семантикой глагольных сонативов (звукобозначений) в составе предикатов фононимических предложений-высказываний, с одной стороны, и физическими свойствами соответствующих звуковых референтов, с другой.

Предполагается, что всякое исследование лингвистического характера должно идти от эмпирически воспринимаемого языкового материала к выводам обобщающего плана (Трунова 1991: 13).

Физические звуки – постоянный объект нашего аудиального восприятия. В субстантивных сонативах язык концептуализирует звуки в двух альтернативных ипостасях: то как *партитивную* сущность, принадлежащую предметам (одушевлённым и неодушевлённым): *the hiss of steam; the clink of a cup*, то как самостоятельный фрагмент материального мира, способный стать субъектом фононимического высказывания:

(1) *The sounds of the fighting above came closer and echoed down the stairway* (Cussler, 507).

В своём первом амплуа звуки являются как бы частью предмета (источника звука), они репрезентируют его в тексте, носят модус признака предмета и нередко метонимически вытесняются из поверхностной структуры высказывания именем самого предмета:

(2) *The door was ajar, and I heard the French girl as she went on her way to the floor above* (Fowles, 214).

Во второй ипостаси звуки предстают как автономные аудиальные перцепты, отчуждаемые от своего источника (продуцента). Сонативы-синсеманты служат референциальной денотацией скорее самого предмета-каузатора, нежели номинацией звука, порождённого этим каузатором. А сонативы-автосеманты приобретают в составе фононимического высказывания (особенно в позиции синтаксического субъекта) референциальную автономию и требуют вербальной квалификации своих сущностных свойств и параметров в рамках отдельно взятого высказывания.

В словарном составе современного английского языка есть обширная лексико-семантическая группа, представленная разными лексико-грамматическими классами (существительными, прилагательными, глаголами и наречиями) и скреплённая общим понятием звучания.

В данной статье мы рассмотрим процесс категоризации только глагольных лексем. С этой целью мы проанализируем семантическую организацию и структурную типологию английских предикатов в составе фононимических высказываний (имеющих в своём составе хотя бы один сонатив).

В структурном плане различаются следующие средства выражения предикативности в фононимическом предложении-высказывании:

а) однословные глагольные предикаты (моновербы):

(3) *He heard him whining like a wounded animal* (Cussler, 115).

(4) *Hunter rapped his knuckles against the table and rose to his feet* (Cussler, 123).

6) бивербальные и поливербальные предикаты:

(5) *Fighter planes are screaming through the skies* (Cussler, 522).

(6) *The judge might have been rapping the bench with a pencil* (Lee, 339).

в) глагольно-именные аналитические конструкции:

(7) *The older boys set up a terrific racket, yelling out warnings and instructions* (CCELD, 1182).

(8) *"To ping" is to make a short sharp ringing sound* (DELC, 997).

г) глагольно-адъективные аналитические конструкции:

(9) *The audience was large and noisy* (CCELD, 974).

(10) *Her voice sounded distant and without authority* (Rice, 99).

С точки зрения языковой динамики грамматическая категоризация глагола представляет собой многофакторный процесс и неразрывно связана с формированием предложения-высказывания (Болдырев 2009: 12). Одним из главных факторов, оказывающих влияние на категориальное значение предикатного глагола, является семантическая роль подлежащего в высказывании.

В позиции подлежащего фононимического высказывания могут находиться:

а) имя агента (каузатора звукового события):

(11) *An hour later he knocked nervously on Jane's door* (Fowles, 258).

б) имя реципиента звука (экспериента):

(12) *They listened to records that taught them to talk properly* (CCELD, 1492).

в) имя звукового перцепта (перцептив):

(13) *Music and laughter came from the floor above* (Fowles, 219).

г) формальное подлежащее *there*:

(14) *There was the sound of a whining, tinkling hootchy-kootchy show* (Fitzgerald, 215).

Как справедливо отмечает Н.Н. Болдырев, даже один и тот же глагол может по-

лучить под влиянием лексического значения слова в позиции подлежащего разное прочтение – акциональное (Болдырев 2009: 22):

(15) *Mr. Heath announced his decision* (CCELD, 50)

или неакциональное:

(16) *A sign by the road announces the name of the village* (CCELD, 50).

Таким образом, актантное представление звуковых событий и лексическое наполнение синтаксического субъекта может модифицировать категориальное осмысление глагольного предиката. Так, если позицию подлежащего занимает имя каузатора звукового события, то предикат высказывания носит акциональный характер. Но стоит имени реципиента (экспериенту) занять позицию субъекта, как предикат приобретает перцептивное значение. При этом фононимическая глагольная лексема уступает место глаголу слухового восприятия (*hear, overhear, listen, eavesdrop, etc.*), что приводит к смене диатезы всего высказывания:

(17) *She honked her horn when she saw me* (CCELD, 698).

(18) *I heard the honk of his horn outside* (CCELD, 698).

Если каузатор звука не известен или не релевантен для фоноакустической ситуации (ФАС), то говорящий выбирает синтаксическую модель с вводным элементом *there* в функции формального подлежащего:

(19) *There was a great hue and cry against the new rule* (DELC, 647).

Иногда акциональное использование глагольных фононимов допускает синкетичное выражение двух сем в одном предикате:

(20) *A police car roared down one of the avenues crossing the street* (DELC, 1136).

(21) *She pattered downstairs. Громко говоря, она сбежала вниз* (НБАРС, 645).

(22) *The streetcar rattled into view even as she spoke, and then roared round the bend* (Rice, 146).

Репертуар глагольных средств выражения предикативности, как мы видим, разноструктурен и моделируем. Глагольные сонативы участвуют в процессе категоризации полифонии мира вместе с актантами – субъектом и объектом высказывания.

Все предикаты по функции в предложении-высказывании можно разделить на **десигнаторов** звука и **интродукторов** звука. Десигнаторы выполняют номинативную функцию по отношению к звукам, а интродукторы актуализируют звуковые концепты, названные в субъекте. К десигнаторам следует отнести все глаголы звука (*rustle, roar, bark, knock, creak, crash, slam, ring, toll, sound, noise, speak, say, tell, etc.*), а к интродукторам – такие глаголы как *emanate, let out, give (out/off), carry, drift, float, come, go, emit, make, utter, break out, burst out, etc.* Например:

(23) *He spoke quietly, but his cold voice carried to every inch of the cavern* (Cussler, 109).

Языковые процессы реификации звуков (уподобление их материальным предметам) и антропоморфизация звуков (олицетворение, уподобление их живым существам) происходят в «интерьере» высказывания и не без участия членов некуссного узла. В мысленном опредмечивании звуковых концептов участвуют такие глаголы как *deliver (a speech), make (a noise/sound), put (into words); hammer, knock; pierce, etc.* В анимации («оживлении») звуков замечены многие глаголы движения типа *go, come, fly, drift, float, carry, travel, etc.*

Все звуки-континуанты в отличие от звуков-инстантов, по терминологии С.В. Воронина (Воронин 2006: 46, 48), обладают свойством фазовости: начальная (инициаль, первая часть артикуляции: приступ / экскурсия (СЛТ 2004: 491)), срединная (медиаль, вторая часть артикуляции: выдержка) и конечная фаза (терминал, заключительная часть артикуляции: отступ / рекурсия). Для обозначения этого ингредиентного свойства звуковой субстанции служат фазовые глаголы типа *start, begin, commence; keep, go on, continue; end, be over, finish, cut off, break off, shut up, fall silent, etc.*

Когда физический звук превращается в знак, он становится сигналом, а всякий сигнал является либо стимулом для действия, либо для когнитивного акта узнавания (в обыденной жизни) или опознания (например, голоса в судебной экспертизе). Узнавание звукового явления – это, по сути, идентификация нового звукового сигнала путём отождествления его с имеющимся импринтингом предыдущего в голове человека. Такая функция звука называется семиотической. Для вербализации этой функции привлекаются глаголы типа *knock, ring, clap, strike* и глаголы речи (*say, talk, utter* и др.).

Члены предиката способны также отображать такие звуковые свойства, как длительность во времени и громкость. И то и другое значение заложено интенсионально в лексическом содержании соответствующих глаголов. Выше мы уже упоминали разряд глагольных имён континуантов и инстантов. Примеры долгих звуков (*protracted sounds*): *roll, rumble, hum, trill, drone, etc.* (NRT 1992: 407). Примеры глагольных номинаций коротких звуков: *snap, knock, click, clash, slam, crack, report, pop, bang, clap, crash, etc.* Громкость звука также заложена в лексической семантике самих глаголов и часто служит надёжным таксономическим принципом, деля все глагольные сононимы на два полярных класса, обслуживающих концепты **LOUDNESS** и **FAINTNESS**. В список громких вербализаций звуков входят такие глаголы, как *resound, peal, clang, boom, thunder, roar, whoop, shout, etc.* Негромкие звуки актуализируются в дискурсе следующими глагольными словами: *whisper, breathe, murmur, purl, hum, gurgle, ripple, babble, flow.*

И в заключение рассмотрим ещё одну семантическую закономерность, наблюдавшую в предикатных отношениях: это – категория оценки. Действительно, данная признаковая характеристика звуковых

событий зарождается в недрах некусса предложения-высказывания и позже может быть экстраполирована на наименование носителя этого признака. Речь идёт об аксиологической оценке звучания. Мы, вслед за Н.Д. Федяевой, считаем, что оценочные смыслы в семантической структуре лексических единиц объясняются особенностями нормы, характерной для данного лингвокультурного сообщества. При этом позитивные оценки закреплены за случаями соответствия норме, а несоответствия оцениваются негативно (Федяева 2011: 29). Ниже мы приводим для иллюстрации этого лингвистического феномена несколько глаголов звука, маркированных отрицательной оценочной коннотацией, что подтверждается соответствующими словарными дефинициями:

to blabber – ‘to talk foolishly or too much’ (DELС 1992: 113).

to creak – ‘If something creaks, it makes a harsh unpleasant sound’ (CCELD 1993: 331).

to grate – ‘to make a sharp sound, unpleasant to the hearer’ (DELС 1992: 573).

to jar – ‘to upset by making an unpleasant sound’ (DELС 1992: 702).

to scrape – ‘If something scrapes, it makes a harsh, unpleasant noise’ (CCELD 1993: 1298).

to strum – ‘to play carelessly or informally on a musical instrument’ (DELС 1992: 1318).

Таким образом, теперь мы можем дать положительный ответ на вопрос, поставленный в начале статьи о существовании связи между формой и семантикой глагольных сонативов, с одной стороны, и физическими свойствами соответствующих звуковых референтов, с другой, так как говорящий осуществляет все структурно-семантические модификации в предикативном ядре фононимического предложения-высказывания с целью дать максимально адекватный словесный портрет звукового явления, сигнала, события. Все онтологические нюансы звукового континуума находят отражение в языковых репрезентациях, будь то длительность, громкость, фазовость или оценка.

Библиографический список

1. Болдырев, Н. Н. Функциональная категоризация английского глагола / Н. Н. Болдырев. – М. : Книжный дом «Либроком», 2009. – 144 с.
2. Воронин, С. В. Основы фоносемантики / С. В. Воронин. – М. : ЛЕНАНД, 2006. – 248 с.
3. Трунова, О. В. Природа и языковой статус категории модальности / О. В. Трунова. – Барнаул – Новосибирск : БГПИ, 1991. – 130 с.
4. Федяева, Н. Д. Семантика нормы в русском языке: функциональный, категориальный, лингвокультурологический аспекты / Н. Д. Федяева. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Барнаул, 2010. – 39 с.
5. [НБАРС] Новый Большой англо-русский словарь / под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. – М. : Рус. яз., 1998. – Т.II. – 832 с.
6. [СЛТ] Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 576 с.
7. [CCELD] Collins Cobuild English Language Dictionary. – Birmingham : HarperCollins Publishers, 1993. – 1703 p.
8. [DELС] Dictionary of English Language and Culture. – Harlow : Longman House, 1992. – 1528 p.
9. [NRT] New Roget’s Thesaurus. – Miami : P.S.I. & Associates, 1992. – 1000 entries.

Список источников иллюстративного материала

1. Cussler, C. Sahara / C. Cussler. – New York : Pocket Star Books, 2005. – 568 p.
2. Fitzgerald, F. S. Tender Is the Night / F. S. Fitzgerald. – Moscow : Raduga Publishers, 1983. – 386 p.
3. Fowles, J. Daniel Martin / J. Fowles. – Moscow : Foreign Languages Publishing House, 1963. – 218 p.
4. Lee, H. To Kill a Mockingbird / H. Lee. – Kiev : Dnipro Publishers, 1977. – 340 p.
5. Rice, A. Lasher / A. Rice. – New York : Random House Publishing Group, 1993. – 628 p.

АРХИТЕКТОНИКА КАТЕГОРИИ МОДАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

*When one tries to describe a language,
this should not pose serious problems
G. Deutscher*

Ключевые слова: объективная / субъективная модальность, ингерентный / адгерентный признак, семантическая константа, функциональная амбивалентность.

Key words: objective / subjective modality, inherent / adherent character, semantic constant, functional ambivalence.

Воспринимая мир, человек опирается на две координаты: пространственную и временную. Пространство определяется через положение в нем объектов, время – через динамику характерных для объектов показателей, в ряду которых необходимо разграничивать свойства, признаки и качество.

Свойство – это устойчивый ингерентный объекту атрибут, отражающий его сущность, как, например, в (1):

*... the multi-tire organization of the sentence is one of the most fundamental design features of language.**

Признак представляет собой переменный атрибут. Он может быть приобретаемым объектом в определенных условиях и нивелироваться в других (2), или различаться у однопорядковых объектов (3):

(2) ... more than a millennium after Grimm's changes had taken their course, English started borrowing heavily from Latin and French, and thus developed a two-tire vocabulary of home-grown and borrowed words.

(3) This clever device <case endings> makes Latin so concise that it may express gracefully in a few words what languages like English need longer sentences to say.

Качество – это адгерентный, приписываемый объекту атрибут:

(4) In its own right, it <language> is a tool of extraordinary sophistication.

В языковой экспликации свойство и признак представляют собой дескрипцию,

отражающую фактическое состояние объекта, а качество – его оценку.

Подчиняясь законам функционирования языковой системы, и те, и другие актуализируются в идентичных, ограничиваемых системой структурах вхождения – атрибутивных (5) и предикативных (6), (7).

(5) simple word-structure, complex morphology, a significant proportion, a remarkable theory;

(6) ... like rainforests and coral reefs, the languages of the world are vanishing;

(7) Metaphors flow from concrete to abstract, not the other way around; erosion makes words shorter and weaker, not longer and stronger.

Атрибутивные структуры передают отношения «объект – показатель объекта» (в общепринятой философской традиции «объект – признак») безотносительно к характеру присущности объекту некоторого показателя. Вместе с тем, свойство объекта определяет его сущность, а потому оно присуще объекту обязательно, или «необходимо»:

Language is in a perpetual state of flux.

... there must be something in the nature of the communication patterns in smaller societies which makes the elaborate word-structure more likely to develop and less likely to be leveled out.

Признак объекта, как величина переменная, может выявляться в объекте, и может оставаться невыявленным, то есть он может проявляться при некоторых

условиях или обстоятельствах, или «возможно», а при стечении нескольких условий или обстоятельств, квалифицируется как «случайный», контингентный:

(10) *One factor that may contribute to more complex word-structures in smaller societies may be the lack of pressure for simplification that results from contact with strangers who speak different languages or dialects.*

(11) *<Sara was thrilled to discover that the assessment board had decided to make her balmy rival redundant ...> Unless you happen to be an enthusiastic etymologist, you should find it difficult to spot many metaphors here.*

В том случае, если некоторый признак не может проявиться в определенном объекте, характер описываемых отношений определяется как «невозможный». Например:

(12) *... these differences in the patterns of communication <in communities separated through centuries> cannot affect the fundamentals of language change.*

Очевидно, что репрезентантами этих спецификаций являются предикативные структуры, формирующие предложение-высказывание.

В своих рассуждениях о мире человек может быть уверен в их непререкаемости или подвергать сомнению то, что высказываемое является абсолютно достоверным. В первом случае обычно не требуется никаких речевых маркеров. Они могут употребляться в сугубо прагматических целях для большей убедительности (13), (14) или подтверждения статуса общепринятого трюизма (15):

(13) *If this intricate system of <language> conventions had not been designed by some architect and given the go-ahead by a prehistoric assembly, then how else could it have come about? Of course, I was not the first to be baffled by such problem.*

(14) *... the truism that we are innately equipped with what it takes to learn language doesn't say very much beyond just that. Certainly, it does not reveal whether the specif-*

ics of grammar are already coded in the genes or whether all that is innate is a very general ground-plan of cognition.

(15) *Paris <Gaston Paris, one of the leading French linguists of the nineteenth century> was of course referring to that truth universally acknowledged, that French could never hope to live up to the beauty of its classical Latin forebear...*

Во втором случае такие маркеры необходимы. Их функция заключается в изменении коммуникативного статуса речевого произведения, равно как и статуса передаваемого им суждения. Они представляют собой триггер, переводящий высказывание из области достоверных (безусловных, аподиктических) в область гипотетических (недоказанных или недоказуемых):

(16) *... it seems likely that in such societies the pressures for simplification are greater than in smaller societies that are less exposed to contact with different varieties of speech.*

(17) *Wycliffe's may have been the first complete Bible to appear in English*

(18) *Perhaps the most important characteristic of language which we must take as given is its symbolic nature.*

В определенной дистрибуции может происходить более всего характерное для модальных глаголов смещение строевых, семантических и коммуникативных функций, и высказывание становится амбивалентным, допускающим два прочтения и, соответственно, альтернативные интерпретации:

(19) *... pointing words must have emerged directly as vocal accompaniment to an actual pointing gesture.*

Поясню, что здесь имеется в виду. Этапы филогенеза символьных языковых знаков могут быть отслежены, поскольку происходящие в них смысловые и структурные изменения фиксируются в существующих памятниках (текстах). Установление генезиса индексальных языковых знаков вызывает затруднения, в силу того, что у них нет истории развития. Это лишает

исследователя аргументативной базы и всякое утверждение об их происхождении является гипотетическим. Однако составное глагольное модальное сказуемое в данном предложении в смысловом плане не так однозначно. Об этом косвенно свидетельствует возможность двух вариантов перевода. Первый перевод «указательные слова *должны были возникнуть как...*» равнозначен утверждению «возникли как» (подразумевается «так и было»), второй «указательные слова, *должно быть, возникли как...*» представляет собой предложение (подразумевается «вероятно, так и было, но достоверно не известно»). Оба прочтения опираются на единую пропозициональную составляющую, формулировку которой заключим в фигурные скобки, обозначив тем самым, что это есть некий операнд, который может быть подвергнут модификациям и в данной работе выступает в качестве теоретического конструкта: {возникновение указательных слов}. Еще одной смысловой составляющей в этом (как и в любом другом) предложении является модальная компонента. Характер именно этой составляющей, регистр ее включения и приводят к разноточению предложения. В первом варианте его интерпретации модальная компонента, носителем которой здесь является модальный глагол, встраивается в структуру пропозиции {этому [должно/необходимо быть] так}, во втором она выносится за рамки пропозиции [вероятно/предположительно/должно быть <что> {это так}]. Пропозициональная составляющая «отвечает на вопрос» «что?». Модальная составляющая всегда отвечает на вопрос «как», с той разницей, что в первом прочтении это «как» относится к отношениям {«объект – признак»}, а во втором – к отношениям [субъект (говорящий) {«объект – признак»}]».

Таким образом, модальность в языке представляет собой категорию, средства экспликации которой выражают значения, передающие характер отношений

между объектом и признаком в реальной действительности (онтология существования объектов), и значения, характеризующие степень познанности этих отношений субъектом, их воспринимающим. В первом случае имеет место объективная модальность, поскольку высказывание передает отражаемую (изображаемую) ситуацию, которой оно референтно:

(20) *For many years, the seemingly terminal decline of language was not only the source of chagrin for linguists, it posed a serious threat to the whole enterprise of understanding the history of language.*

Объективная модальность обязательна в актуализации любого предложения и выражается глагольной формой. Во втором случае речь идет о субъективной модальности, характер которой показывает, насколько говорящий уверен в том, что формулирует в высказывании. Экспоненты субъективной модальности включают модальные глаголы, структуры «пропозициональной установки» и вводные модальные слова:

(21) *Like us, they <ancient people> must have been motivated by need for greater expressiveness.*

(22) *It seems that languages need neither nudging from the Joneses nor the gadgetry of ploughs in order to be transformed, for they keep changing, even without the slightest provocation.*

(23) *Perhaps the most surprising feature of Aelfric's language is that, like Latin, it had a complex case and gender system...*

Приведенное выше определение категории модальности требует некоторых пояснений, связанных с заданными в нем показателями. Первое пояснение касается толкования «реальности». Камнем преткновения здесь является понимание вербального текста художественного произведения, которое представляет собой авторский вымысел даже тогда, когда оно основано на действительно имевших место событиях (например, «Луна и грош» У.С. Мозма, «Девушка с жемчужной

сережкой» Т. Шевалье, «Одержаный» М. Фрэйна). В этом случае в качестве наиболее приемлемой принимается (пока просто принимается как исходная) точка зрения, согласно которой описываемому в художественном тексте «миру» (ситуации, интриге, событиям) можно сообщать статус онтологического объекта на том основании, что он (она, они) соотносим «с основами всякого знания о мире <...> и демонстрирует возможность расширения сферы познания за счет воображаемого» (Каюров: URL). В рамках концепции «возможных миров» это означает, что в художественном произведении передается принципиально возможная ситуация. С позиций теории «прототипов» всякая вербальная художественная форма опирается на прецедентный (предшествующий, исходный, «прототипический») текст, который является собой рефлексию онтологического объекта (то есть референтен онтологической ситуации). Иными словами, читая роман, человек соотносит его с собственными эмпирическими знаниями о мире и осмысливает происходящее в нем как данность, как реальную – видимо, более правильно было бы сказать «условно реальную» – действительность.

В отечественном языкоznании, более всего в русистике, широко и безоговорочно распространена трактовка модальности как категории, выражающей «отношение высказывания к действительности с точки зрения говорящего» (Виноградов: 1950). По этому поводу позволю себе повторить уже однажды приведенные мною аргументы, показывающие, на мой взгляд, несостоятельность такого определения. Начнем с того, как высказывание соотносимо с действительностью. Понятно, что оно может соответствовать действительности или не соответствовать ей. При этом, если оно соответствует действительности, оно истинно, если не соответствует, оно ложно. Сравним два предложения: «Скорость света больше скорости звука» и «Скорость

звука больше скорости света». Оба предложения построены по одной синтаксической модели. У них абсолютно идентичное лексическое наполнение. Но одно из них соответствует действительности, а другое – нет. Каких-либо формальных показателей соответствия/несоответствия в них не содержится. Как же мы определяем, что одно из них верно, а другое неверно? Давайте согласимся, что мы можем сделать такой вывод исключительно на основе имеющихся базовых доказанных научных знаний. Кроме того, понятия истинности/ложности приложимы только к суждениям, но не к предложениям их выражающим, то есть входят в терминосистему логического, а не лингвистического анализа.

Обратимся теперь к «точке зрения говорящего». В лингвистике существует концепция, согласно которой язык, будучи атрибутом человеческой природы, «насквозь» субъективен. Исходя из этого, любое языковое выражение субъективно, поскольку отражает «точку зрения говорящего». Такое понимание основывается на приравнивании значения деривата «субъективный» значению существительного «субъект», обычно обозначающего «деятеля», «продуцента». В то же время, понятие «субъективного» противопоставляется понятию «объективного» в том плане, что «объективное» подчиняется общим законам существования, а «субъективное» есть проявление личностных приверженностей и предпочтений. Если это так, то мы попадаем в театр абсурда, где каждый говорит о своем, употребляя существующий лексикон и структурные модели в своем собственном «регистре», и коммуникация становится неосуществимой. Выход из положения заключается в том, чтобы понять и признать, что язык есть данность, которая выявляется и реализуется в индивидуальной объективации, согласно внутренним законам системы и конвенциям социального взаимодействия. Эти внутренние законы языка

и установленные социумом конвенции создают предпосылки для понимания того, что диктальная структура предложения всегда объективируется в модальности *de re* (объективная модальность). Предназначение модальности *de dicto* состоит в том, чтобы обозначить пресловутую «точку зрения говорящего», то есть показать, что то, о чем идет речь, не является общепризнанным или достоверным фактом, а высказывается говорящим, исходя из его собственных убеждений, знания или незнания, на основе которых делается предположение (субъективная модальность). Таким образом модальность *de re* актуализируется в рамках пропозиционального содержания в модели {*A* есть *B*}, а модальность *de dicto* – в надпропозициональной рамке в модели [предположительно {*A* есть *B*}]. При этом «предположительно» может иметь разные степени приближения к достоверности.

Отличающиеся своими функциями, модальности *de re* и *de dicto* передаются разными языковыми экспонентами. Обязательная в актуализации любого предложения модальность *de re* составляет прерогативу глагола и передается формами категории наклонения:

(24) *All languages are organized hierarchically, all languages rely on some word-order conventions, all languages use grammatical words, almost all languages use grammatical elements such as suffixes and prefixes.*

(25) *The story would have ended there, were it not for the distinguished octogenarian called Percy Lounger.*

Ситуационно зависимая, в большей мере прагматически обусловленная модальность *de dicto* передается модальными глаголами, глаголами «пропозициональной установки» и вводными модальными словами (примеры (20), (21), (22)).

Естественно возникает вопрос, на каком основании формально и функционально отличающиеся сущности объединяются в рамках единой категории и каков статус

этой категории в языке. Из всего изложенного выше следует, что объединяющим началом здесь является семантика языковых форм и структур. Семантические константы категории модальности выявлены на уровне логики суждений и сводятся к значениям «необходимо» (то, что есть при любых условиях), «возможно» (то, что происходит при определенных условиях), «случайно» (то, что происходит при реализации нескольких условий), «невозможно» (то, что не происходит ни при каких условиях). Это те семантические модальные операторы, которые выполняют функцию модификации пропозиций как в моделях *de re*, так и в моделях *de dicto*: «это возможно» и «возможно, что это так», «это необходимо» и «необходимо, что это так / чтобы это было так». Таким образом выявляется существо познавательного процесса, состоящее в нерасторжимости познаваемого и познающего. Отсюда проистекает возможность внесения в высказывание корректировок, показывающих степень познанности описываемых отношений. Это гносеологический модус, формирующий гносеологическую (субъективную) модальность.

В определении структуры категории наклонения в английском языке будем следовать принятой в отечественной лингвистике классификации (Блох: 2000, Кобрина: 2000, Смирницкий: 1959). И, соответственно, включаем в нее индикатив, императив, субъюнктив, суппозиционал и кондиционал. Предложения, в которых сказуемое оформлено в индикативе, эксплицируют алетическую модальность, которая в зависимости от грамматического контекста, более всего от присутствия отрицательного оператора, передает значения необходимости или невозможности:

(26) *Analogy will soon emerge as the main element of “invention” in the course of language evolution. Nonetheless this type of invention does not spring from design of any architect, nor does it follow any careful plan. The element of invention comes from thousands of spontane-*

ous attempts by generation upon generation of order-craving minds to make sense of the chaotic world around them.

Глагольный императив (естественно) также выражает значения необходимости, возможности и невозможности, с той лишь разницей, что эти значения проявляются в преломлении к норме в рамках смысловых прагматически значимых диахотомий «разрешено – запрещено», «может – не может», «должен – не должен», представляя область деонтической модальности. Деонтические модальности – это модальности не абсолютных, а конвенциональных норм (Wright: 1983), то есть не тех, которые основываются на физических законах, а тех, в отношении которых достигнуты социальные соглашения.

Самым непростым в трактовке категории наклонения в английском языке является преодоление устоявшегося толкования косвенных наклонений (субъюнктив, кондиционал, суппозиционал), как способа экспликации ирреального. Объяснение того, что есть ирреальность, начнем на лирической ноте стихотворением Надежды Хотий:

Красивое тело. Глаза, словно море.
Одних опьянила, другие – в игноре.
Сегодня огонь, а завтра – ледышка...
Какая-то странная женщина-вспышка.
Совсем не Сверхновая, просто земная.
Маняще-забавная, нежно-чуднАя.
Она не загадка и не банальность,
Фантазия, вымысел, Мисс Ирреальность...

Именно в этом плане, как вымысел, фантазию, нечто не существующее (хотя, может быть, и возможное?) толкуют ирреальность филологи, как нечто непознанное (а, следовательно, возможное) – философы. Эпистемологи приравнивают ее к иллюзорности и обманчивости [восприятия]. Лингвисты определяют ее как несоответствие действительности (но это мы уже проходили). Как ни странно, самое, по-видимому, адекватное истолкование этого понятия можно найти в словарях, где

его содержание раскрывается в терминах того, «чего не может быть, потому что не может быть никогда», как сказал А.П. Чехов устами своего героя Василия Семи-Булатова. Считая, что писатель иронизирует, мы пригвоздили этот аргумент как «убийственный», полагая его недостаточным. Однако Антон Павлович не так прост. Он, конечно, иронизирует, только не по поводу автора «письма к ученому соседу», а по поводу недостаточной научной грамотности читателя, поскольку в семантической структуре слова «никогда» присутствует сема «ни при каких условиях». От этого высказывание простолюдина приобретает глубокий философский смысл. И именно так, через эту интерпретантку, как было показано страницей выше, определяется модальная константа «невозможно».

Таким образом, косвенные наклонения вписываются в архитектонику модальности не на основе оппозиции «реальное – ирреальное», а потому, что их значения соотносимы с семантическими константами «необходимо», «возможно», «случайно», «невозможно». Приведем в качестве иллюстрации сказанного только один пример, в котором суппозиционал передает значение случайности, а кондиционал – значение (нереализованной) возможности:

(27) *The linguists of the time [the XVIIth century] were thus not much more advanced than the Madame from Versailles, who was overhead by Voltaire as saying “What a dreadful pity that the bother at the tower of Babel should have got language all mixed up; but for that, everyone would always have spoken French.”*

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что:

- в содержательном плане в рамках категории модальности правомерно разграничивать модальность объективную, онтологическую по своему основанию, и модальность субъективную, антропоценитическую по своему основанию;

- арсенал средств экспликации модальных значений в английском языке

включает морфологическую категорию наклонения, особый подкласс лексико-грамматического класса «глагол» – модальные глаголы, синтаксические конструкции с функционально модализованными глаголами (глаголы знания и полагания), глаголы кажимости, модальные слова;

- актуализация указанных языковых единиц дифференцируется по двум указанным содержательным планам, единственной функционально амбива-

лентной единицей являются модальные глаголы;

- основанием для объединения указанных средств в рамках сложной языковой категории является наличие единых семантических констант, в соответствии с чем, категорию модальности следует квалифицировать как семантическую;

- в актуализации обозначенные языковые единицы модальной семантики допускают контекстуальную взаимозаменяемость и совместную встречаемость.

Библиографический список

1. Блох, М. Я. Теоретическая грамматика английского языка / М. Я. Блох. – М. : Высшая школа, 2000. – 178 с.
2. Виноградов, В. В. О категории модальности и модальных словах / В. В. Виноградов // Труды института русского языка. – т. 2. – М. : 1950. – С. 38–89.
3. Каюров, П. А. Статус «Фиктивной онтологии»: референция и вымышленная реальность / П. А. Каюров [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.dissertcat.com/content/status-fiktivnoi-ontologii-referentsiya-i-vymyshlennaya-realnost>
4. Кобрин, Н. А. Грамматика английского языка / Н. А. Кобрин, Е. А. Корнеева, М. И. Оссовская, К. А. Гузеева. – СПб. : Союз, 1999. – 496 с.
5. Смирницкий, А. И. Морфология английского языка / А. И. Смирницкий. – М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1959. – 440 с.
6. Wright, G. H. von. Norms of Higher Order / G. H. von Wright // Studia Logica. – 1983, № 42 (2–3). – Р. 119–127.

* Все примеры, использованные для иллюстрации теоретических положений, заимствованы из: Deutscher, G. The Unfolding of Language / G. Deutscher. – London : Arrow Books, 2011. – 360 p.

И.В. Чекулаев, О.Н. Прохорова
Белгород

СТАБИЛЬНОСТЬ КАК КАТЕГОРИАЛЬНАЯ ОБЛАСТЬ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ СТОРОНЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

Ключевые слова: ценность, оценка, концептосфера, интеллектуальная сфера.

Keywords: value, evaluation, conceptual sphere, sphere of an intellect.

У тех, кто знал Новеллу Александровну Кобрину, неизменно складывалось ощущение комфорта, обусловленное добротой и человечностью этой женщины. Её ученики знали, что под её научным крылом при условии добросовестной работы с их стороны успех их диссертаций обеспечен, а в сложных жизненных ситуациях они всегда найдут понимание и поддержку с её стороны, добный совет, как поступить в этих сложных условиях. Хотелось бы, чтобы данная статья в какой-то мере явила памятью этим выдающимся

в условиях нашего сложного времени чертам характера профессора Кобриной.

Понятие «стабильность» занимает специфическое место в ряду явлений лингвистической семантики уже хотя бы потому, что при обилии разнообразных лексических средств выражения данного понятия этой релятивно-семантической категории в семантике языковых явлений уделяется очень мало внимания. Но по контрасту достаточно большое количество работ посвящено исследованиям в области, которую можно объединить общим понятие НЕСТА-

БИЛЬНОСТЬ. Это, например, работы, посвященные концептуально-тематическим областям РАЗРУШЕНИЕ (О.В. Валько, О.В. Кашкарова), ПОРЧА (Е.Н. Морозова) и многим другим проявлениям дезинтеграции предметов, социальных данностей, природных явлений, ментально-психологических, соматических и биологических состояний. Концепт СТАБИЛЬНОСТЬ в качестве объекта лингвосемантических исследований встречается крайне редко и в крайне ограниченных рамках содержания – в связи с характеристиками состояния экономической и политической жизни общества.

На наш взгляд, это не случайно. Человечество обращается к понятию «благосостояние» или «благополучие» чаще всего либо в пропагандистских целях, либо в случае отсутствия или явного дефицита этих ценностных понятий. Известный анекдот о сыне вельможи, который заговорил только тогда, когда ему подали холодный чай, а когда его спросили: «Отчего же ты молчал раньше?», он ответил: «До сих пор всё было хорошо» имеет определённые когнитивно-психологические основания. Люди гораздо чаще воспринимают упорядоченный ход вещей, при котором удовлетворяются их желания и потребности, как само собой разумеющееся, о чём и речь вести не стоит. Именно поэтому в различных языках с развитой морфологической структурой единиц для передачи понятий существует множество слов, образованных на первый взгляд при помощи средств отрицания (например, аффиксов), но анализ словообразовательной модели показывает, что отрицательный аффикс не является непосредственной составляющим в образовании данного слова. Иначе говоря, слово с отрицательным префиксом не имеет немаркованный деривативный антоним. Например, для русского прилагательного *безобразный* не существует антоним **образный* с ударением на втором слоге (при этом необходимо учитывать, что *образный* с ударением на

первом – это уже иная, хотя этимологически и «сестринская», лексема, омограф, поскольку в современном языке они передают разные понятия). То же можно сказать об украинском прилагательном с чётко выраженной негативно-оценочной семантикой *недбалий* (эквивалент русского *небрежный*, кстати, демонстрирующего аналогичный феномен). В английском языке у существительного *despair* или глагола *degrade*, имеющих чётко выраженные аксиологические характеристики, также нет деривативных антонимов, поскольку они были заимствованы в английский язык уже с негативно-коннотативным содержанием. Большое количество подобных лексических единиц насчитывается не только в данных языках, но и в других (белорусском, чешском, немецком; в греческом языке при наличии прилагательного *αμέτρητος* о *бесчисленный* также отсутствует его морфологический антоним). Таким образом, феномен отсутствия немаркированного члена словообразовательной оппозиции при наличии маркированного префиксом с содержанием отрицания в качестве маркированного члена представляется универсальным и обусловленным не в последнюю очередь семантическими факторами.

Если исследовать понятия «хорошо» и «плохо» не с точки зрения их репрезентации лингвистическими средствами и даже не с позиций философии как научной парадигмы, а с точки зрения «простой», обыденной, житейской, или, как модно сейчас говорить в когнитивно-лингвистических кругах, «наивной», то как ни парадоксально, сразу трудно найти оптимальную лингвистическую форму для описания этих понятий. Сразу напрашиваются либо банальные уклончивые формы типа «хорошо – это то, что не плохо» и наоборот, либо наивная конкретика типа той, посредством которой папа объяснял крохе основы этики и морали в известном детском стихотворении В.В. Маяковского.

Но, по всей видимости, для проникновения в сущность оценки *volens-nolens* приходится прибегать к индуктивно-эмпирическим методам исследования. Единственные общетеоретические выкладки, которые применимы к исследуемым понятиям на данном уровне анализа их соотношения с действительностью и сознанием, относятся к их онтологии, а именно к тому, как данные понятия репрезентируют такие основные аксиологические данности, с которыми они тесно связаны, как ценность и оценка.

Начнём с того, что в лингвистической семантике в целом и в аксиологической лингвосемантике в частности различию между категориями «ценность» и «оценка» в подавляющем большинстве случаев, где данные категории интерпретируются в качестве теоретического инструмента исследования, придаётся столь мало значения, что лингвоаксиология чаще всего определяется как «отрасль лингвистической семантики, исследующая феномен языковой оценки». Объектом исследования аксиологии как философской дисциплины являются ценности, при этом оценки представляют собой лишь внешнее проявление ценностей (Анисимов 2001: 66). В связи с последним одним из наиболее существенных «провалов» не только современной лингвоаксиологии, но и исследований квалификации действительности и сознания с помощью языковых средств на протяжении всего периода лингвосемантических исследований в целом является смещение исследовательского акцента с ценности на оценку. Теперь, на наш взгляд, появились все предпосылки к устраниению этого дисбаланса данных понятий применительно к их интерпретации в рамках лингвистической семантической теории.

Ergo, статус понятий «хорошо» и «плохо» нуждается в пересмотре с точки зрения их отношения к категориям ценности и оценки. Не подлежит сомнению, что данные слова могли возникнуть лишь в

результате речевого употребления, т. е. выражения ценностных понятий в виде оценки. Но отсюда возникает необходимость выяснить то, в каком отношении данные понятия находятся к категории ценности. Ответ на этот вопрос представляется достаточно простым: они отражают представления о каких-то ценностях и антиценостях. Но как тогда одна и та же вещь при определённой ситуации может получить данные противоположные оценочные квалификации в устах разных носителей языка (например, оценочная квалификация обличающей улики или свидетеля, давшего неопровергимые показания в пользу одной из сторон, в устах обвинителя и подсудимого в ходе судебного процесса)? Это означает, что ценности в основном носят релятивный характер, что, в общем-то, и затрудняет изучение ценностей как своего рода когнитивной подоплёки, познавательного субстрата любой верbalной или неверbalной оценки.

Оставив данную глобальную с точки зрения лингвистической семантики проблему, однозначное окончательное решение которой должно появиться в ходе ещё многих и многих исследований, вернёмся к концепту СТАБИЛЬНОСТЬ, который, на наш взгляд, является одним из основных категориальных концептов выражения таких основных категорий лингвоаксиологии, как ДОБРО и ЗЛО. Основанием к этому тезису является тот факт, что в жизни люди больше всего ценят некоторое спокойствие, неизменность своего социального и семейного статуса (естественно, если человек достиг определённых успехов в этом отношении), отсутствие резких социальных пертурбаций, более или менее постоянные цены, снабжение рынка товаров и услуг, отсутствие экстремальных социальных событий типа терактов, военных действий, революций и стихийных бедствий, сохраняющееся телесное здоровье и т. д. При этом разные

люди ставят перед собой различные приоритеты такой стабильной жизни. Так, в поэме Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» встреченный героями произведения священник в своих доводах о непрятательности и бескорыстии поповской жизни рассуждает следующим образом:

(1) «В чем счастье, по-вашему?

Покой, богатство, честь –

Не так ли, други милые?» (Некрасов, 36).

Как нетрудно заметить, концепты СЧАСТЬЕ, УСПЕХ, которыми в русском языковом менталитете часто заменяют заимствованное слово «стабильность», в данном отрывке представлены не только словом «покой», но и двумя другими словами, если и не выражающими, то, по крайней мере, репрезентирующими в значительной степени исследуемый концепт СТАБИЛЬНОСТЬ. БОГАТСТВО обычно ассоциируется не только с *постоянным* увеличением доходов, но и с достаточной материальным обеспечением себя и своей семьи независимо от социальных и природных катаклизмов, вредительства со стороны других людей, иными словами, материальная защищённость индивида и его близких. ЧЕСТЬ предполагает стабильное социальное уважение со стороны людей, не только достигших того же или подчинённого социального положения, но и со стороны имеющих власть над этими людьми, отсутствие унижения со стороны людей или общества. Как можно легко увидеть, семантика стабильности занимает не последнее место в интенсионale и импликационale значения слов, репрезентирующих данные понятия.

Наречия и прилагательные общей оценки «хорошо/-ий» и «плохо/-ий» часто семантически согласовываются со словом «жизнь» или словами, интерпретирующими это понятие, в одном контексте, и при этом частные интерпретации сочетания «хорошая/плохая жизнь» или синонимичные ему в пределах одного языка варьируются в основном в концептуальной

плоскости СТАБИЛЬНОСТИ/НЕСТАБИЛЬНОСТИ. Например:

(2) *В этой жизни Морозка не искал новых дорог, а шел старыми, уже выверенными тропами. Когда пришло время, купил сапиновую рубаху, хромовые, бутылками, сапоги и стал ходить по праздникам на село в долину. Там с другими ребятами играл на гармошке, дрался с парнями, пел срамные песни и «портил» деревенских девок* (Фадеев: URL).

(3) *Отношения* (совместная жизнь – примеч. наше – И.Ч., О.П.) *с Ириной Быстрицкой у Глеба складывались неизменно хорошиими, ровными и спокойными* (Воронин: URL).

У бродяги из рассказа О. Генри «Фараон и хорал» своеобразное представление о счастливом проведении времени зимой, но и оно основано на индивидуальной интерпретации стабильности:

(4) *Three months on the Island* (название тюрьмы – примеч. наше – И.Ч., О.П.) *was what his soul craved. Three month of assured board and bed and congenial company, safe from Boreas and bluecoats, seemed to Soapy the essence of things desirable* (Henry 1951: 32).

Концептуальная область СТАБИЛЬНОСТИ, соотносимая с аналогичной областью ПРИВЫЧНОСТИ через концепт ОДНОРОДНОСТЬ, имеет общие и дифференциальные черты с нею, как и другие аксиологические концептосфера, соотносимые через взаимодействие базовых принципов ценностно-оценочной категоризации и через определенные концепты. Общим для них является то, что они с точки зрения субъекта оценки представляют собой некие стандарты деятельности. Но если ПРИВЫЧНОСТЬ характеризует алгоритм в сравнении с другими алгоритмами как целостными феноменами, то СТАБИЛЬНОСТЬ характеризует параметры алгоритма, те его координатные нечисловые значения, которые с точки зрения субъекта оценки необходимы для успешного завершения деятельности. Иными словами, при сравнении характеров прямой взаимообусловлен-

ленности базовыми принципами определенных доменов эти домены находятся в пропорциональных семантических отношениях. Действительно, принцип и домен Нормы прототипов так же соотносится с Нормой параметрического значения через концепт ОПТИМАЛЬНОСТЬ, как принципы и домены Привычности и Стабильности через концепт ОДНОРОДНОСТЬ. С другой стороны, Норма прототипов так же соотносится с Привычностью через концепт ИДЕАЛ, как норма параметрического значения со Стабильностью через концепт СТАНДАРТ.

В обыденном понимании концепты НОРМА и СТАНДАРТ нераздельны, однако с научно-технической точки зрения стандарты и нормы представляют собой разные способы установления необходимых параметров для выполнения производственного задания. Технические нормативы предусматривают определенные числовые значения контроля качества выполняемой детали (например, допуски и посадки), а стандарты предусматривают соответствие количественных параметров различным фазам производственного процесса. Таким образом, в технике также действуют ценностные основания разграничения онтологического статуса требований к производству.

Тем не менее, сфера стабильности, обычно формально будучи ассоциируемой с какими-то техническими, производственными или научными условиями, подразумевающими определённые жёсткие цифровые нормы или стандарты, в смысловом плане чаще всего апеллирует к сфере бытовой, житейской. В пределах данной сферы различные исследователи в области психологии (Ильин 2000: 35), религиозной философии (Мень 1990: 85), лингвосемантики (Чекулаи 2006: 52-56) чётко выделяют три основных направления интеллектуальной деятельности человека: рациональную, эмоциональную, волевую.

В рациональной сфере ценностные отношения, связанные с концептуальной

областью СТАБИЛЬНОСТЬ, отражают следующие предметные и категориальные характеристики объектов реальности и познания: сферы явлений и процессов, фиксируемых органами чувственного восприятия, сферы ментальных процессов в той их части, которая предполагает определённое, объективное по своей сущности, осмысление фактов действительности, общественных и индивидуальных отношений, например, сфера чувственного восприятия:

(5) *Самолет держится устойчиво, и нет болтанки, к которой я привык, когда летал сюда, в Испанию, в тридцать шестом на «юнкерсах» эскадрильи «Кондор», или позже, в Krakow, зимой сорок четвертого, когда все на борту дребезжало и звенело и не было нынешней надежности полета* (Семенов: URL).

(6) *Він кілька разів човгнув ногою й не відчув ні листя, ні сухих гілок, що вкривали землю в густому лісі, – під ногами в нього була гладенька й тверда, мов камінь, земля* (Старицький: URL).

(7) *Silver soon established an enviable reputation as an honest, hardworking, scrupulous landlord; he became a subpostmaster, too, and a staunch supporter of the Tory cause at election time* (Judd, 194).

Последний пример показывает, что грань между рациональной оценкой факта стабильности в неком социальном отношении часто пересекается с другой важной сферой интеллектуальной деятельности, а именно, со сферой волеизъявления. Эта сфера представляет собой важный компонент квалификативного осознания действительности, зачастую игнорируемый в исследованиях по лингвистической семантике оценки, где чаще всего отмечается наличие оценочной деятельности в сферах рациональной и эмоциональной. Тем не менее, волевой компонент квалификации действительности является существенной составляющей частью в общей цепи явлений мыслительной деятельности. В рамках этой сферы особо

выделяются концептуальные области, связанные со стабильностью или нестабильностью в принятии индивидом определённых важных с его точки зрения решений, такие как ГАРАНТИЯ, РИСК, УВЕРЕННОСТЬ, НАСТОЙЧИВОСТЬ, МОРАЛЬНОСТЬ, СВОБОДА и др., например:

(8) *Агатов заходил вокруг него большими шагами.*

– *Нет, я все понимаю. Начальник лаборатории – сам себе хозяин. Уходит когда хочет. Не надо ни у кого проситься. Свобода – это существенно. Но я вам гарантирую. За моей спиной вам еще свободней будет* (Гринин: URL).

(9) *Да гэтага часу ў мяне, як амаль ва ўся-
кага здаровага, маральна неразбэшчанага
і пазбаўленага залішній пацуцевай цягі ча-
лавека, былі да жанчын роўныя сяброўскія
адносіны, часам нават не пазбаўленыя ней-
кай незразумелай агіды* (Караткевіч: URL).

(10) *'Why don't you go away, Martin?' Gertrude had begged. 'Go away and get a job somewhere and steady down. Afterwards, when this all blows over, you can come back'* (London: URL).

Наконец, остаётся ещё одна существенная сфера интеллектуальной деятельности, в которой отражается содержание стабильности/нестабильности, а именно эмоциональная сфера. По большому счёту, эмоциональная сфера более тесно связана со сферой волеизъявления, нежели с рациональным осмысливанием действительности, и поэтому в речи очень часты случаи, когда эти сферы пересекаются в значении стабильного или нестабильного положения дел, в частности:

(11) *Она с наслаждением готова была пресмыкаться перед Лихониным, служить ему как раба, но в то же время хотела, чтобы он принадлежал ей больше, чем стол, чем собачка, чем ночная кофта. И он оказывался всегда неустойчивым, всегда падающим под натиском этой внезапной любви, которая из скромного ручейка так быстро превратилась в реку и вышла из берегов*

(Куприн: URL).

(12) *Po przeczytaniu Twego listu byłam taka wstrzasnieta, ze po prostu musiałam zostać sama, zeby sie jakos poskładac do kupy. Pomyślam: niech sobie robi za tego gornika, jak tu tak na tym zalezy, poszłam do Jurka siedze u niego, to znaczy w jego mieszkaniu, bo on wyjechał* (Usarek: URL).

В своей основе семантика стабильности презентирует положительное оценочное отношение, а нестабильное положение дел чаще всего рассматривается в негативном контексте. Однако данное правило имеет исключение. Зачастую постоянное, мало меняющееся положение дел может рассматриваться как отрицательное в следующих основных случаях:

1) когда стабильное положение дел применительно к сущности, динамичной по своей природе, ассоциируется с застоем, стагнацией, рутиной, косностью и т. п., например:

(13) *Хіба ж це нормально, що Ліні раз у раз стає соромно за батька, ії дратує ота його впевненість у власній безгрішності, намагання всіх на свій лад перевиховувати, регламентувати, кожному нав'язувати власні свої уявлення, звички, смаки?* (Гончар, 113).

(14) *Bea told me he started out as a great teacher, but he's been soured by the trivitia-in-triplicate which his administrative duties impose* (Kaufmann: URL).

2) когда стабильность воспринимается как нечто аморальное в силу своей бесстрастности, в частности:

(15) *'Ho sentito che ora u vicino a un mio amico che u alla curia, Guglielmo di Occam.'*

'L'ho conosciuto poco. Non mi piace. Un uomo senza fervore, tutta testa, niente cuore.'

'Ma u una bella testa.'

'Pum darsi, e lo portera all'inferno.' (Eco: URL).

Таким образом, семантика стабильности/нестабильности является важным концептуально-ценостным полем, во многом задающим параметры как коммуникации, так и хранения и передачи информации в пределах различных язы-

ковых культур. При этом, несмотря на значительные культурные различия, функционально-семантические характеристики языковых единиц, передающих содержание стабильности или нестабильности отражаемых в языке и речи явлений, имеют достаточно общие черты в различных по происхождению, типологическим и струк-

турным параметрам языках мира. Это ещё раз свидетельствует об универсальном характере подавляющего большинства структур знаний, которые в форме языковых единиц передают информацию об отношениях людей к фактам внешнего мира и природы, друг к другу и к общественным явлениям различного порядка.

Библиографический список

1. Анисимов, С. Ф. Введение в аксиологию : учеб. пособие для изучающих философию / С. Ф. Анисимов. – М. : Соврем. тетради, 2001. – 128 с.
2. Ильин, Е. П. Психология воли / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2000. – 288 с.
3. Мень, А. Доисторические мистики / А. Мень // Наука и жизнь. – 1990. – № 2. – С. 85–91.
4. Чекурай, И. В. Ценность и оценка в категориальной структуре современного английского языка : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / И. В. Чекурай. – Белгород, 2006. – 473 с.

Список источников иллюстративного материала

1. Воронин, А. Кроссворд для Слепого / А. Воронин [электронный ресурс]. – URL: <http://www.vse-knigi.su/avoronin/slepoj>
2. Гончар, О. Тронка. Собор / О. Гончар. – Київ : «Сакент Плюс», 2004. – 512 с.
3. Гранин, Д. Иду на грозу / Д. Гранин [электронный ресурс]. – URL: <http://www.vse-knigi.su/granin/idi-na-grozu>
4. Караткевич, У. Дзікае палявання караля Стаха / У. Караткевич [электронный ресурс]. – URL: <http://www.lib.ru/karatkevich>
5. Куприн, А. И. Яма / А. И. Куприн [электронный ресурс]. – URL: <http://www.lib.ru/aikuprin/jama>
6. Некрасов, Н. А. Кому на Руси жить хорошо / Н. А. Некрасов. – М. : Изд-во «Художественная литература», 1964. – 266 с.
7. Семенов, Ю. Экспансия-2 / Ю. Семенов [электронный ресурс]. – URL: <http://www.vse-knigi.su/juliansemenov/ekspansija-2>
8. Старицкий, М. Останні орли / М. Старицкий [электронный ресурс]. – URL: <http://www.lib.ru/staritskij/ostanni-orli>
9. Фадеев, А.А. Разгром / А.А. Фадеев [электронный ресурс]. – URL: <http://www.lib.ru/classica/fadeev/razgrom>
10. Eco, U. Il nome della rosa / U. Eco [электронный ресурс]. – URL: <http://www.franklang.ru>
11. Henry, O. Short Stories / O. Henry. – M. : Foreign Languages Publishing House, 1951. – 240 p.
12. Judd, D. The Adventures of Long John Silver / D. Judd – L. : A Corgi Books, 1978. – 200 p.
13. Kaufmann, Bell. Up the Down Staircase / B. Kaufmann [электронный ресурс]. – URL: <http://www.franklang.ru>
14. London, J. Martin Eden / J. London [электронный ресурс]. – URL: <http://www.franklang.ru>
15. Usarek, J. Marcin / J. Usarek [электронный ресурс]. – URL: <http://www.franklang.ru>

Л.В. Эргман
Уссурийск

КОНЦЕПТУАЛЬНО-ТАКСОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АНГЛИЙСКИХ РЕЛЯТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ

Ключевые слова: категория, классификация, предикат, статальность, посессивность, объектность.

Key words: category, classification, predicate, statal verbs, possessivity, object.

Посвящается памяти дорогого Учителя и замечательного Человека

В научном наследии профессора Н.А. Кобриной много внимания уделено изучению глагола в различных аспектах – от исследования семантики отдельных подклассов до проблемы категоризации глагольного класса.

Деление глаголов на динамические и статальные является основным семантико-категориальным различием в системе английского глагола. Довольно обширный список различных классификаций английских глаголов свидетельствует

о том, что их систематизация с учетом всех возможных дифференциальных характеристик – одна из сложных проблем современной лингвистики. Это связано со многими факторами, к которым относятся и количество глагольных категорий, которые не охватывают все классы глаголов; и неравномерность распределения основных отличительных признаков внутри классов и подклассов, т. е. наличие прототипов и периферийных единиц, что способствует размыванию границ между классами; и, конечно же, многозначность самих глаголов, что связано с их различной сочетаемостью.

Н.А. Кобриной отмечает, что в целом все эти глагольные особенности и свойства составляют речемыслительную основу не только для классификации глаголов, но и для построения фреймов с сеткой отношений, которые в свою очередь служат основой для оформления традиционных членов предложения (Кобриной 2005). Такого рода последовательность в речепорождении возможна при условии, что происходит отложение всех этих особенностей глагола в сознании носителей языка. Это и предопределяет предсказуемость возможной для данного глагола сочетаемости и возможного применения его как предиката в синтагматически организованном виде в предложении-высказывании. Эту способность глагола-предиката предопределять синтагматическую упорядоченность называют семантической валентностью. Позже появился термин Ч. Филлмора «падежная рамка». Этот подход учитывал не только линейные связи, но все возможные для данного глагола связи в любом предложении. Кроме широко употребляемого в современной лингвистике термина «фрейм», используется также термин У. Чейфа *domain* (область, ситуативное пространство). Он толкуется как «ментальное пространство», что учитывает более широкую ментальную основу связей и функционирования глагола. Положительным

в таких базисных когнитивных моделях является отсутствие случайности в механизмах сочетаемости, учет прототипических связей и базовых структур. Поэтому возможно прогнозирование дифференцированных по рангу связей. Наиболее четкой является дифференциация между предикатно-субъектной и предикатно-комплетивной связью; последняя может дифференцироваться в зависимости от типа дополнений и обстоятельств.

Грамматические связи предиката и его грамматический статус предопределяется его лексическим (или концептуальным) значением, так как в лексическом значении содержатся признаки общего плана, которые определяют грамматический потенциал слова.

Существующие классификации глаголов строятся, обычно, на основе какого-то определенного принципа, учитываются общие характеристики каждого подкласса, как в плане концептуального, так и в плане категориального значений. Во всех классификациях почти не рассматривается вопрос о совместимости значений глагола со значением видовременной формы, значением пассива и других залоговых форм, повелительного наклонения. Известно, что в парадигмах многих глаголов есть лакуны, т. е. они не употребляются в некоторых глагольных формах в силу несовместимости их грамматических значений. Грамматическое значение формы как более обобщенное является сущностью более высокого уровня абстракции, чем любое лексическое значение. Но в плане коммуникативной функции языка, лексическое значение более важно в формировании общего смысла, оно задает основные параметры той части предложения, которая нацелена на отражение внеязыковой действительности. Р. Лэнкер считает, что формирование у лексических единиц грамматических значений вторично по отношению к лексическому значению и является следствием его осмыслиения. Зна-

чение глагола есть своего рода механизм «концептуальной иерархии», которая определяется психологическим осмыслением человеком явлений и предметов окружающей действительности, его энциклопедической информированностью о мире и происходящем в нем (Langacker 1988).

В целях объяснения причин образования лакун в парадигме глаголов необходим более детальный анализ причин их неоднородности. К статальным глаголам относятся глаголы типа *cost, matter, belong, depend* и т. д. Эти глаголы реализуют значение скорее состояния, а не действия и в связи с этим имеют ряд ограничений в образовании некоторых форм глагольных категорий. Основное различие между динамическими и статальными глаголами связывается с употреблением первых и неупотреблением последних в формах длительного вида. И хотя среди лингвистов существуют разногласия по поводу списка этих глаголов и по поводу возможности / невозможности их употребления в формах длительного вида, факт их ограниченного использования в этих формах является неоспоримым и свидетельствует о специфике их значения. Чтобы выявить факторы, обусловливающие особенности функционирования данных глаголов в видовой системе английского языка, необходимо рассмотреть взаимодействие лексической (концептуальной) семантики статальных глаголов с их категориальным грамматическим значением. Помимо полного или ограниченного запрета на употребление длительных форм, статальные глаголы характеризуются невозможностью образования форм повелительного наклонения. Это естественно, так как императив, как и длительный вид, представляет процесс как протекающий в определенных конкретных условиях времени и пространства. Отсутствие этих форм в парадигме статальных глаголов объясняется несовместимостью их общего суб-

категориального значения статальности, т. е. закрепленного, уже сформировавшегося состояния, с категориальным значением формы императива – значением побуждения, поскольку вызвать состояние побуждением невозможно.

Довольно большое число статальных глаголов дает основание предполагать их семантическую неоднородность. Р. Квирк и его соавторы делят все статальные глаголы на два подкласса:

- 1) глаголы неактивного восприятия и умственной деятельности;
- 2) релятивные глаголы, обозначающие разного рода отношения.

Подкласс релятивных глаголов имеет в лингвистической литературе довольно фрагментарные характеристики, отмечаются лишь их отдельные особенности, не выстраивающиеся в стройную концепцию, которая могла бы объяснить всю их специфику. Статальные глаголы можно определить как связующее звено между глагольными и адъективными предикатами. Этим объясняется тот факт, что глаголы состояния могут замещаться составным именным сказуемым, при котором субъект равным образом не имеет агентивной функции. Соотносимость имеется и в исходных формах, т. е. формы *to equal – to be equal; to suit – to be suitable* семантически приближаются друг к другу.

Вопрос употребительности/неупотребительности статальных глаголов в формах страдательного залога также далеко не ясен, и здесь необходимо проследить такое связанное с залогом явление как категория объектности. Объектность в английском языке не связывается с категорией переходности, которая является признаком синтаксической сочетаемости глагола. Все выделяемые в этой статье глаголы обладают особыми объектами, так как релятивные глаголы передают объектные отношения или качества, существующие независимо от субъекта и являющиеся его постоянными признаками.

В подклассе статальных релятивных глаголов выделяются следующие группы:

1. Глаголы, обозначающие ПОСЕССИВНОСТЬ. Эти глаголы, в свою очередь, могут быть подразделены на подгруппы:

а) глаголы, обозначающие обладание – **have, possess, hold, own, acquire, gain**, например:

(1) *He had a sense of losing something he had never really possessed* (Hailey, 365).

б) глаголы с семантикой вместимости, содержания – **contain, accommodate, carry, include, comprise, involve**, например:

(2)...and in a locked safe in his own office a slim brown book contained them all... (Hailey, 270).

в) глаголы с семантикой отнесенности, соотношения части и целого – **belong, correspond, relate to, refer to**. Эти глаголы выражают качественную характеристику, противоположную глаголам предыдущей подгруппы, выражаяющим качественную характеристику через описание компонентного состава объекта, например:

(3) *Ellen belonged to a generation that was formal even after 17 years of wedlock* (Mitchell, 40).

2. Глаголы, выражающие МЕРУ, СТЕПЕНЬ КАЧЕСТВА. В свою очередь эти глаголы распадаются на подгруппы в зависимости от передаваемых ими отношений равнозначенности, адекватности, превосходства:

а) глаголы, передающие отношения равнозначенности – **equal, even, match, level, measure**, например:

(4) *His eagerness for bluff equaled Gerald's...* (Mitchell, 178).

б) глаголы, обозначающие адекватность, соответствие сравниваемых объектов – **suit, become, fit, answer(a purpose)**, например:

(5) *Modesty becomes you!* (Hailey, 372)

в) глаголы, обозначающие превосходство степени признака – **surpass, excel, exceed**, например:

(6) *Ottawa might surpass Washington someday as a capital* (Hailey, 281).

Глаголы данной подгруппы, имеющие общую сему равенства, адекватности или превосходства в признаке, характеризуются одинаковым окружением – наличием двух актантов, обозначающих сопоставляемые сущности в форме подлежащего и дополнения, причем в позиции дополнения стоят слова, обозначающие не объект действия, а объект соизмеримости по какому-то признаку. Отношения равенства, выражаемые этими глаголами, определяются содержанием подлежащего и дополнения и не зависят от одушевленности/ неодушевленности соотносимых реальных объектов.

3. Глаголы, обозначающие ОЦЕНОЧНОСТЬ, также можно разделить на две группы в зависимости от степени проявления в них общей семы оценки признака:

а) глаголы, обозначающие важность, значимость признака – **matter, signify, count, cost**, например:

(7) *It was individuals, not politics that mattered most* (Hailey, 185).

Глаголы, составляющие ядро этой подгруппы (**matter, count**), не допускают трансформации пассива, поскольку отсутствует объект, способный занять место активного подлежащего в пассивной конструкции. В связи с общим оценочным значением для этих глаголов характерно употребление в эмфатических придаточных предложениях, и употребление обстоятельства образа действия и степени. Для этих глаголов характерно наличие субъекта оценки, который может имплицироваться, или в некоторых случаях выражаться эксплицитно в форме вводной конструкции, например:

(8)...as you said, time is what counts (Hailey, 226).

В этой подгруппе выделяется глагол **cost**, обозначающий реальную и рациональную оценку, которая является характеристикой последующего действия с точки зрения его уместности или целесообразности, например:

(9) *The whole affair could ... cost us an election* (Hailey, 185).

6) глаголы отрицательной оценки – **lack, need, require, want**. Категориальная семантика глаголов этой подгруппы аналогична предыдущей, они имеют общую сему – выделение важной черты в общей характеристике определяемого объекта, но со знаком минус, т. е. отрицание наличия выделяемого признака, например:

(10) ... *the Howden government lacked influence in Washington* (Hailey, 207).

Оценочное значение этих глаголов часто актуализируется в определительных, так называемых контактных придаточных предложениях, в которых имплицируется объект оценки, например:

(11) ... *time is the one commodity we lack* (Hailey, 214).

С точки зрения облигаторности объектного члена глаголы этой подгруппы неоднородны: в подгруппе (а) – нет объекта, а есть интенсификатор оценочного значения, в подгруппе (б) – объект формально есть, но на семантическом уровне он сливаются с глагольным членом, давая вместе с ним качественную характеристику. Глаголы этой группы не используются в формах пассива.

4. Глаголы, обозначающие СУЩЕСТВОВАНИЕ, БЫТИЙНОСТЬ – **be, exist, flourish, vegetate, subsist**. Следует отметить, что семантике этих глаголов свойственно выражение определенной протяженности во времени, длительности качества, но не свойственно значение ограничения во времени и стремления к достижению значения предела состояния. Длительность, таким образом, имеет качественное проявление и их можно отнести в подкласс статальных релятивных глаголов. Степень проявления признаковой сущности в них разная, например, у глагола **flourish** признак «процветание, пышность» сильнее, чем у нейтрального глагола **exist**. У глагола **subsist** содержится информация об оценке условий существования – «существование с преодолением неблагопри-

ятных обстоятельств». Глагол **vegetate** тоже передает оценку существования – «признак растительной жизни», например: *His family has flourished since then. Any material thing can't subsist eternally. This idea exists only in his mind.*

Предложения, в значение которых входит признак наличия состояния бытийности, обычно не имеют локативного члена. Как отмечает О. Н. Селиверстова, глагол **exist** употребляется, если речь идет о противопоставлении реального нереальному, если он передает информацию о наличии предмета в определенных участках пространства типа язык, искусство, животный мир. Менее типично употребление их для описания объекта в социально-производственной сфере. Мало вероятно, например, предложение типа: *He exists at Oxford*, но вполне рекуррентно:

(12) *But with all the law's faults it had one great virtue. It was there. It existed* (Hailey, 113).

Ядром данной подгруппы являются глаголы **to be, exist**. Глагол **flourish** противопоставляется глаголам **subsist, vegetate** по признаку «положительное/ отрицательное существование». Субъектом глаголов, употребляемых для обозначения релятивного состояния бытийности, могут быть лица и не-лица, таким образом, в одном глагольном слове возможно совмещение двух противоположных значений признаков. Глагол **to be** равен по смысловому объему глаголу **exist**, но он нейтрален, у него отсутствует коннотации, возможные и характерные для глагола **exist**, поэтому он уступает ему по частоте употребления в значении «существовать». Глагол **to be** в значении «находиться» характеризуется признаком, который передает информацию о временном или постоянном пребывании субъекта в определенном месте, т. е. имеет локативное значение: *He is in Oxford now*. Глаголы этой группы являются глаголами ненаправленного действия, синтаксический объект у них отсутствует.

Таким образом, рассмотренная группа статальных релятивных глаголов отнюдь не однородна. Общим для анализируемых в статье глаголов субкатегориальным значением является значение застывшего состояния, несовместимого с семантикой длительного вида, повелительного наклонения, страдательного залога. Значение качественной характеристики признака, включающей семы посессивности, меры и степени качества, оценки и бытийности являются частными их значениями. Отсутствие соответствия между семантическими отношениями и сочетаемостью и их синтаксической характеристикой является показателем неканонизированности, дефектности этой подгруппы глаголов. Наиболее сильно дефектность парадигмы проявляется в сфере пассива, отсутствуют четкие границы между формами пассива и составного именного сказуемого. Поэтому эти глаголы, вероятно, можно определить как связующее звено между глагольными и адъективными предикатами. Вместе с тем эти предикаты включают статутные признаки глагола, актантный фон глагола, наряду со способностью передавать качественную характеристику сопоставляемых объектов. В предложениях

со статальными предикатами происходит переосмысление роли актантов, хотя на поверхностном уровне предложение сохраняет свою каноническую форму. Семантический субъект в предложениях с предикатами состояния выступает в смысловой структуре с номинативной, неагентивной функцией. Вторым семантически облигаторным актантом является объект, который имеет разный смысл у разных подгрупп глаголов. Значение, предаваемое объектом в предложениях со статальными предикатами оценки, посессивности, меры и степени описываемого по качеству номинативного субъекта, не всегда является объектным, т. к. в смысловом содержании данных глаголов отсутствует характеристика действия.

Приведенное представление семантико-категориальных подгрупп статальных глаголов с их специфическими особенностями, показал, что в основе механизма проецирования на другие члены предложения заложено языковое знание, включающее информацию разного уровня: собственно языковые нормы сочетаемости, энциклопедические знания о мире, прагматические знания и отражение конкретной ситуации.

Библиографический список

1. Кобринा, Н. А. Семантико-категориальная классификация глаголов / Н. А. Кобринна // *Studia Linguistica. Когнитивные и коммуникативные функции языка*. – СПб., 2005.
2. Селиверстова, О. Н. Семантический анализ экзистенциальных и посессивных конструкций в английском языке / О. Н. Селиверстова // Категории бытия и обладания в языке. – М., 1977. – С. 5–67.
3. Langacker, R. W. An Overview of Cognitive Grammar / R. W. Langacker // *Topics in Cognitive Linguistics*. – Amsterdam, Philadelphia, 1988. – P. 3–48.
4. Quirk, R., Greenbaum, S., Leech, G., Svartvik, J. A University Grammar of English / R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik. – M., 1982. – 391 p.

Список источников иллюстративного материала

1. Hailey, A. In High Places / A. Hailey. – N.Y., 1979.
2. Mitchell, M. Gone with the Wind / M. Mitchell. – London, 1974.

Раздел II

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ (RESEARCH PAPERS)

ЗНАЧЕНИЕ В СТРУКТУРЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Ключевые слова: значение, познание.

Key words: meaning, cognition.

Лингвистика конца прошлого века известна своими революционными настроениями, суть которых сводится к переходу от науки о форме к науке о значении. Отвечая на вопрос о содержательной стороне знака, сторонники различных направлений предложили несколько известных формул: значение есть объект реальной действительности (референция), значение есть понятие, значение есть употребление (функционализм), значение есть реакция на вербальный стимул (бихевиоризм). Обобщая теории и гипотезы о природе явления, ученые пришли к заключению, что проблема значения имеет общенациональный характер (Никитин 2009: 12), а определение данного понятия может стать ключом к проблеме познания в целом (Кравченко 2008: 188). Отсюда, методология теории значения должна строиться на постуатах гносеологии.

Известно, что освоение действительности складывается из нескольких этапов. Первый этап – чувственное познание, осуществляемое через ощущение, восприятие и представление. Ощущение дает элементарные знания о свойствах предметов, которые поступают по разным каналам. На первичном уровне познания не приходится говорить о значении или знании, скорее речь идет об информации, данной в ощущениях.

Анализ элементарных свойств предметов, произведенный органами чувств, синтезируется на следующем этапе отражательного процесса. В отличие от ощущения, восприятие осмысленно (Рубинштейн 1935: 180) и зависит от познавательного опыта субъекта (Лурия 1975: 49). Там, где один увидит нагромождение линий, другой воспримет чертеж детали, то

есть осознает значение, тем самым абстрагируясь от физических свойств предмета, данных в ощущении. Так, можно увидеть, что на столе лежит ручка, и «не увидеть» ее цвет, размер и форму. С другой стороны, увидеть ручку можно только при условии, что субъект обладает знанием об этом предмете, о его функции прежде всего, то есть схватывает значение, которое не дано непосредственно.

Значение нельзя постигнуть через ощущение, так как значение не является природным свойством, что успешно подтверждается опытами психологов. Так, гипнотическая инструкция «не видеть сигареты» блокирует значение слов, которое включает не только и не столько объективные качества предмета, но и их функцию, то есть значение, обретенное в общественной практике. Испытуемый после выхода из гипноза видит предметы, но не может вспомнить, как курить, что означает процесс курения, как не может вспомнить и названия для пепельницы и зажигалки, называя последнюю «цилиндриком» или «тюбиком» (Петренко 1988: 10), то есть воспринимает форму, но не воспринимает значение. В самих вещах, фактах, событиях, явлениях и их связях значения нет. Оно появляется тогда, когда эта связь осознается кем-то с целью ориентации в мире (Никитин 2009: 16).

Ориентация в мире или адаптация к среде как главная функция организма является целью познавательного процесса. Данный тезис является отправной точкой биологического направления в лингвистике, которое определяет значение как отношение между организмом и его физической и культурной средой, определяемое ценностью значения для организма

(Златев 2006: 308). Ценность полученной информации зависит от мотивационно-потребностной сферы воспринимающего индивида. Познавательный процесс является одновременно отражательным и оценочным (Никитин 2003: 67, Трунова 2006: 133). Так, в современной теории информации отражение объекта понимается как сообщение, соотнесенное, с одной стороны, с наличным запасом знаний, а с другой, подчиненное «сиюминутным» интересам воспринимающего субъекта, который оценивает, главным образом, значимость данной информации для достижения цели (Антонов 1988: 64). Уже на первой ступени познавательного процесса происходит идентификация ощущений, вызванных объектом, как приятных или неприятных. Интерпретация физических свойств сигналов, поступивших от рецепторов, относится к области рациональной оценки, а характеристика воспринимаемого по шкале «хорошо/плохо» относится к оценке эмоциональной. Таким образом, результаты познания оцениваются по двум направлениям: достоверность полученной информации (эпистемическая оценка) и значимость содержащейся в них информации для субъекта (аксиологическая оценка) (Ивин 1970: 98).

На дознаковом уровне познания значение представляет собой нерасчлененное единство двух аспектов: (прагматического) субъективного и когнитивного (объективного). На знаково-понятийном уровне когнитивная сфера сознания все более автономизируется от прагматической, происходит усложнение структуры когнитивного значения: в нем выделяются контенциональный и экстенциональный аспекты, а в контенциональном – денотативный и сигнifikативный (Никитин 2009: 17). Так как процесс познания начинается с индивида, исходным в значении является прагматический аспект, отвечающий за субъективную оценку всего наблюдаемого и переживаемого с точки

зрения его интересов и ценностей. Однако, субъективные интересы питаются объективными знаниями, для овладения которыми требуется абстрагироваться от непосредственно-потребительских отношений (Никитин 2009: 33).

Пристрастность человеческого отражения, обусловленная личными потребностями, могла бы стать непреодолимым препятствием на пути познания, если бы не уникальная способность человека отдаляться от предметного образа, создавая обобщенную модель объекта в сознании. Речь идет о способности постигать значение, которое, по мнению психологов, эмансирирует объект от субъекта и позволяет иметь дело с предметами, которые не воспринимаются непосредственно и не входят в жизненный опыт индивида. Так, под значением в психологии понимается та постоянная часть содержания знаков, общая для всех говорящих языкового сообщества и обеспечивающая понимание и передачу опыта от субъекта к субъекту. Такое понимание значения предполагает признание его производности от культурно-исторического бытия человечества, но не от личностного опыта субъекта (Рассел 2000: 23-24).

Таким образом, мир представляется человеку через чувственные эмпирические образы либо через знаки, за которыми закреплено понятийное содержание (значение). Субъект познания сам выбирает способы овладения миром и их сочетания. Результатом такой деятельности является модель мира, которая включает как общечеловеческий, национальный культурно-исторический опыт, так и специфическое мировосприятие субъекта. Ошибки чувственного познания выявляются путем соотнесения индивидуального знания с общественным. Несовпадения индивидуального и общественного знания представляют собой заблуждения отдельной личности и не включаются в целостную концептуальную картину мира.

Эмпирическое и знаковое освоение действительности взаимно дополняют друг друга. Очевидным фактом, однако, является преобладание познавательной деятельности, основанной на операциях со знаковыми значениями, так как именно знак (не обязательно лингвистический) материализует обобщенное знание, прошедшее проверку практикой. Под практикой в данном случае понимается успешная адаптация к среде как цель познавательного процесса.

Согласно современной гносеологии, картина мира, отраженная в сознании, коррелирует с объективными закономерностями окружающей действительности. Мир сознания не представляет собой новый мир, не согласуемый с законами бытия. Иначе практическое и теоретическое освоение субъектом окружающего мира было бы невозможно (Колшанский 1990: 15). Посредством практического освоения мира человек приходит к его осмыслению и раскрытию свойств предметов, явлений, процессов и их взаимосвязей. Биологическая приспособленность человека к природе свидетельствует о том, что сознание дает в основном верные образы действительности. Законы и категории мышления, правила логики – суть отражения наиболее общих связей между вещами реального мира.

Картина мира, представленная в языке, в целом соответствует объекту отражения и представляет его основные свойства. Объективистский взгляд на язык подвергся критике и со стороны последователей биолингвистического подхода (Кравченко 2008: 129). Вероятно, суть проблемы заключается в неверном толковании презентативной функции языкового знака. Язык не замещает объекты реального мира посредством знаков, но основой значения языковых единиц является сам

мир. Более того, языковая система отражает общие законы бытия. Так, дискретность и непрерывность среды коррелирует с философскими категориями «часть» – «целое» и представлена в познании логическими операциями анализа и синтеза (Балин 2001: 60). Если в реальном мире существуют вещи и признаки, единичность и множественность, то сознание фиксирует данность в виде категорий субстанции, качества и количества. В языке данные отношения представлены на уровне системы и структуры (часть и целое) (Никитин 2009: 87), в предикативной структуре предложения (предмет и признак) (Юрченко 2008: 50), в лексико-грамматических классах (субстанция, качество, количество, процесс), в цельнооформленном (слово) и расчлененном (словосочетание) представлении значения.

Подводя итоги, необходимо подчеркнуть, что значение открывает новые горизонты человеческого отражения как отражения сознательного. Уже на этапе чувственного восприятия значение включается в процесс познания и его определяет. Значение не результат познания, а его часть. Благодаря значению, явления, воспринимаемые познающим субъектом, открывают не только свои физические свойства, но и происхождение, функции, скрытые связи. Общественная природа значения позволяет избежать фрагментарности индивидуального знания, а достоверность значения как категоризованной информации позволяет адаптироваться к среде. В процессе всеобщего отражения не существует различия между лингвистическими и нелингвистическими значениями. И те, и другие взаимно дополняют друг друга, качественно улучшая чувственное и рациональное освоение окружающего мира.

Библиографический список

1. Антонов, А. В. Информация: восприятие и понимание / А. В. Антонов. – Киев : Наук. думка, 1988. – 184 с.
2. Балин, В. Д. Психическое отражение: элементы теоретической психологии / В. Д. Балин. – СПб. : Издательство С.-Петербургского университета, 2001. – 376 с.
3. Златев, Й. Значение = жизнь (+ культура): набросок унифицированной биокультурной теории значения / Й. Златев // Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы / под ред. А. В. Кравченко. – М. : Гнозис. – С. 308–361.
4. Ивин, А. А. Основания логики оценок / А. А. Ивин. – М. : Изд-во МГУ, 1970. – 230 с.
5. Колшанский, Г. В. Объективная картина мира в познании и языке / Г. В. Колшанский. – М. : Наука, 1990. – 104 с.
6. Кравченко, А. В. Когнитивный горизонт языкоznания / А. В. Кравченко. – Иркутск : Издательство БГУЭП, 2008. – 320 с.
7. Лурия, А. Р. Ощущения и восприятия / А. Р. Лурия. – М. : МГУ, 1975. – 110 с.
8. Никитин, М. В. Основы лингвистической теории значения : учеб. пособие / М. В. Никитин. – М. : Книжный дом «Либрком», 2009. – 168 с.
9. Никитин, М. В. Основания когнитивной семантики / М. В. Никитин. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. – 277 с.
10. Петренко, В. Ф. Психосемантика сознания / В. Ф. Петренко. – М. : Издательство Московского университета, 1988. – 208 с.
11. Рассел, Б. Человеческое познание: его сфера и границы / Б. Рассел. – М. : ТЕРРА – Книжный клуб, Республика, 2000. – 464 с.
12. Рубинштейн, С. Л. Основы психологии / С. Л. Рубинштейн. – М. : Учебно-педагогическое издательство, 1935. – 496 с.
13. Трунова, О. В. К проблеме значений языковых единиц / О. В. Трунова // Единство системного и функционального анализа языковых единиц : материалы Междунар. науч. конф. (Белгород, 11–13 апр. 2006 г.) : в 2 ч. / под ред. О. Н. Прохоровой, С. А. Моисеевой. – Белгород : изд-во БелГУ, 2006. – Вып. 9. – Ч. II. – С. 132–135.
14. Юрченко, В. С. Философия языка и философия языкоznания : лингвофилософские очерки / В. С. Юрченко. – М. : Издательство ЛКИ, 2008. – 368 с.

Э.Г. Вольтер
Барнаул

ЕЩЕ РАЗ О ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИХ ДОМЫСЛАХ

Ключевые слова: лингводидактика, обучение иностранным языкам.

Key words: Linguodidactics, foreign language teaching.

Некоторых домыслов (проблем) теории обучения иностранным языкам мы уже касались (Вольтер 2007: 59-66). Продолжим серию и затронем ряд других, также имеющих прямое отношение к лингводидактике, сегодня настолько затеоретизированной, что из-за леса деревьев не видно. Опять же радует одно: на практику обучения иностранному языку все эти домыслы и измысления, к нашему счастью или сожалению, не влияют. И все же.

Начнем на сей раз с набившей оскомину коммуникативной ситуации на уроке иностранного языка, точнее – определений её разновидностей методистами, естественной или искусственной, учебной или неучебной, определений настолько очевидных, что диву даешься, как о них можно сколько-нибудь серьезно рассуждать и отводить им целые страницы. Всё, что «падает с неба» или «ниспосыпается» в класс

«свыше», – это естественная ситуация, а всё, что в нем воссоздается или моделируется, – это искусственная ситуация. Вот и всё! Естественно общаться в классе или вне его в своей стране на родном языке и неестественно общаться в нем или вне его в своей стране на языке иностранном. Естественно показать альбом с семейными фотографиями редкому иностранцу и комментировать ему его на его языке и столь же неестественно показывать тот же альбом в классе и говорить о нем с учителем или одноклассниками на иностранном языке. Продолжим. Естественно говорить в классе с иностранцем на его языке, если он не знает наш, равно как естественно говорить на английском, немецком, французском и т. д. в соответствующих странах. Всё остальное, неужели непонятно, – неестественно, а искусственно, как бы мы того ни хотели и чем бы мы себя

ни тешили или ни обманывали. А потому всякое использование в классе иностранного языка в любом виде по указке учителя, в его присутствии и в учебных целях это – искусственная ситуация, условность, игра, по К.С. Станиславскому «в предлагаемых обстоятельствах». С учебной или неучебной ситуацией в классе всё еще проще: всё, что обыгрывается в нём, оно учебно, даже если в класс забрел иностранец и учащийся применяет в общении с ним приобретенные им знания, навыки и умения; всё, что обыгрывается вне его с тем же иностранцем, оно неучебно, даже если, применяя приобретенные знания, навыки и умения, учащийся в них утверждается и их закрепляет. Вывод: по критерию *объективности* все ситуации в классе – *естественные или искусственные*, а по критерию *целеполагания* эти же ситуации – *учебные или неучебные*. Повторим, одно не мешает другому. Любая возникающая в классе естественная ситуация, скажем, опоздание школьника, отсутствие у него учебника или чего-либо другого, дисциплина, необходимость помочь что-либо сделать и т. д., может быть учителем обыграна в учебных целях и из ситуации на первый взгляд неучебной легко превратиться в учебную.

Далее. Непонятно чрезмерное увлечение методистов *текстом*, шире – *текстами*, иноязычными в нашем случае, их описанием и типологией. Наш ли это объект? Не думаем. Это – объект изучения текстологов, литературоведов, филологов, стилистов и др. Наше дело – думать о том, как лучше обучать тому или иному языку на базе того или иного текста – *объект науки*, что уже совсем другое, а не сомнительно рассуждать о нем. В самом деле, противопоставлять «аутентичный» текст – тексту «учебному», а оба – «адаптированному» тексту, как некоторые методисты делают, – это, извините, противопоставлять «умного» – «высокому», а обоих – «красивому». Уж если кто берется за какую-то

типологию, то делать это должен серьезно и ответственно, начав хотя бы с внятных критериев, что кладутся в основание всякой типологии или классификации. Пока мы таких внятных критериев не видели, а потому для себя давно определили свои – *назначение, авторство, сложность* предъявляемого учащимся иноязычного текста. По *назначению* все предъявляемые в классе тексты видятся нами «учебными – неучебными», по *авторству* те же тексты будут «аутентичными – неаутентичными» и по *сложности* эти же тексты – «адаптированными – неадаптированными». Словом, любой принесенный в класс автором учебника или учителем, подчеркнем, оригинальный текст носителя иностранного языка в учебных целях будет *учебным*, по *авторству – аутентичным* и по *сложности – неадаптированным*. Осталось себя спросить: а имеем ли мы, «неносители языка», право вторгаться в аутентичный авторский текст, разрушая его целостность, или того хуже – сочинять собственные тексты; насколько наша типология текстов нужна, если вообще нужна, и поможет ли она методисту или учителю более успешно снимать известные формальные, содержательные, композиционные и иные трудности на дотекстовом этапе обучения учащихся иноязычному аудированию или чтению? Думаем – нет. Не лучше ли подбирать аутентичный иноязычный текст, всякий раз соответствующий возрасту, интересам и языковому опыту учащихся?

В третьих, замахнемся на святое – привычное и устоявшееся «*обучение иноязычному аудированию*». Чем дольше мы об этом думаем, тем меньше верим в то, что мы ему действительно кого-то обучаем. Все необходимые учащемуся рецептивные (аудитивные) навыки и умения он без каких-либо наставлений переносит из рецептивного опыта на родном языке в язык иностранный. И если мы этому переносу на материале иностранного языка как-то способствуем, то делаем это не на уровне

обучения аудированию, а на уровне обучения иноязычной лексике и грамматике – в соответствующих упражнениях на сочетаемость лексических единиц, вызов их из долговременной памяти, порядок слов, членение речевого потока, на антиципацию и др. Собственно смысловой обработке воспринимаемой информации – аналитико-синтетическим действиям и операциям – мы не обучаем. Единственное, что мы делаем, – это снимаем, повторим, разного рода трудности, чем создаем учащемуся наиболее благоприятные условия для восприятия и осмысления иноязычного аудиотекста. А это – не обучение.

Четвертое. Если в обучении *аудированию* в прямом смысле слова мы еще как-то сомневаемся (обучаем – не обучаем), то в его *контrole*, включаемом в обучение аудированию третьим – поспектовым этапом, мы уверены. Контроль – за чертой обучения, даже если сопровождает его на всех уровнях, а значит ни третьим, ни четвертым, ни каким-либо еще этапом всякого обучения чему-либо он признаваться не может. Контролируя учащегося, учитель ни объясняет, ни показывает, ни подкрепляет (Р.К. Миньяр-Белоручев), и поэтому контроль нужно оставить на своем месте. Обучение – это одно, а контроль обучения – это другое. И не вменять ему функции, чаще других – обучающую, которые он объективно выполнить не может. Контролируемое обучение – да, «обучающий контроль» – нет. Нельзя сидеть на двух стульях. Либо мы обучаем, либо контролируем.

Пятое. Давно устали от терминологической путаницы в словарях – *активном, пассивном и потенциальном*, которыми, учаясь иноязычной лексике, учащиеся овладевают. Активным словарем, общеизвестно, принято называть словарь, который учащийся использует в своей собственной речи (говорение, письмо). Пассивным, по логике вещей, признается словарь, который учащийся воспринимает в чужой

речи (аудирование, чтение). Возражение с нашей стороны вызывает потенциальный словарь, на деле отождествляемый методистами с пассивным. Если *потенциальный*, как толкует словарь иностранных слов, – «существующий в *потенциии*; скрытый, не проявляющийся; возможный» (СИС 1988: 395), то и под потенциальным словарем следует понимать все авторские словообразования, неологизмы, которых сегодня нет, но которые завтра появятся и даже могут стать общепринятой словарной нормой. Не успели американцы сесть на Луну и на Марс, как во французских газетах тут же появились *прилуниться* и *примарситься*. В этом же ряду наши разного рода «одверивать», «одверять», «сникерсни», «(от)ксерить» или обыгранные в известном юмористическом телесериале «6 кадров» сомнения покупательницы по поводу выбираемой ею одежды: один наряд ее «пингвинит», другой «верблюдит», третий «жирафит», а четвертый «пантерит»; и в этом же ключе реплика, уже для себя, в сторону, недовольной продавщицы: «Он тебя ‘кошатит’!» И т. д. Надеемся, всем понятно, что предвидеть этот в принципе возможный, т. е. потенциальный, словарь трудно, а потому его никто и не отслеживает.

Шестое. Не более ясна ситуация по сей день в методической литературе и со «способом» и «средством». Чего только ни пишут! У одних «Чтение вслух – средство совершенствования произношения». А для чего произношение как таковое, если не для аудирования и говорения? Что для чего – умения для навыков или навыки для умений? «Все смешалось в доме Облонских!» У другого – аудирование – средство, а не способ. У третьего – игра, проект и т. д. Пора бы понять, что способ – это процесс, деятельность, отвечающие на вопрос *как, каким образом?*, а средство – это орудие, инструмент, отвечающие на вопрос *чем, при помощи чего?* Конечно же, аудируя, читая, говоря, переводя и в письме, мы

опосредованно многое совершенствуем и многому учимся, но едва ли мы делаем это не для самой речи. Словом, речь как континуум по определению не может быть средством, а лишь – способом, «способом формирования и формулирования мысли», как ее точно определила И.А. Зимняя.

Седьмое: *тесты и тестирование* уже не домыслы, а завуалированная политика. Более изощренного способа (тестирование) и средства (тест) дебилизации россиян и остального человечества люди, движимые «интересом бифштекса» или иным, придумать не могли. Извините. Вспоминаем нехудшие годы, когда наша страна взметнула в космос, а американские газеты кричали о том, «Что знает русский Иван и чего не знает американский Джон?», изучавший физику и математику факультативно. И мы, эмоционально дискутирующие тогда по поводу того, что у нас мяса не было, а у них негров линчевали. Было такое холодное противостояние. Американцы вышли из положения: закупили европейских, японских и китайских мозгов, а наши мозги, *pardon*, – предательски утекали. На сегодня осталось – промыть или вымыть последние наши мозги. И лучшее для того средство – тест. Самое страшное, что мы тому рады и активно содействуем! Не будем себе задавать вопрос, где тест уместен и эффективен. Лишнее. Всем всё понятно. Хочется верить, что и Министерству образования и науки.

И последнее. Многое, о чем думаем и пишем, удалось бы избежать, не наблюдай мы долгие годы (ох, уж эти эвфемизмы, птичий язык!) специальную – лингвистическую – несостоятельность многих наших коллег, неоученных, и не только методистов, в предмете «иностранный язык»

и во всем, что с ним связано, в предмете, который они по долгу службы призваны знать сами и которому учат других учить. Вспоминается «Племянник Рамо» Д. Дидро, где один из героев – учитель музыки – признавался в том, что, если бы умел играть, никогда не стал бы учителем музыки. Было бы весело, если бы не было так грустно! Одна «языковая (грамматическая, лингвистическая) компетенция», заметим, в представлении доктора наук (!) чего стоит! Мы тоже любим грамматику. А где фонетика, лексика и стилистика на всех уровнях, составляющих язык? А «языковая» и «лингвистическая»? Разве это не одно и то же? И грамматика в них не входит, если учесть запятую. Слов нет! Сплошь обрывки из отрывков! А чего ждать от учителя, давно забывшего, зачем эти «означаемое» и «означающее», «оппозиция», «дифференциальный признак» или «маркер», «грамматические форма и значение» плюс их «функция», «парадигма» и «синтагма», «тема» и «рема» и мн. др.; в чем они всякий раз объективируются или определяются и как они ему помогли бы успешнее обучать языку. А никак. Лингвисты сами по себе, а учитель сам по себе. Обучает по наитию, «методом попугая»: *Mach mit! Mach nach! Mach besser!* А когда ему, вдруг, для очередной аттестации из лингвистики что-нибудь понадобится, он почитает все тех же сомнительных специалистов. Ведь тоже ученые! Благо, что Интернет и методический журнал всегда под рукой. *Voilà!* Всё, как и 40 лет назад. Ничего не изменилось и не меняется: язык без методики, что вполне нормально, и методика без языка, что конечно же ненормально. Как обучать языку и речи, не зная, что это такое? Когда же мы это поймем?!

Библиографический список

1. Вольтер, Э. Г. О некоммуникативных компетенциях и прочих лингводидактических домыслах / Э. Г. Вольтер // Проблемы межкультурной коммуникации в теории языка и лингводидактике : материалы III Международной научно-практической конференции, посвященной 55-летию ЛИИН БГПУ / под ред. Н. Ф. Акимовой. – Барнаул : БГПУ, 2008. – С.59–66.
2. [СИС] Словарь иностранных слов. – 15-е изд., испр. – М. : Рус. яз., 1988. – 608 с.

МОДЕЛЬ V – N КАК БАЗОВАЯ МОДЕЛЬ РАСЧЛЕНЁННОЙ НОМИНАЦИИ ДЕЙСТВИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: номинация, расчленённая, нерасчленённая, модель, действие.

Key words: nomination, discrete, non-discrete, pattern, action.

Естественный язык является одной из важнейших семиотических систем, используемых в человеческом обществе. Он представляет собой полифункциональную знаковую систему. В актуализации языка его основные функции (когнитивная, коммуникативная, номинативная и идеационная) пересекаются. Процесс именования предметов и явлений окружающей действительности средствами языка тесно взаимосвязан с процессом её познания, с одной стороны, и с процессом общения людей в социуме – с другой. Вследствие этого способ номинации объекта в значительной мере определяется 1) характером его восприятия и осмыслиения человеком и 2) коммуникативным контекстом и pragmaticическими интенциями говорящего.

Центральной (базовой) единицей языковой системы является лексическая единица, или слово, предназначением которого является именование, или выполнение номинативной функции. М.В. Никитин не случайно рассматривает слово и словосочетание как единообразные объекты, поскольку и то, и другое выполняют номинативную функцию (Никитин 1996). Именование внеязыковых данностей или мыслимых сущностей с помощью словосочетания, являющегося структурно двусоставным знаком, представляет собой приём (явление) расчленённой номинации. В этом случае сущность и её признак передаются самостоятельными репрезентантами, совокупно выражая определённое понятие.

Расчленённая номинация является, прежде всего, результатом атомарного, раздельного восприятия данности и её признаков субъектом, поскольку именно

восприятие есть когнитивная активность, порождающая все остальные виды когнитивной деятельности человека, отправная точка процесса познания объектов действительности, закономерным итогом которого является их именование в языке (Найссер 1981: 30-31).

Все данности, существующие в мире, отражаемые в человеческом сознании и именуемые средствами естественного языка, подразделяются на две предельно общие категории – объекты и признаки. Эти категории, однако, являются не абсолютными, а относительными (в данном случае термин «категория» используется в философском представлении мира), поскольку сущность, являющаяся признаком, может выступать в другом отношении как имеющая признаки, т. е. как объект (Никитин 1996: 32). Поэтому действие как динамический признак объекта или состояние как его статический признак также могут иметь собственные признаки.

Систематизация языковых фактов позволяет выделить две базовые модели расчленённой номинации сущностей (объектов, действий, состояний) и их признаков: атрибутивно-именную (**Adj – N**) и глагольно-наречную (**V – Adv**).

В модели **Adj – N** эксплицируется признак объекта, воспринятый субъектом как самостоятельная данность:

(1) “*We've got a **dead body**.*” (Brown (a)): URL)

Модель **V – Adv** является наиболее частотной моделью экспликации признака действия, поскольку глагол является основным, синтаксически специализированным в этой функции средством выражения действия в языке:

(2) *He was watching her carefully now, his dark eyes wary* (Sheldon: URL).

В отдельных случаях в глагольно-наречной модели расчленённо именуются состояние и его признак, т. к. глаголы могут выражать также состояния, испытываемые человеком, либо свойства предметов. Например:

(3) *As the chief engineer and Dr. Uxbridge took their leave, Albert Wells was sleeping gently* (Hailey: URL).

В английском языке можно также выделить две базовых модели расчленённого именования признаковых сущностей: глагольно-адъективную (V - **Adj**) и глагольно-именную (V - **N**). Первая из них представляет собой модель расчленённой номинации состояния (статического признака объекта). Структуры, образованные по данной модели, могут передавать как идею нахождения субъекта в каком-либо состоянии (с глаголом-связкой *be*), так и идею изменения и сохранения состояния (с полусвязочными глаголами с семантикой изменения и сохранения состояния соответственно):

(4) *But Jeff admitted to himself that he was envious of them - their backgrounds, their educations, and their easy manners* (Sheldon: URL).

(5) *"I also heard that since he's been getting ready to retire, his attitude has really changed."* (Clark, 115)

(6) *Although Langdon knew the elevator would expedite the long, two-story climb to the Denon Wing, he remained motionless* (Brown (b): URL).

Глагольно-именная модель актуализируется преимущественно при именовании действия (в отдельных случаях – состояния).

В роли именного компонента сочетаний, образованных по модели **V - N**, выступают, как правило, именные лексемы, образованные по конверсии от глаголов:

(7) ... but when she saw Kitty's anxious and appealing look she **gave a smile** (Maugham, 149).

В примере (7) одно понятие – действия

улыбки – получает расчленённое именование в виде структуры *gave a smile*. Важной особенностью глагольно-именной модели является формально-содержательная асимметрия компонентов: формальным ядром структур, образованных по данной модели, является глагол, показывающий при помощи выражаемых им морфологических категорий динамику действия во времени и способ его протекания. Семантически более значимым выступает именной компонент, называющий характер действия.

Модель **V - N** вариативна. Глаголы, функционирующие в данной модели, могут быть сгруппированы в несколько семантических полей. Вариативность глагольного наполнения модели ограничивается следующими семантическими полями: глаголы с общим значением выполнения (совершения) действия, обладания, приобретения и передачи. Будучи формально главным компонентом словосочетания, глагол не подвергается полной десемантизации, что характерно для первого компонента аналитических грамматических глагольных форм, а в большей или меньшей степени сохраняет собственную лексическую семантику, которая оказывает влияние на значение семантически базового именного компонента. Благодаря этому номинация посредством словосочетания, образованного по глагольно-именной модели, получает дополнительный оттенок значения по сравнению с однословной глагольной номинацией: уточняет характер именуемого действия в плане манеры его совершения или роли субъекта в совершении действия. Например:

(8) *If one of them made a move, she would call for help* (Sheldon: URL).

В примере (8) исходное собственное лексическое значение глагола *make* – «делать, создавать» – оказывает влияние на значение семантически доминантного слова, что позволяет передать идею интенционального, активного действия, направленного

на достижение результата (в отличие от однословного именования, обозначающего действие генерализованно, без акцента на характере его осуществления). Субъект действия в данном примере воспринимается как активный деятель. Сочетание *made a move* в предложении (8) также передаёт ещё одну характеристику, обозначая однократное действие. Косвенным подтверждением этого значения является форма единственного числа существительного и неопределённый артикль со значением “one”.

Глаголы *make* и *do* составляют ядро семантического поля глаголов с общим значением выполнения (совершения) действия. Они высоко рекуррентны в качестве глагольных компонентов аналитических номинаций, образованных по рассматриваемой модели. Эти глаголы принадлежат к разряду широкозначных и наряду с такими глаголами, как *have*, *give*, *take*, *get*, занимают центральное место в лексической подсистеме английского языка, поскольку они служат наименованиями базовых концептов в рамках концептуальной системы пространственно-временной сферы, через которую человек познаёт окружающий мир (Аналитизм германских языков... 2005: 99).

Периферию семантического поля глаголов с общим значением выполнения действия, функционирующих в модели V – N, составляют глаголы более узкой семантики, в частности *execute* (*execute a dive*), *heave* (*heave a sigh*), *emit* (*emit a scream*):

(9) *Langdon heaved a sigh and climbed out* (Brown (b): URL).

Согласно толковому словарю, *heave* означает ‘to produce (a sigh)’ (COED).

Данные глаголы характеризуются невысокой рекуррентностью в составе аналитических номинаций, образованных по рассматриваемой модели, и большинство из них, в отличие от широкозначных глаголов, которые характеризуют-

ся широкой сочетаемостью с именными лексемами, обладает весьма ограниченной сочетаемостью. Для глагола *heave*, в частности, она ограничивается лексемами (*sigh, groan*).

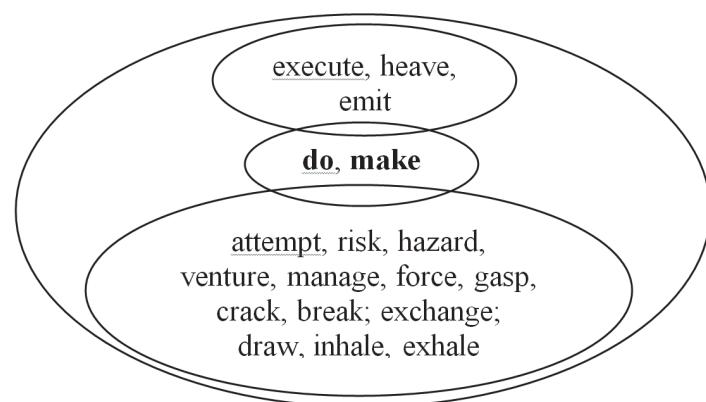
Отдельную группу на периферии данного семантического поля составляют глагольные лексемы, в семантике которых содержится признаковая характеристика действия. К ним относятся, например, *attempt* (*attempt a shrug*), *risk* (*risk a glance*), *hazard* (*hazard a walk*), *venture* (*venture a comment*), *manage* (*manage a look*), *force* (*force a chuckle*), *gasp* (*gasp a laugh*), *crack* (*crack a smile*), *break* (*break a sweat*):

(10) *She forced a smile* (Sheldon: URL).

Глагол *force* определяется в толковом словаре следующим образом: ‘to acquire, secure, or produce through effort, superior strength, etc’ (CED). То есть, в его семантике содержится как сема действия, так и признаковая сема. Следовательно, при помощи данного глагола значение «улыбнуться», выражаемое сочетанием *force a smile*, дополняется признаковой характеристикой действия («принуждённо», «натянуто», «с усилием»), которая содержится в самой семантической структуре этого глагола.

Семантическое поле глаголов с общим значением выполнения действия, функционирующих в модели V – N, может быть схематически представлено следующим образом:

Схема 1
Семантическое поле глаголов с общим значением выполнения действия

Аналогичным образом организуются в семантические поля остальные выделенные группы глаголов, функционирующих в глагольно-именной модели: в центре поля находятся широкозначные глаголы, характеризующиеся наиболее высокой рекуррентностью и широкой сочетаемостью в структурах, образованных по данной модели, тогда как на периферии располагаются глаголы, обладающие более узкой семантикой, в которой в значительном ряде случаев содержится признаковая характеристика обозначаемого действия.

В качестве модификации глагольно-именной модели выступает вариант, в котором ядерный элемент представлен глаголом с постпозитивным компонентом – $V_{phrasal}$ – N (в практической грамматике такие композиты трактуются как «фразовые глаголы»). Например:

(11) *Vittoria let out a gasp* (Brown (a): URL).

Let out, как и односоставные глагольные компоненты модели, формально обозначает действие, содержание которого обозначено существительным *sigh*, и уточняет характер его совершения. В словарной definicции зафиксировано следующее исходное лексическое значение глагола *let*: 'to permit; allow' (CED). Данное значение оказывает влияние на семантику всего сочетания, придавая ей дополнительный оттенок – произвольности совершающего действия.

Постпозитив *out* в составе фразового глагола *let out* указывает на направление называемого действия. Благодаря наличию и семантике постпозитива сочетаемость данного фразового глагола в составе структур расчленённой номинации, образованных по рассматриваемой модели, ограничивается именными лексемами, обозначающими звуки, издаваемые человеком (т. е. действия, которые «исходят изнутри» человека): *sigh, breath, gasp, moan, whistle, snort, snarl, grunt, cry, scream, yell* и т. п.

Как базовая модель расчленённой номинации действия, модель V – N в актуализации может подвергаться расширению. Возможность расширения глагольно-именной модели определяется такой системной характеристикой имени существительного, как способность иметь детерминатив. В качестве детерминативов при существительном в английском языке могут выступать артикли, местоимения (притяжательные, указательные, неопределённые, отрицательные), а также числительные (количественные и порядковые), прилагательные, причастия (I и II) и другие существительные (в общем или притяжательном падеже). В сочетаниях исчисляемого существительного с порядковым числительным и (в форме единственного числа) с прилагательным, причастием и другим существительным обязательно также употребление артикла. Это определяет границы расширения рассматриваемой модели.

На первой ступени расширения вводится, как правило, один дополнительный компонент. В зависимости от его характера можно выделить несколько типов расширения данной модели. К первому типу относятся варианты, в которых рассматриваемая модель не столько расширяется, сколько модифицируется за счёт ввода компонентов, замещающих артикль в позиции детерминатива в сочетаниях типа *make a call*. Сюда включаются варианты модели с различными типами местоимений, например:

(12) *I thought he looked at me quizzically, but didn't make any comment* (Clark, 60).

Помимо реализации функции грамматически обусловленного детерминатива, местоимение *any* акцентирует отсутствие называемого действия (в приведённом примере – комментария любого возможного содержания).

Другой тип расширения глагольно-именной модели – за счёт ввода компонента, выражающего количественный

признак именуемого действия. В первую очередь сюда относится вариант расширения при помощи имени числительного: **V – (Num –) N**. В этом случае структурой расчленённой номинации передаётся такой количественный признак обозначаемого действия, как количество единичных актов его совершения:

(13) *When Agent Neveu arrived, she took one look at the photos of Sauniere and the code and left the office without a word* (Brown (b): URL).

В примере (13) не просто передаётся идея однократности действия; на ней (на количестве актов совершения данного действия) делается особый акцент благодаря использованию имени числительного, называющего точное количество.

Количественная характеристика действия выражается также при помощи расширения модели **V – N** за счёт ввода следующих детерминативов: *a lot (of), lots (of), a good deal (of), much, a few, a little, several*. Например:

(14) *“Just long enough to do a little shopping and sightseeing.”* (Sheldon: www)

В этом случае обозначение количественного признака действия в структуре расчленённой номинации носит неточный, аппроксимативный характер, однако позволяет передать идею непродолжительного совершения называемого действия.

К третьему типу расширения модели **V – N** можно отнести варианты, в которых она расширяется за счёт ввода дополнительных именных компонентов, эксплицирующих преимущественно качественные признаки именуемого действия. Наиболее рекуррентным из вариантов этого типа является представленный в нижеследующем примере:

(15) *She gave a pleasant laugh* (Brown (b): URL).

Приведённое предложение может быть перифразировано следующим образом:

(15') *She laughed pleasantly.*

То есть, данное действие и его признаковая характеристика могут быть обозна-

чены посредством глагольно-наречной модели. Однако употребление расширенной модели **V – (Art – Adj –) N** позволяет, в отличие от данного способа номинации, не только передать сам факт совершения действия обладающего названным качественным признаком, но и подчеркнуть его однократный и интенциональный характер.

На второй ступени расширения модели в сочетание вводятся два или несколько дополнительных компонентов, принадлежащих к различным лексико-грамматическим классам. Например:

(16) *He gave me this sort of stupid, suspicious look* (Salinger, 158).

В данном случае имеет место расширение модели **V – N** за счёт ввода нескольких дополнительных компонентов, в результате чего модель приобретает вид **V – (Prn – Appr – Adj₁ – Adj₂ –) N**. Однородные адъективные компоненты в составе рассматриваемой структуры выражают не один, а, соответственно, два различных признака именуемого действия, чем достигается более подробное его описание. Благодаря наличию аппроксиматора первый из обозначаемых признаков получает неточное, приблизительное именование.

Таким образом, употребление расширенной модели **V – N** позволяет выдвинуть значимые с точки зрения продуцента речи показатели: уточнить именуемое действие в плане его признаковых характеристик с различной степенью детализации, в зависимости от ступени и типа расширения модели, а также семантического наполнения её компонентов. Вариативность расширяющих компонентов зависит от характера воспринимаемых признаков, степени детализации описания называемого действия и наличия эмоциональной окраски в номинации.

Расчленённая номинация в форме сочетаний, образованных по глагольно-именной модели, как и представленная другими обозначенными в данной статье моделями, одновременно есть проявление си-

стемного языкового аналитизма, поскольку она осуществляется путём использования глагольно-именных аналитических конструкций, в которых значение целого делится между несколькими составляющими. При этом происходит распределение формальной и семантической нагрузки между элементами сочетаний.

Приведённый анализ языковых фактов позволяет сделать следующие выводы:

Объекты/действия и их признаки, воспринимаемые атомарно, получают в языке расчленённое именование по моделям **Adj – N** и **V – Adv**, а вариативность структур расчленённого именования действия и состояния как самостоятельно воспринятых субъектом признаковых сущностей сводится в английском языке к двум моделям: **V – N** и **V – Adj**.

Глагольно-именная модель (**V – N**) является базовой моделью расчленённой номинации действия. Данная модель характеризуется формально-содержательной асимметрией конститутивных элементов, вариативностью глагольного компонента и способностью к расширению.

Выбор расчленённого именования действия по модели **V – N** обусловливается, помимо атомарного характера его восприятия как когнитивной основы такого способа номинации, следующими факторами: 1) pragматическими интенциями говорящего; 2) со стороны языковой системы – влиянием аналитизма как типологической тенденции, характерной для английского языка.

Библиографический список

1. Аналитизм германских языков в историко-типологическом, когнитивном и pragматическом аспектах : монография. – Новосибирск : Ин-т языкоznания РАН; Новосибирский гос. ун-т, 2005. – 245 с.
2. Найссер, У. Познание и реальность : пер. с англ. / У. Найссер; вступ. ст. и общ. ред. Б. М. Величковского. – М. : Прогресс, 1981. – 230 с.
3. Никитин, М. В. Курс лингвистической семантики : учеб. пособие для студентов, аспирантов и преподавателей лингвистических дисциплин в школах, лицеях, колледжах и вузах / М. В. Никитин. – СПб. : Научный центр проблем диалога, 1996. – 760 с.
4. [COED] Concise Oxford English Dictionary [Электронный ресурс]. – 11th edition. – 2004. – URL: http://traduko.lib.ru/en_en_coed.html
5. [CED] Collins English Dictionary (к версии электронного словаря Lingvo 12) [Электронный ресурс]. – 8th edition. – 2006. – URL: <http://e-prodigy.ru/programs/slovar/983-abbyy-lingvo-12-evropejjskaja-versija.html>

Список источников иллюстративного материала

1. Brown, D. (a). Angels and Demons / D. Brown [Электронный ресурс]. – URL: http://hotmix.narod.ru/books_eng3/angels.html
2. Brown, D. (b). The Da Vinci Code / D. Brown [Электронный ресурс]. – URL: http://hotmix.narod.ru/books_eng3/davinci.html
3. Clark, M. H. No Place Like Home / M. H. Clark. – London : Pocket Books, 2006. – 368 p.
4. Hailey, A. Hotel / A. Hailey [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ebooksdownloadfree.com/Fiction/Arthur-Hailey-Hotel-BI10350.html>
5. Maugham, W. S. The Painted Veil / W. S. Maugham. – 2-е изд. – М. : Менеджер, 1999. – 272 с.
6. Salinger, J. D. The Catcher in the Rye / J. D. Salinger. – СПб. : Антология, 2004. – 256 с.
7. Sheldon, S. If Tomorrow Comes / S. Sheldon [Электронный ресурс]. – URL: http://hotmix.narod.ru/books_eng3/sheldon01.html

О.А. Кобрина
Санкт-Петербург

СПЕЦИФИКА КОММУНИКАТИВНОЙ КАТЕГОРИИ МОДУСА

Ключевые слова: модальная рамка, коммуникативная категория, принцип релятивности, актуализация модуса.

Key words: modal frame, communicative category, relativity principle, modus actualization.

Категория, как известно – это широкое понятие, в котором отражаются наиболее существенные свойства, признаки, связи, отношения предметов и явлений объективного мира. Относительно лингвистической науки следует говорить о языковых категориях в ещё более развернутом смысле, так как язык содержит множество дифференцированных уровней и индивидуальных значений, отражающих всё существующее в окружающем мире и требующее полного осмысливания этого мира. Поэтому под языковой категорией следует понимать любую группу языковых элементов, выделенных на основе какого-либо общего свойства, на котором базируется разбиение обширной совокупности разнородных языковых единиц на ограниченное число непересекающихся классов, которые включают только единицы с присутствием одного и того же признака, часть единственного.

Функциональное сходство языков как способов общения и формирования мыслей предопределяет определённое сходство в их устройстве и позволяет заключить, что существует некий универсальный набор языковых средств и категорий, характерный для любого языка. Но, вместе с тем, в зависимости от его строя, типа и индивидуальных особенностей, этот набор может выражаться и реализовываться по-разному, специфично для каждого отдельного языка.

Большинство языковых категорий не являются закрытыми (замкнутыми). Для любого языка в целом свойственно пополнение не только новыми категориями, но и масштабом охватываемых сущностей в рамках уже существующих категорий, отражая не только бесконечность разви-

тия языка как материальной сущности, но и непрерывное углубление познания его возможностей человеком. Среди них есть категории разных уровней и значимости, необходимые для обеспечения и упорядочивания внутреннего системного устройства языка (морфологические, синтаксические, фонологические); существуют также особые категории, связанные с процессом использования языка, так называемые *коммуникативные категории*, которые, даже будучи широко употребительными, не получают закреплённой формы выражения в силу того, что отражают более размытые, часто субъективные или релятивные сущности, например, оценочные, такие как отношение к содержанию высказываемого – *модальное значение, значение аппроксимации (приблизительности, неточности), эмотивное значение, значение сомнения или отрицания, эвиденциальное значение, персуазивное значение* и т. д. Многие из этих категорий являются результатом создания особой коммуникативно-обусловленной и продуманной тактики, таких как «политическая корректность», «этикетность», «ориентированность на возраст и социальное положение», а также «приукрашивание», «упрощение» и др. Целенаправленный выбор всех этих тактик рассматривается как прагматический подход. Такие категории обычно относятся к категориям сентенционального уровня по признаку их сферы проявления и отражающим результат продуманного отношения человека к высказыванию. Они поэтому и называются *модусными*.

Понятие модуса известно в науке и применяется в разных отраслях знаний с давних времён. Модус представлен в лингви-

стике как авторство – функциональное представление для выражения той стороны смысла, которая определяется именно авторством, т. е. как авторство функционально представлено в языке, какими характеристиками или свойствами оно обладает, как используется в коммуникативных целях и какие категориальные характеристики и аспекты оно способно выражать.

Термин «*модус*» Ш. Балли в своё время выделил в области речевой деятельности в качестве эталонной единицы высказывания, т. е. ту его часть, которая выражает смысл – он назвал *диктумом*, а часть, выражающую процесс психической рефлексии над этим представлением, он назвал *модусом*. Ш. Балли не дал чёткого определения самого понятия, и в этом он был прав, так как способов выражения модуса чрезвычайно много и анализ его требует предварительного и детального обследования самих типов высказывания. Автор лишь отметил, что модус присутствует в любом высказывании наравне с диктумом и является «душой» предложения, т. е. отражением авторства (Балли 1955: 46).

Именно непременность наложения модуса на любое высказывание делала это объект трудно определимым в рационально-системном плане, так как здесь возможна неохватная вариабельность и специфика.

Эти же соображения прослеживаются в высказываниях многих лингвистов. В частности, Г.А. Золотова считает, что модус выполняет определённую роль в формировании композиционного значения, хотя и является «вторичным компонентом» (Золотова и др. 1998), который обладает, что для нас очень важно и актуально, признаками *комментативности*, *эвиденциальности*, *эмтивности*, иногда *оценочности*, *персузивности*, *модальности* и других коммуникативно-важных значений. В лингвистическом энциклопедическом словаре (под редакцией В.Н. Ярцевой) модус (в словаре называется «мо-

дальностью») определяется как «функционально-стилистическая категория, выражающая разные виды субъективной квалификации сообщаемого» и потому является языковой универсалией. Модальность обозначает широкий круг явлений, неоднородных по смысловому объёму, грамматическим свойствам, по степени оформленности на разных уровнях языковой структуры (Ярцева 1990: 303-304).

Г.А. Вейхман также соглашается с трактовкой модуса у Ш. Балли. Так, модус, по его мнению, – это «часть высказывания, дополняющая диктум и выражающая модальность, соотнесённую с операцией, производимой мыслящим субъектом». Автор называет модус «обрамлением, передающим субъективное отношение говорящего к диктуму» (Вейхман 2005: 54-55). Г.А. Вейхман очень подробно описывает разные способы и механизмы выражения модусов в предложении и включает отнесённость модуса в более широкий контекст. Рассматриваются морфологические и синтаксические преобразования, часто с нарушением системных норм отнесённости, лексические средства и фонологические выразители модусных значений, отражённые в пунктуации и позиции.

Н.Н. Болдырев отмечает, что модусные категории «объединяют определённые языковые средства на основе общности их концептуально-интерпретирующей функции» (Болдырев 2005(б): 32). Также автор совершенно справедливо говорит о том, что модусные категории являются «формами отражения онтологии человеческого сознания» (Болдырев: там же). Все категории модусного плана имеют концептуально-языковую и логико-языковую природу, и это является очень важным в коммуникативном процессе, отражаясь в нём, что, в свою очередь, доказывает непосредственную связь мыслительных и речевых операций, проделываемых говорящим.

В.Л. Свидерская аналогично понимает под модусом некий «коммуникативный

канал передачи информации» (Свидерская 2004: 551). Автор отмечает, что модус связан со структурой, где показано отношение говорящего к происходящему. Поскольку категории модуса рассматриваются как маркеры отношений между людьми, автор считает, что в качестве модусов могут выступать, например, коммуникативные типы предложения – повествовательное, восклицательное, вопросительное и др. Получается, что модус можно рассматривать и в прагматическом аспекте (Свидерская 2004: 552), при характеризации оснований для выбора той или иной структуры.

Некоторые лингвисты – Л.М. Ковалёва, В.Г. Гак – считают, что в речевой деятельности формируется обязательная расчленённость на модальную рамку (модусную) и коммуникативную сторону (т. е. сам факт говорения), которые включены в предложение-высказывание (Гак 1983: 14, Ковалёва 2009: 35). Например, предложение *The old woman was deaf* входит в модусную рамку полагания – *They thought the old woman was deaf* или в коммуникативную рамку непосредственного авторства *My relatives used to say they thought the old woman was deaf*. Из приведённых примеров становится понятно, что модусная рамка может быть уже, чем коммуникативная часть, поскольку модусная часть представлена только словами *They thought*, но они дают нам сведения об источнике исходящей информации – кто/что сказал или подумал. Коммуникативная рамка, таким образом, это не добавка к основной информации, а целая коммуникативная ситуация или фон, в который может входить модусная рамка и основная информация, и, тем самым, предложение становится более развёрнутым и информативным, двуплановым по характеру информативности. Поэтому не случайно Т.В. Романова отмечает, что модус является прагматико-семантической категорией и субъективным началом в значении предложения (Романова 2006: 30). Несомненно, модус

обладает тем самым и когнитивным значением, а также выполняет определённые информативные функции в речи. Хотя в некоторых случаях при использовании слов непредметного значения (частиц, междометий) информативность их (вне контекста) падает. Так, В.Г. Гак относит некоторые высказывания типа *Подумаешь!*; *А ты говоришь!*; *Что с него взять!*; *Ну надо же!* к языковым средствам выражения только модусности. Правда, сам автор считает такие случаи периферийными, но, в любом случае, это очень существенно в плане их рассмотрения, потому что раньше на такие предложения лингвисты не обращали особого внимания, и они оставались вне зоны рассмотрения (Романова 2006: 31).

С развитием в лингвистике когнитивных тенденций стали учитываться не всегда чёткие характеристики и широко развёрнутые категориальные сущности, а также и типы структур, не всегда чёткие и определённые, отражающие не законы логики, а законы здравого смысла или лишь его оттенки, нюансы, такие как эмотивность, культурологические или этнические характеристики и др., т. е. все те средства прагматической и тактической ориентированности, которые прежде не считались элементами языковой системы. Большинство из них не означают конкретных сущностей, т. е. отражают концепты условного, абстрактного, психологического, фантазийного или релятивного плана, стимулируя осмысление и домысливание фактов реальности. Это сказалось в появлении и расширении специальных классов слов – междометий, частиц, слов со значением приблизительности (аппроксимации), модальности, с расширением значений оценочных прилагательных и других выражителей модусности.

Таким устойчивым категориальным классом слов являются, например, слова со значением приблизительности – *rather, partly, slightly, somewhat, a little, more or less* и др.

The incident somewhat influenced his actions in his later life.

This almost killed him.

Приблизительность также выражает *градуальность, неточное или неполное проявление*, как в положительном, так и в отрицательном смысле, т. е. это гибкая, многозначная, коммуникативная категория, окончательный смысл которой определяется в контексте.

Категория частиц также является устойчивым и многочисленным классом слов, не имеющим собственно конкретного номинативного значения, но обладающим особым функциональным значением – акцентирующими, выделяющими, конкретизирующими, уточняющими или ограничивающими значимость того слова, к которому частица примыкает, т. е. служат дополнительным средством выделения (кроме порядка слов и интонации) коммуникативного центра высказывания с точки зрения самого автора высказывания.

В современной лингвистике принята даже дифференциация частиц на функциональные подклассы, хотя некоторые из них имеют настолько широкое значение, что могут быть отнесены к двум подклассам. Выделяются **ограничительные** частицы, выражающие предел, ограниченность – *only, just, merely, alone; уточняющие* частицы – *exactly, precisely, just, right, slightly; усилительные* частицы – *even, yet, still, just, simply, quite; присоединительные* частицы – *too, also* (Маковеева 2001, Кобрина, Болдырев, Худяков 2007: 165-168).

I quite enjoyed the party.

It slightly influenced the situation.

Многие лингвисты считают обе категории – приблизительность и частицы – вспомогательными словами (auxiliaries), как выполняющие дополнительную выделительную функцию.

По-видимому, самыми яркими и частотным представителями модуса являются так называемые *модусные глаголы речи* (*to say, to tell, to mention, to announce, to rumor, to inform, to imply, etc.*) глаголы чувственного восприятия (*to feel, to smell, to see, etc.*), гла-

голы мысли (*to think, to consider, to suppose, to conclude, to presume, to reflect, to ponder, to believe, to assume, to conclude, to infer, to understand, etc.*), оценочные глаголы (*to like, to hate, etc.*), эмотивные глаголы, отражающие мотивацию высказываний (*to hope, to wish, etc.*), глаголы *кажимости* (*to seem, to appear, to occur, etc.*), волитивные глаголы (*to want, to desire, etc.*) и др., например: (5) *He felt that she no longer loved him.* (6) *She thinks that he is a liar.* (7) *They say that it was true.* (8) *I see you are here.* (9) *I expect you to be punctual.* (10) *I convince you to be just lenient.* (11) *I dreamt that I was in London.* (12) *I fear that you are lying to me.* (13) *I don't imagine you to be alone.* (14) *I hope you are fine.* (15) *It occurred to me that he might be upset.* (16) *It seems to be true.*

Среди глаголов, непосредственно отражающих ментальные процессы и осмысление этапов познания речетворчества как «итог» знания есть такие, которые обозначают все этапы этого процесса. Они называются **концептуально-дивергентными** (Березина 2001). Дивергентность – это расхождение исходных значений признаков и свойств, отклонение от первоначальных свойств. К ним относятся глаголы *чувственного восприятия* и *толкования восприятия*, способные к дивергентности. Модусные глаголы дифференцируются по степени и способу проявления их значимости и реализации, при этом используется различная терминология:

- 1. перцептивные** (или сенсорные, эпистемические) глаголы, означающие способы или процессы восприятия, например: *see, hear, feel, sense, taste, touch, etc.*;
- 2. ментальные** (или когнитивные, эпистемические) глаголы, например: *think, know, consider, understand, believe, etc.*;
- 3. эмотивные** глаголы, например: *enjoy, delight in, rejoice in, include, relish, appreciate, etc.*;
- 4. волизъявительные** (волитивные) глаголы, например: *want, tell, exert from, etc.* (Березина 2002: 4-8).

Вместо модусных глаголов могут использоваться и их производные – существительные (или герундии) – слова с той же семой модусного восприятия в их значении типа *mentioning, rumor, information, feeling, thought, conclusion, reflection, belief, assumption, idea, hope, wish, desire, etc.*, например: (17) *My fear is that he is sick.* (18) *The thought of being useless was unbearable.* (19) *My dream is that you be happy.* (20) *His expectations were false from the very beginning.* (21) *Their hope was to see you at the meeting.*

Типично также использование и модусных прилагательных типа *certain, sure, (un)likely*. Хотя их и не слишком много, по сравнению с модусными глаголами и существительными, но они тоже играют важную роль при выражении модусных отношений, например: (22) *He is sure to come.* (23) *It is certain that the president will be late.* (24) *He is certain to sign the contract.* (25) *She is likely to take part in this competition.* (26) *It is unlikely that he arrives today because of the weather forecast.*

Подводя итог даже краткому обзору некоторых модусных средств выражения, становится очевидным, что модус – это очень многогранное явление полифункционального характера, а также и полиаспектная сущность, обладающая многими важными характеристиками категориального уровня.

I. Модус имеет типовую онтологическую основу, поскольку каждое предложение – высказывание кем-то создано и сказано, кем-то воспринято и осмыслено, т. е. основа категорий модуса является универсальной, независимо от разновидности формы выражения или даже импликации, которые всегда зависят от ситуации в речи и, особенно, от контекста и, в конечном счёте, отражают ментальность автора.

II. Модусные категории принадлежат к категориям коммуникативного уровня, так как они в самом общем плане отражают концепты, упорядочивающие знания человека об общении и нормах его существова-

ния и осуществления, т. е. pragmatically oriented на процесс и специфику общения и особенности его участников. Некоторые из этих категорий отражают общие представления человека об общении, другие – только о выборе языковых средств и приёмов, третьи отражают психологическое состояние говорящего. В целом, все коммуникативные категории характеризуют и реализуют непосредственно механизмы и приёмы речевой деятельности. Они являются коммуникативными, так как они служат процессу общения и понимания. Без них коммуникация была бы невозможной и, тем более, не была бы успешной. Коммуникативная категория в общей иерархии других категорий выявляется на более высоком уровне, чем морфологические и синтаксические категории и существует как форма выражения субъективности человека.

III. Модус следует отнести к категориям понятийным (категориям ментального плана), которые «выражают отношение одного понятия к другому» (Кацнельсон 2001: 564). Модус не существует отдельно от ментальности и возможен только благодаря способности человека думать, а точнее, продумывать или планировать своё высказывание, воспринимать и реагировать на происходящие вокруг него события.

IV. Модусные категории являются категориями таксономического характера (Степанов 1981, Болдырев 1994). Вообще под термином «таксономия» (от греческого *taxi* – построение, порядок, расположение и *nomos* – закон) понимается некая «совокупность принципов и правил классификации лингвистических объектов (языков и языковых единиц), а также сама эта классификация» (ЛЭС 1990: 504). Поэтому если мы говорим, что модус является таксономической категорией, мы имеем в виду, что эта категория обладает некоторым набором «рангов», которые, в свою очередь, иерархически организованы для выра-

жения различных модусных значений на разных уровнях языковой системы.

V. Все модусные категории, по мнению Н.Н. Болдырева, *релятивны*, т. е. зависят от других концептуальных структур. Это положение оправдано логическим строением языка и мышления. Автор объясняет это тем, что «не существует отрицания, плохой или хорошей оценки, эвиденциальности, определённости или неопределенности и т. д. безотносительно к чему-либо, т. е. самих по себе. Они приобретают конкретную значимость только на фоне или в контексте того или иного концептуального содержания, и в этом проявляется их модусный, рамочный характер» (Болдырёв 2005(a): 42).

Действительно, все категории модусного плана начинают «жить» при определённых условиях, в определённом контексте, окружении, а также при непосредственном участии мыслящего субъекта.

VI. Модусные категории могут быть отнесены к категориям *открытого типа*, потому что они обладают способностью постоянно пополняться, иногда видоизменяться, передавать *разные значения*, т. е. быть многозначными, а также выражаться *разными способами на всех уровнях языка* (просодическими, лексическими, грамматическими, синтаксическими).

Библиографический список

1. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М., 1955. – 416 с.
2. Березина О. А. Концептуально-дивергентные глаголы в современном английском языке : автореф. дис... канд. филол. наук / О. А. Березина. – СПб., 2001. – 20 с.
3. Березина, О.А. Квопросу обуровнях формирования глагольной семантики / О. А. Березина // Проблемы когнитивной семантики. – Studia Linguistica. – № XI. – СПб., 2002. – С. 4–8.
4. Болдырев, Н. Н. Категориальное значение глагола. Системный и функциональный аспекты : монография / Н. Н. Болдырев. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А.Г. Герцена, 1994. – 171 с.
5. Болдырев, Н. Н. Модусные категории в языке / Н. Н. Болдырев // Когнитивная лингвистика : ментальные основы и языковая реализация. Часть 1. Лексикология и грамматика с когнитивной точки зрения / Сборник статей к юбилею профессора Н.А. Кобриной. – СПб., 2005(а). – С. 31–46.
6. Болдырев, Н. Н. Категории как форма презентаций знаний в языке / Н. Н. Болдырев // Концептуальное пространство языка / Сборник научных трудов к юбилею профессора Н. Н. Болдырева. – Тамбов, 2005(б). – С. 16–39.
7. Вейхман, В. А. Грамматика текста / В. А. Вейхман. – Учебное пособие по английскому языку. – М. : Высшая школа, 2005. – 638 с.
8. Гак, В. Г. Сравнительная типология русского и французского языков / В. Г. Гак. – М. : Просвещение, 1983. – 280 с.
9. Золотова, Т. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Т. А. Золотова. – М. : Изд-во МГУ имени М.В. Ломоносова, 1998. – 244 с.
10. Кацнельсон, С. Д. Категории языка и мышление (из научного наследия) / С. Д. Кацнельсон. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 864 с.
11. Кобрин, Н. А. Теоретическая грамматика современного английского языка / Н. А. Кобрин, Н. Н. Болдырев, А. А. Худяков. – М. : Высшая школа, 2007. – 368 с.
12. Ковалёва, Л. М. Английская грамматика : предложение и слово / Л. М. Ковалёва. – Иркутск, 2008. – 394 с.
13. Маковеева, С. Е. Частицы в современном английском языке (генезис и функциональный аспект) : автореф. дис ... канд. филол. наук / С. Е. Маковеева. – Архангельск, 2001. – 18 с.
14. Романова, Т. В. Категория модальности в свете когнитивной лингвистики / Т. В. Романова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 1. – С. 29–35.
15. Свидерская, В. Л. Модальность и модус в нарративном дискурсе / В. Л. Свидерская // Языки и транснациональные проблемы. Материалы I международной научной конференции 22–24 апреля 2004 года. – Том 1. – Москва-Тамбов, 2004. – С. 551–554.
16. Степанов, Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. Семиологическая грамматика / Ю. С. Степанов. – АН СССР. Ин-т языкоznания. – М. : Наука, 1981. – 361 с.
17. [ЛЭС] Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 780 с.

О.А. Козлова
Барнаул

СОЦИО-КУЛЬТУРНЫЕ КОНВЕНЦИИ КАК ОДНО ИЗ ОСНОВАНИЙ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ

Ключевые слова: аксиологическая оценка, социальная конвенция, культура.

Key words: axiological evaluation, social convention, culture.

Аксиологическая оценка выражает эмоциональное отношение к объекту оценки, определяет ценность того или иного объекта или явления окружающей действительности с точки зрения его полезности, значимости для субъекта оценивания. Изначально она выявляется, как известно, в противопоставлении абсолютных оценочных предикатов «хорошо» / «плохо».

Понятие оценки и ее базовая структура были заимствованы в лингвистический аппарат из логики, в рамках которой к моменту обращения к этой категории лингвистов уже существовала четко разработанная структура оценочного действия, включающая, как известно, четыре компонента (субъект оценочного действия, объект, на который направлена его познавательная интенция, основание, или мотив определенного восприятия объекта, зависящий от потребностей или необходимости в понимании субъекта оценки, и собственно оценка, или ее характер в рамках обозначенной дилеммы абсолютных оценочных предикатов) (Ивин 1970: 21-27). Такая структура обусловлена направленностью всего познавательного процесса: есть мир и человек в этом мире. Человек – это воспринимающий и оценивающий субъект, а мир вокруг него, как и его собственный внутренний мир, – это объект восприятия и оценки. Оценивающий субъект, то есть лицо или социум, приписывают ценность (значимость) какому-либо объекту путем выражения оценки. Объект в таком случае выступает не просто как воспринимаемый и описываемый (дескрипция), но как оцениваемый референт. При этом объектом оценки мо-

гут стать как целостная референтная ситуация, так и ее отдельные составляющие и их свойства. Характер оценки определяется настолько разноплановыми факторами, что их систематизация может вызвать определенные затруднения, поскольку в их число могут входить показатели локализации, времени, онтологических связей окружающей среды, социальные отношения, сиюминутная значимость и долгосрочные проекты. Причем, они могут проявляться как изолированно, так и в совокупности, составляя простое или сложное основание для выносимой оценки.

Расширяя толкование основания оценочного действия, отметим, что под основанием оценки принято понимать все то, с позиции чего происходит оценивание, то есть ту точку зрения или аргументы, которые склоняют оценивающего к одобрению, неодобрению, выражению безразличия по отношению к тем или иным объектам и явлениям окружающей действительности (Ивин 1970: 27), либо «свойство объекта, допускающее соответствующую квалификацию» (Вольф 1985: 67).

Кроме того, оценка может быть обусловлена некоторыми свойствами субъекта оценки, индивидуальными, личностными, ситуативными, окказиональными факторами. В то же время, аксиологическая оценка во многом зависит от культурно-исторического наследия человечества в целом и конкретного социума в частности. Так, в одном синхронном срезе миропонимание, ценностные ориентиры и, соответственно, оценки одного и того же события или объекта будут разными у народов севера и юга, в цивилизованном обществе и развивающейся стране. Хорошо известны

факты неоднозначного толкования жестов, понятий, поведенческих реакций у разных народностей. Так в европейских странах принято говорить, глядя собеседнику в глаза, а в Японии, например, такое поведение воспринимается как вызов и, соответственно, получает негативную оценку. Не случайно возникло разноязычное выражение одного принципа: «В чужой монастырь со своим уставом не ходят» и «When in Rome, do as the Romans do». Именно поэтому культурное основание оценки, под которым понимаются знания и устоявшиеся суждения, определяющие организацию жизни людей, исторические эпохи, специфические сферы жизнедеятельности, составляет особый значимый пласт в оценочном действии (Писанова 1997: 68). Будучи наследственной памятью коллектива, культура является своего рода системой организации и сохранения прошлого опыта, средством передачи смыслов, которые человек вкладывает в продукты своей деятельности и в саму деятельность.

Социо-культурные конвенции представляют собой определенные правила общего характера, обуславливающие формы и принципы взаимодействия в обществе. Они имеют обязательную силу, которая обеспечивается и подкрепляется общественным мнением или определенными санкциями в случае их несоблюдения. Ключевыми функциями социальных конвенций являются регулятивная функция (поскольку конвенции определяют поведение и отношения членов социума и активно воздействуют на них) и коммуникативно-познавательная функция (поскольку понятийные системы каждого индивида ориентированы на принятые в обществе культурные, эстетические, моральные и другие ценности, а также на социально значимую конвенциональную картину мира). Реализация указанных функций способствует созданию условий для успешной коммуникации членов того

или иного сообщества, а также обеспечению безопасного и прогнозируемого равновесного состояния социума.

В каждой конкретной культуре, в зависимости от условий развития и становления общества, создается определенная система ценностей. Понятно, что в разных культурах эти системы могут не совпадать, поскольку ценности являются этно- и культурно детерминированными «как в синхронной, так и в диахронной категоризации мира» (Лакофф 1990: 387-415). Во многом, как уже отмечалось, это объясняется различиями в условиях проживания и быта людей. В результате один и тот же объект или явление реальной действительности может в одном случае привлекать внимание, а в другом – оставаться незамеченным, либо может вызывать различные, порой противоположные чувства и оценки.

Несмотря на то, что культура имеет огромное значение для каждого социума и человечества в целом, нормы культуры, ее ценности не наследуются генетически. Они не принадлежат к «биологическому уровню бытия, не наследуются от животных и не конструируются сознательно и рационально, но стихийно рождаются в историческом процессе антропогенеза, во взаимодействии культуры и разума» (Каган 1997: 79).

Культурно-исторический аспект человеческого опыта существует в виде знаний о формах, организации жизни людей в различные периоды развития общества, знаний о материальных и духовных ценностях, нормах морали и права, способах и формах общения людей, жизни конкретных слоев общества, народностей, наций и так далее, то есть в виде культурных понятий.

Как процесс и результат изменения, вживания в окружающую среду культуры различных народов отличаются друг от друга в первую очередь не типом созерцательного освоения мира и даже не способом адаптационного вживания в окружаю-

щий мир, а типом его материально-духовного присвоения, то есть деятельностной, активной поведенческой реакцией на мир. При этом в процессе общественного развития социальные конвенции улавливают и фиксируют изменения ценностных ориентаций, тем самым, делая адаптивный механизм более гибким и действенным.

Ценностное отношение человека к действительности и к самому себе формировалось в «историческом процессе анропо-социо-культурогенеза и всякий раз вновь формируется в ходе культурыации и социализации индивида» (Каган 1997: 64).

Поскольку в процессе восприятия и познания окружающего мира реальные объекты сопоставляются не только между собой, но и в ракурсе имеющегося опыта и представлений человека, то происходит приписывание объекту каких-либо признаков в зависимости от общей ориентации воспринимающего. В результате этого формируется оценка.

Отношение человека к миру фактов и созданных им артефактов определяется существующей на каждый данный момент и принятой обществом шкалой оценок. При этом релятор оценки находится в области ценностных представлений. В его функции входит установление связей между основаниями и прагматикой субъекта, между объективным значением денотата и субъективным ценностным представлением о нем (Коваленко 2006: 88-91).

Человек может быть склонен к объективному анализу явлений и событий на основе индивидуально-личностных критериев, но обычно он «придерживается вполне определённой системы ценностей, убеждён в её непреложности и твёрдо делит всё то, что так или иначе его затрагивает на хорошее и плохое, добро и зло, истину и ложь» и так далее (Ивин 1970: 5). Таким образом, деятельность субъекта в мире, в том числе и оценочная, основывается на установках и предписаниях, извлекаемых им из культуры. А сама культура

является не только способом присвоения, но и критерием отбора объекта для присвоения и его интерпретации.

Выделяют ряд компонентов культуры, которые несут национально-специфическую окраску:

- традиции (или устойчивые элементы культуры), а также обычаи (определенные как традиции в «соционормативной» сфере культуры) и обряды (выполняющие функцию неосознанного приобщения к господствующей в данной культуре системе нормативных требований);
- бытовую культуру, тесно связанную с традициями;
- повседневное поведение (привычки представителей конкретной культуры, принятые в конкретном социуме нормы общения), а также связанные с ним мимический и пантомимический коды, используемые носителями некоторой лингвокультурной общности;
- «национальные картины мира», отражающие специфику восприятия окружающего мира, национальные особенности мышления представителей той или иной культуры;
- художественную культуру, отражающую культурные традиции того или иного этноса (Тер-Минасова 2000: 28-29).

Так, практически в каждой культуре существует целый ряд традиций, касающихся встречи нового года, соблюдение которых сулит наступление «хорошего» года (удачного, благополучного, щедрого на исполнение желаемого и так далее). При этом соблюдение новогодних традиций сопряжено с исполнением целого ряда ритуалов, различных в разных культурах, что во многом обусловлено особенностями национальной картины мира и часто находит отражение в произведениях художественной культуры данного конкретного народа.

Существует множество классификаций, согласно которым культура делится на материальную и духовную, внутреннюю

и внешнюю, культуру личности и культуру нации, а также отраслевую (правовую, художественную, нравственную и др.) и культуру различных слоев общества (крестьянскую, аристократическую и др.). При этом каждый тип культуры вырабатывает свой символический язык и свой «образ мира», в котором получают значения элементы этого языка.

Закрепление ассоциативных признаков в понятии и представлении способствует возникновению коннотаций. Это культурно-национальный процесс, не подчиняющийся логике здравого смысла. Так, русский скажет «злой, как собака», испанец «послушный, как собака»; кот в русском языке – «гуляка», а в испанском – «вор».

В разных культурах и языках процессы и результат осмыслиения, концептуализации явлений и отношений окружающего мира могут не совпадать (Максименко 2002: 158). Когда слова разных языков включают в себя одинаковое количество понятийного материала, отражают один и тот же фрагмент действительности, реальное речеупотребление их может быть различным, так как оно определяется различным языковым мышлением и различным речевым функционированием (Тер-Минасова 2000: 54). Однако если бы значения всех слов были культурноспецифичны, то исследовать культурные различия было бы невозможно.

Специфические особенности национального языка, в которых зафиксирован

уникальный общественно-исторический опыт определенной национальной общности людей, создают для носителей этого языка не какую-то иную, неповторимую картину мира, отличную от объективно существующей, а лишь специфическую окраску этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа.

Таким образом, можно говорить о том, что во многом именно социальная среда, условия жизни, быта, общения, освоения мира онтологии, создание артефактной материальности складываются в группу факторов, определяющих характер мировидения и способов его представления. На этой основе формируются, развиваются и расширяются правила сосуществования в социуме. Они могут быть определены законодательно, могут существовать в виде мифов, преданий, в сжатом виде в форме пословиц и поговорок. Они могут выступать как предписания, моральные и нравственные нормы в коллективном сознании. Ориентируясь на них, человек выбирает способ и форму общения. В равной мере социальные договоренности служат точкой опоры в принятии решений относительно правомерности поступков, правильности поведения, вынесения оценочных суждений.

Библиографический список

1. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М. : Наука, 1985. – 228 с.
2. Ивин, А. А. Основания логики оценок / А. А. Ивин. – М. : Изд-во МГУ, 1970. – 230 с.
3. Каган, И. С. Философская теория ценностей / И. С. Каган. – СПб. : Петрополис, 1997. – 204 с.
4. Коваленко, Е. В. Языковые экспоненты оценочных смыслов / Е. В. Коваленко // Проблемы межкультурной коммуникации в теории языка и лингводидактике : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 5-летию ЛИИН. – Барнаул : Изд-во БГПУ, 2006. – Ч. 1. – С. 88–91.
5. Лакофф, Д., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем / Д. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. – М. : 1990. – С. 387–415.
6. Максименко, О. Г. Брачное объявление в Интернет : Лингвокультурный аспект / О. Г. Максименко // Язык. Культура. Коммуникация : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию факультета иностранных языков. – Барнаул : Изд-во БГПУ, 2002. – Ч. 1. – С. 154–162.
7. Писанова, Т. В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики (эстетические и этические оценки) / Т. В. Писанова. – М. : Изд-во Московского государственного лингвистического университета, 1997. – 320 с.
8. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово / Slovo, 2000. – 260 с.

МУЛЬТИМЕДИЙНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНОМУ ЧТЕНИЮ

Ключевые слова: значение, познание.

Key words: meaning, cognition.

Новый качественный уровень обучения иностранным языкам в общеобразовательных учреждениях РФ характеризуется тем, что учащиеся овладевают не только новыми способами и средствами общения и выражения мысли, но и делают это в теснейшем приобщении к иной культуре в самом широком её представлении, что способствует видению окружающего их мира в его многообразии, позволяет им развить своё общечеловеческое сознание, глубже осознать себя как представителя другой социокультурной общности, отличающейся от общности их иноязычных сверстников. Осуществлять процесс входления в новую языковую реальность призван преподаватель нового типа – владеющий разнообразными современными методами организации обучения иностранному языку. Подготовка такого преподавателя должна проводиться последовательно, начиная с его первых студенческих шагов в вузе. В связи с этим, обучение будущих преподавателей иностранного языка должно быть неразрывно связано с расширением и накоплением их собственного методического опыта, наглядным использованием наиболее современных и эффективных приёмов и методов обучения, стимулирующих как мотивацию изучения языка, так и мотивацию получения педагогических и методических знаний, необходимых для их профессионального становления. В свою очередь, овладение иностранным языком как средством межкультурного общения и познания выдвигает целый ряд новых требований к уровню общекультурного, интеллектуального, речевого развития будущего преподавателя. Таким образом, на первый план выходит интегрированный подход к подготов-

ке лингвиста-преподавателя иностранного языка, обеспечивающий формирование интегративного характера коммуникативной компетенции, что предполагает в процессе обучения представленность в любом из аспектов содержания обучения иностранным языкам всех её компонентов: лингвистического, социолингвистического, социокультурного, стратегического, дискурсивного, компенсаторного и социального.

Успешное формирование всех составляющих коммуникативной компетенции лежит в плоскости правильного соотношения развития умений таких ведущих видов речевой деятельности как устная речь и чтение. В этой связи само понятие «домашнее чтение» в контексте новых подходов и изменений в стратегиях подготовки преподавателя иностранного языка и языкового образования в целом требует нового осмысливания, а его реализация как содержательного компонента обучения нуждается в разработке ряда методических положений, связанных с его проведением и организацией.

В условиях изучения ИЯ вне языковой среды правильно организованное домашнее чтение может произвести большой психологический эффект – дать ощущение прогресса и успеха в овладении иностранным языком. Обращаясь к особенностям организации домашнего чтения как отдельного аспекта изучения иностранного языка, следует отметить, что использование мультимедийного ресурса для обучения иноязычному чтению представляется конструктивным, так как позволяет объединить возможности мультимедиа с идеями проблемного, интерактивного обучения. Обучение чтению художе-

ственного произведения в сопровождении мультимедийного ресурса осуществляется в три основных стадии: мотивационная стадия, стадии осмыслиения и рефлексии.

Мотивационная стадия – вызвать интерес, побудить студента к изучению произведения. Решение данной задачи видится в том, чтобы изучению художественного произведения предшествовал этап ознакомления с биографией автора, историей создания произведения, тем влиянием, которое данное произведение оказало на развитие общества и культуры. Применение в учебном процессе на этапе знакомства с художественным произведением, автором, обстоятельствами создания произведения мультимедийной учебной презентации позволяет увеличить степень мотивации студентов. Включённые в презентацию упражнения на проверку понимания, расширение словарного запаса, расширение культурологических знаний позволяют рационально и эффективно использовать урочное время, кроме того, разнообразить методический и педагогический опыт будущих преподавателей. Таким образом, не приступая к непосредственному чтению, студенты знакомятся с художественным произведением, что позволяет снять ряд трудностей, заполнить лакуны когнитивной базы студентов, мотивировать их на прочтение данного произведения, создать эмоциональный фон восприятия произведения.

Стадия осмыслиения – работа с текстом произведения, смыслами, изучение непосредственно самого художественного произведения. Данный этап должен сопровождаться уроками повторениями, позволяющими акцентировать внимание студентов на проблемах произведения, активизировать словарь книги и представить студентам возможность сформировать своё отношение к развитию событий. Аудиторная работа над литературным произведением может быть организована с использованием различных

приёмов и стратегий обучения чтению, среди которых анализ названия книги, подзаголовков, заглавий глав, наличия особых маркеров (курсив, жирный шрифт и т. д.). Предлагаемая стратегия позволяет развивать умение антиципации, помогает студентам формировать представление о произведении и в процессе чтения либо подтверждать, либо опровергать свои предположения, вступая в диалог с автором уже на начальном этапе прочтения книги. Эффективным приёмом развития и поддержания мотивированного иноязычного чтения является приём, когда студентам в конце урока предлагается прочесть первый абзац следующей главы и высказать своё предположение о том, как будут развиваться события, какие проблемы могут возникнуть у героев произведения и как они постараются их разрешить. Использование мультимедийного ресурса позволяет интенсифицировать работу со смыслами книги, накопление и расширение словарного запаса, обмен мнениями, выработку отношения к проблемам произведения, так как всё это может быть организовано и контролируемо компьютером. При этом освобождается время на речевую практику, непосредственное общение в разнообразных режимах.

Для организации самостоятельной работы вне аудитории необходимо ознакомить студентов с определенными стратегиями для самостоятельной эффективной работы над произведением. Например, студентам можно предложить следующий алгоритм работы над главой: 1) прочтите всю главу, вернитесь к тем абзацам, которые вызывают у вас больший интерес; 2) отметьте те отрывки, которые могут быть прочитаны без обращения к словарю и те, которые требуют детального перевода; 3) делайте пометки, рассуждайте, отмечайте информацию, которая вас заинтересовала и которая показалась вам скучной; 4) обращайте особое внимание на страноведческую информацию, она может по-

мочь понять смысл поступков героев, их характер; 5) постарайтесь после каждой главы ответить на вопрос, что автор хотел в ней показать; 6) постарайтесь обобщить прочитанную главу 2-3 предложениями; 7) запоминайте основную информацию так, как она изложена в тексте; 8) задумайтесь над тем, что лежит между строк, к каким выводам автор хотел вас подвести; 9) сравните полученную информацию с собственным опытом, сделайте выводы о том, какое влияние полученная информация оказала на вас.

Стадия рефлексии – размышление над полученной информацией, осмысление, предполагает обобщение проблем, их обсуждение, интерпретацию, аргументированное изложение собственной точки зрения на проблемы книги. Просмотр фильма, основанного на прочитанном произведении, написание сочинения, критической рецензии позволяет логически завершить работу над книгой, вызвать эмоциональный отклик на затронутые проблемы и развивать интеллектуальную, эмоциональную и мотивационную сферы личности студентов. Дополнительный эмоциональный посыл студенты получают, самостоятельно создавая мультимедийные презентации, выполняя творческие задания, отражающие их собственное отношение и понимание проблем произведения.

Разнообразие тем, видов деятельности, красочность, увлекательность компьютерных программ позволяет реализовать разные цели и задачи обучения, в том числе и обучения иноязычному чтению. Существующие сегодня программы позволяют выводить информацию в виде текста, звука и видеоизображения. Обучение с помощью компьютера дает возможность организовать самостоятельные действия каждого студента, группы.

Современные компьютерные технологии являются составной частью мультимедийных технологий (от англ. *multi* «много» и *media* «среда»). Эти технологии

рассматриваются нами как информационные технологии обучения, интегрирующие аудиовизуальную информацию любых форм (текст, графика, анимация и др.), реализующие интерактивный диалог пользователя с системой и разнообразие форм самостоятельной деятельности по обработке информации. Они представляют огромный диапазон возможностей для совершенствования учебного процесса и системы образования в целом.

На наш взгляд, обучение с помощью компьютеров дает наибольший эффект, когда студенты вовлекаются в активную когнитивную деятельность по осмыслению и закреплению учебного материала, применению знаний в ходе решения задач. Компьютерные обучающие программы в свою очередь предъявляют обучающемуся студенту задания тренирующих упражнений, оценивают их выполнение, оказывают оперативную помощь в виде подсказок, разъяснения типовых ошибок, предъявления соответствующего теоретического материала, что на наш взгляд доказывает рациональность использования новейших технологий в обучении иностранным языкам в высшем учебном заведении.

Таким образом, разрабатывая мультимедийный курс обучения, необходимо принимать во внимание, с одной стороны, дидактические свойства и функции телекоммуникаций, мультимедийных средств в качестве технологической основы обучения, а с другой – концептуальные направления дидактической организации такого обучения как элемента общей системы образования на современном уровне.

Среди основных критериев эффективности использования технических средств обучения на занятиях по иностранному языку можно выделить следующие: во-первых, они должны повышать производительность труда; во-вторых, осуществлять обратную связь и контроль всех действий студентов; в-третьих, повышать интерес к изучению языка.

Помимо этого, программы должны носить диалоговый характер для развития самостоятельности студентов. В целях последующей самореализации студентов как профессионалов, необходимо развитие их способностей и гармоничной индивидуальности личности будущего педагога.

С использованием мультимедийных средств обучения решается задача алгоритмизации и автоматизации процесса составления проблемных заданий средствами компьютера на основе формализации некоторых элементов этого процесса. Легко поддаются автоматизации упражнения по обучению иностранным языкам, связанные с заполнением пропуска, перестановкой, выбором, удалением лишнего элемента, упражнения, оболочки для которых широко представлены в программах и могут быть эффективно использованы в процессе организации обучения иноязычному чтению.

С появлением компьютера расширился инвентарь наглядности в обучении иностранным языкам. Таким образом, проблема определения наиболее эффективной с точки зрения обучения комбинации многорецепторных средств наглядности, которая имеется в арсенале мультимедиа, также становится решаемой.

Нам представляется рациональным использование мультимедийных средств для обучения такому виду речевой деятельности, как чтение, так как можно в значительной степени ограничиться сетевым курсом, поскольку особенность этого вида речевой деятельности не требует объемной графики и даже значительного по объему звукового сопровождения. При этом организация курса домашнего чтения с включением мультимедийных ресурсов должна отвечать определенным требованиям:

1. Принципиально новое дидактическое качество программно-методического обеспечения, которое возникает при максимальном использовании визуализации учебного материала средствами мультимедиа, организации интерак-

тивного взаимодействия с обучаемым за счет логических средств компьютерных программ и возможностей телекоммуникации.

2. Широкая многофункциональность, позволяющая использовать разработанные дидактические средства в разных формах получения образования (дневной, вечерней, заочной, экстернате) и при различных конфигурациях технических средств, как развитых, так и самых минимальных.

3. Высокая адаптивность обучаемых к разнообразию требований и преподавателей к содержанию обучения – опора на массив уже изданных и доступных для обучаемых разнообразных учебников и учебных пособий, созданных в различных вузах, обеспечение возможностей для преподавателей и обучаемых активно изменять элементы среды с учетом своих специфических требований.

4. Технологическая мобильность – возможность использования элементов среды в различных технологиях обучения, используемых в вузах.

Таким образом, мультимедийный ресурс, специально разработанный для сопровождения уроков по домашнему чтению, позволяет решить целый ряд дидактических задач: пополнять словарный запас студентов и формировать навыки и умения чтения; совершенствовать умения письменной речи; создавать устойчивую мотивацию для чтения на иностранном языке. Для студентов мультимедийные технологии являются способом, при помощи которого они расширяют свои представления об окружающем мире, что повышает качество обучения, позволяет удовлетворять и развивать познавательные интересы студентов. Работа студентов становится более интенсивной, что позволяет повысить темп изучения учебного материала и увеличить объем самостоятельной аудиторной и внеаудиторной работы.

АКТУАЛИЗАЦИЯ ЗНАЧЕНИЯ ОПЕРАЦИОНАЛЬНОГО ПРЕДПОЧТЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИМИ ЕДИНИЦАМИ ДАЛЬНЕЙ ПЕРИФЕРИИ С СЕМОЙ [ОБДУМЫВАНИЕ/ВЗВЕШИВАНИЕ]

Ключевые слова: фрейм «операциональное предпочтение/выбор», ментальное поле, интенсионал, экстенсионал, сема, функционально-семантические характеристики, лексема.

Key words: frame 'operational preference', mental field, intensional, extensional, seme, functual-semantic characteristics, lexeme.

Лексические единицы дальней периферии фрейма «операциональное предпочтение/выбор» подразделяются на не жёстко структурируемые, пересекающиеся лексико-семантические классы желания, обдумывания, принятия решения, намерения и физического действия. Если ядерные лексемы сигнализируют о наличии ситуации выбора, отражая в своей структуре все её компоненты, то периферийные номинативные единицы называют ситуацию лишь по отдельному признаку, который и становится выразителем фрейма «выбор» во всей его целостности. Данный факт полностью отвечает базовой характеристике фрейма как структуры представления знаний, а именно, возможности его активизации при появлении в поле зрения индивида одного или нескольких компонентов фрейма.

Фоновые знания о структуре обозначенной ситуации, хранящиеся в сознании говорящего, позволяют субъекту выделить наиболее ценный для него признак выбора в момент речи, который, в свою очередь, и влияет на вербальное оформление ситуации. Так, если субъект акцентирует внимание на признаке «обдумывание/взвешивание», в репрезентации фрейма «выбор» участвуют следующие единицы ментального поля: *consider, deliberate, decide*, эксплицирующие акт тщательного изучения, обдумывания, рекуррентно при употреблении в континуативе; лексема *compare*, интенсионал значения которой представлен семой [сравнение]; лексема *weigh*, в значении которой комбинируют-

ся семантические компоненты «тщательное рассмотрение», «сравнение». Обратимся к примерам актуализации данных языковых единиц в коммуникативных ситуациях.

(1) '*... I'm gonna be a professional ball player. I couldn't care less, David,' Jessica retorted and then, 'What sport?*'

'I'm deciding between baseball and basketball. Or maybe pro soccer.' (Segal, 73)

(2) *Doctor Valdare told Jose, I know, and I think Jose is deliberating before he decides whether or not to say anything to Marcos* (Stratton, 131).

(3) *Malignant or benign? It was so easy to be wrong, but all one could do was to weigh the evidence and judge accordingly* (Hailey, 143).

(4) *The old man sat there considering, shuffling through all the memorabilia on his lap, old George and old Alice and young Majorie, and then weighed Roper carefully again before he made up his mind* (Hart, 99).

(5) *Citing the unimportance of their agenda when compared to the excellence of the weather, he moved that they adjourn until the fall* (Segal, 9).

Представленный фактический материал свидетельствует о том, что предикаты *decide, deliberate, consider, weigh* проявляют способность к экспликации взвешивания как этапа акта выбора в определённом контекстном окружении, которое складывается из таких вербализуемых компонентов исследуемого фрейма как: субъект, альтернатива, принятие решения (вынесение решения).

Общекатегориальный признак анализа-
емых предикатов – «процессуальность» – неизменно актуализуется в каждой си-
туации. Проведение пробы на замещение
данных единиц ядерным глаголом выбо-
ра *choose* (лексема *prefer* автоматически
исключается из рассмотрения, поскольку
сема [процессуальность] отсутствует в её
категориальной парадигме) показало аде-
кватность подобной замены лишь в случае
с примером (1):

**I'm choosing between baseball and basketball.*

Взаимозаменяемость *choose* и *decide* обу-
словлена сближением их функционально-
семантических характеристик, а именно
интегрированием в значении данных еди-
ниц признака «ментальность» и пресуппо-
зиции действия; способностью открывать
валентность на предложное дополнение,
вводящее альтернативные варианты вы-
бора: *between + Object + and + Object*. Ср. с
лексемами *consider*, *deliberate*, *weigh*, *com-
pare*, включающими только сему [менталь-
ность] и сочетающимися с прямым дополн-
ением. Исключение составляет глагол
compare, который может вводить прямое
и предложное дополнения, обозначающие
объекты сравнения.

Поскольку исследуемый этап выбора
в самом общем виде представляет собой
процесс сравнения, постольку лексема
compare, в интенсиональном значении которой
входит сема [сравнение] оказывается до-
минантным средством экспликации дан-
ной процедуры. Ситуации, в которых гла-
гол *compare* открывает синтаксическую
позицию для дополнений (объектов, под-
вергающихся сравнению), демонстрируют
симметрию между языковой структурой
сравнения и её логическим эквивалентом.

Сравнительный анализ актуализации
лексемы *weigh* (непосредственного сино-
нима лексемы *compare*) в примерах (3) и
(4), а также анализ словарных статей, по-
свящённой данной единице, даёт основа-
ние утверждать, что данный предикат в

примере (4), комбинируясь с дополнением,
репрезентированным именем лица, пред-
стаёт в необычном для себя ракурсе. Для
адекватного истолкования значения, ко-
торое реализует в примере глагол *weigh*
необходимо обратиться к предыдущему
контексту, поскольку наречие *again*, упо-
треблённое в связке с лексемой *weigh*, сви-
детельствует о повторной актуализации
данного значения. Действительно, в тек-
сте вычленяется семантическая структу-
ра, синонимичная вышеупомянутой:

(6) *The old man regarded him shrewdly* (Hart, 98).

Очевидно, глагол *weigh* сближается по
своим семантическим и функциональным
характеристикам с глаголом *regard*, отно-
сящимся как к полю глаголов менталь-
ности, так и к полю глаголов зрительного
восприятия. Отмечается, что глаголы зри-
тельный восприятия обладают эпистеми-
ческой коннотацией, поскольку, воспри-
нимая мир, человек не только получает
информацию, предопределяемую перцеп-
цией, но и «прочитывает», «расшифровы-
вает» мир, опираясь на свой опыт, знания,
интуицию, неотчётливые представления
(Арутюнова 1989: 18-19). Эпистемический
компонент значения глагола *regard* оказы-
вается в данном примере доминирующим,
подтверждением чему служит сочетание
данного глагола с наречием *shrewdly*, в ин-
тенсиональном значении которого содержит-
ся сема [проницательность]. Данное поня-
тие предполагает способность человека к
осуществлению анализа, оценки, лежащих
в основе его поступков. Таким образом,
контекстно-связанное значение лексемы
weigh в примере (4) можно сформулиро-
вать следующим образом: оценить челове-
ка, всматриваясь (в буквальном и пере-
носном смысле) в суть его характера, пове-
дения. Экстенсиональное понятие анализируе-
мой языковой единицы расширяется.

Специфичность этапа взвешивания про-
является в том, что, «предвидя возможные
 побочные эффекты от своей деятельно-

сти, субъект принимает ряд мер, которые, с его точки зрения, будут способствовать их нейтрализации» (Труб 1993). Так, предикаты *deliberately* и *wisely* в следующих примерах, будучи употреблёнными – один на этапе действия, второй – на этапе принятия решения, параллельно эксплицируют указанную специфичность фазы обдумывания (взвешивания):

(7) *I'd deliberately left Pete out of my explanation so this guy wouldn't think I was some creep who stalks kids he's never met* (Armistead, 261-262).

(8) *Sandra looked appealingly at Holly, who wisely decided not to interfere between brother and sister* (Cox, 41).

Следует отметить, что лексема *deliberately*, акцентируя важность стадии взвешивания, вводит в фокус мотив действия, вербализованный с помощью последовательного ряда придаточных предложений.

Решение сохранить «нейтралитет», эксплицированное в примере (8), принимается субъектом с учётом фоновых знаний, опыта, которые имплицируются в лексеме *wisely*.

В некоторых случаях для принятия оптимального решения субъекту требуется повторное взвешивание, результатом которого рекуррентно становится отказ от первоначального решения. Наиболее частотными лексическими средствами экспликации акта повторного взвешивания являются устойчивые словосочетания *to change one's mind*, *to think better of smth*. Приведём примеры актуализации данных единиц в конкретных ситуациях:

(9) *She had intended to take the cheapest room, but when she found out that only one room was offered for ten shillings but one and a half for the extra half-crown, she had changed her mind* (Fowles, 240).

(10) *At first I planned to drive all day and all night, but then thought better of it and rested for a couple of hours around dawn in a motor courtroom, a few miles before reaching the town* (Nabokov, 299).

Толчком к повторному взвешиванию в примере (9) послужили внешние обстоятельства, а именно более полная, уточнённая информация, полученная субъектом об объекте выбора, которая и заставила субъекта подвергнуть свой первоначальный замысел, осуществление которого уже достигло стадии намерения (*had intended to take*), корректировке. Причиной изменения плана действий субъектом в примере (10) стали опыт, фоновые знания.

Анализируемый этап целенаправленной деятельности оказывается самым «энергозатратным» как в плане умственных, так и душевных сил. Сложность прохождения этого этапа фиксируется в языке такими лексемами как, например, *problem*, *trouble*, *turmoil*, которые входят в тематическую группу, объединённую общей семой [затруднительная ситуация] в интенсионале их значения, максимально сближаясь с семантикой лексемы *dilemma*, вербализующей затруднительный выбор из двух альтернатив, как, например, в следующей ситуации:

(11) *Here Mrs Poulteney found herself in a really intolerable dilemma. She most certainly wanted her charity to be seen, which meant that Sarah had to be seen. But that face had the most harmful effect on company* (Fowles, 56).

Номинативные единицы *problem* и *trouble* рекуррентно воспринимаются в качестве абсолютных синонимов. Однако анализ их дефиниций наряду с контекстуальным анализом обнажает тот факт, что если в семантике слова *trouble* высвечивается момент личностных переживаний, беспокойства и т. п., связанных с возникшей трудностью, или, иными словами, на передний план выступает сфера чувств, то в значении лексемы *problem* акцент переносится на способность субъекта разрешить затруднительную ситуацию рациональными методами:

(12) *The trouble was, though, there were so many things they needed. It was a problem, deciding which should come first* (Hailey, 178).

Лексема *turmoil*, отражая личностные переживания, обладает большим эмоциональным зарядом по сравнению с лексемой *trouble*, в силу чего данная единица рекуррентно вводит в фокус «душевные муки»:

(13) *'Goodbye, Jack! In spite of the turmoil inside her, Amy decided that least said was soonest mended* (Cox, 17).

Причина душевных терзаний героини – необходимость выбора между любимым человеком и семьёй (детьми). Решение данной ситуации представляет неимоверную трудность для субъекта. Эксплицированное в примере решение не является окончательным, о чём свидетельствует последующий контекст, нарочно сгущающий краски, используемые для описания внутреннего состояния героини:

(14) *'Like I said, we belong together, you and me. But I can't force you, Amy. It's got to be your choice.'*

'I can't!' Desperately unhappy with the life she had, Amy was torn in two by his offer (Cox, 17).

Дескриптивно-оценочные предикаты *desperately, unhappy*, но более всего фразеологический оборот *to be torn in two* призваны объяснить, конкретизировать состояние внутреннего конфликта, в центре которого находятся практически равнозначные общечеловеческие ценности – любовь и дети.

Таким образом, проведённый анализ показал, что этап взвешивания как наиболее важное звено в развёртывании ситуации предпочтения/выбора эксплицируется лексическими единицами, семантика которых связана не только с ментальностью как актом обдумывания/сравнения, но и зрительным восприятием (лексема *weigh*), душевными переживаниями (*turmoil, trouble, torn in two*). С данной стадией целенаправленной деятельности связан анализ мотивов и оснований предпочтения/выбора субъектом того или иного объекта.

Библиографический список

1. Арутюнова, Н. Д. «Полагать» и «видеть» (к проблеме смешанных пропозициональных установок) / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Проблемы интенсиональных и прагматических контекстов / под ред. Н. Д. Арутюновой. – М. : Наука, 1989. – С. 7–30.
2. Труб, В. М. Лексика целесообразной деятельности (опыт описания) / В. М. Труб // Логический анализ языка / под ред. Н. Д. Арутюновой. – М. : Наука, 1993. – С. 58–66.

Список источников иллюстративного материала

1. Armistead, M. Night Listener / M. Armistead. – London : Black Swan, 2001. – 366 p.
2. Cox, J. Looking Back / J. Cox. – London : Headline Book Publishing, 2000. – 440 p.
3. Fowles, J. The French Lieutenant's Woman / J. Fowles. – Great Britain : Triad Paperbacks Ltd, 1977. – 400 p.
4. Hailey, A. Final Diagnosis / A. Hailey. – СПб. : Антология, 2004. – 288 c.
5. Hart, R. Remains to be Seen / R. Hart. – London : Pan Books, 1991. – 228 p.
6. Nabokov, V. Lolita / V. Nabokov. – Moscow : Ikar Publisher, 2002. – 356 p.
7. Segal, E. Man, Woman and Child / E. Segal. – London : Granada Publishing Limited, 1981. – 222 p.
8. Stratton, R. Castles in Spain / R. Stratton. – Toronto, Winnipeg : Harlequin Books, 1974. – 191 p.

ПРОЦЕССЫ ОППОЗИЦИОННОЙ РЕДУКЦИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: грамматическая категория, оппозиция, нейтрализация, транспозиция.

Key words: grammatical category, opposition, neutralization, transposition.

Способность к концептуализации и классификации воспринимаемого является одной из важнейших характеристик когнитивной деятельности человека. Концептуализация представляет собой «определенный способ восприятия и организации мира» (Апресян 1995: 350), который заключается в осмыслиении поступающей информации и приводит к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в психике человека (КСКТ 1996: 93).

Интерес лингвистики к проблемам классификации и категоризации вызван желанием объяснить механизмы формирования значения (то, как человек концептуализирует и структурирует окружающую действительность). Поступающая к субъекту восприятия информация об окружающем мире должна быть определенным образом упорядочена. Процесс классификации основан на способности индивида распределять воспринимаемые объекты, явления и ситуации по разным группировкам и классам. Классификация тесно связана со всеми когнитивными способностями человека, и, прежде всего, с такими мыслительными операциями, как сравнение и отождествление, установление сходства и различия. С помощью сравнения индивид отграничивает одни объекты от других, а также устанавливает совокупности одинаковых объектов, обладающих определенными признаками, и объединяет их в некоторые множества (Langacker 1987: 101, Трунова 2002: 99).

В работах отечественных и зарубежных лингвистов понятия категоризации и классификации нередко отождествляются, и под категориями понимаются классы слов

(Rosch 1973, Лакофф 1988, Кубрякова 1997), однако такое отождествление нельзя назвать полностью оправданным. Классификация представляет собой способ создания гетерогенных классификационных систем, и результатом данного процесса является система классов объектов и их признаков, отражающая окружающий человека мир. Категоризация предполагает выход понятий на языковой уровень и формирование языковых категорий разной степени абстрагирования и формальной маркированности, а в качестве категорий выступают формальные парадигмы (Трунова 1991: 45). Класс представляет собой «совокупность однопорядковых объектов, явлений или признаков», а категория – «способ существования класса» (Трунова 2002: 102).

Таким образом, можно сказать, что концептуализация, классификация и категоризация являются важнейшими процессами познавательной деятельности индивида, ведущими к образованию концептов, классов и категорий.

Понятие категорий было введено Аристотелем и появилось впервые в философии, в логике, где и продолжает существовать до настоящего времени, претерпев множество изменений в своем истолковании (Адмони 1988: 65). Аристотель выделил десять категорий: сущность (субстанция), количество, качество, отношение (сочетанное), где? (место), когда? (время), положение, обладание (состояние), действие, претерпевание (страдание) (Аристотель 1978). Следует отметить, что логико-философские категории пришли в философию из языка, поскольку они были выведены Аристотелем на основе предикативных форм грамматического строя языка.

Категории толкуются как «разряды», «классы» или «понятия». Например, «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова предлагает два следующих определения категории: 1) «высшее родовое понятие, обозначающее какой-н. наиболее общий, отвлеченный разряд явлений, предметов или их признаков и 2) разряд однородных предметов или лиц» (ТСРЯ 1994: 1334). Философский энциклопедический словарь определяет категории как «предельно общие, фундаментальные понятия, отражающие наиболее существенные, закономерные связи и отношения реальной действительности и познания» (ФЭС 1983: 251).

Термин «категория» входит в арсенал многих наук, например, известны общефилософские категории бытия, пространства и времени, логические категории необходимости и случайности, аксиологические категории добра и зла и т. д. Однако, общефилософские и логические категории следует отличать от языковых категорий.

В языкоznании категории трактуются по-разному: либо как «общие понятия грамматики, определяющие характер или тип строя языка и находящие свое выражение в законах и правилах изменения слов, их сочетаемости друг с другом и сочетания слов в предложениях» (ГРЯ 1960: 8), либо как совокупность элементов языка, объединенную грамматическим значением (Реформатский 1967: 255).

В лингвистической литературе термином «категория» иногда называют лексико-грамматические классы слов, например, «категория прилагательного», «категория наречия», «категория глагола», или члены предложения: «категория подлежащего», «категория обстоятельства» (Головин 1955: 120, Блумфилд 1968: 297), что значительно расширяет само понятие грамматической категории и делает его расплывчатым и неопределенным, поэтому необходимо установить, что является грамматической категорией и что таковой не является.

К важнейшим принципам выделения грамматических категорий относятся следующие:

1. Грамматическая категория должна состоять, по меньшей мере, из двух категориальных форм.
 2. В одной словоформе соединяются различные грамматические значения (например, форма *is working* в предложении *He is working in the garden* совмещает в себе (3-е) лицо, (единственное) число, (настоящее) время, (длительный) вид, (действительный) залог, (изъявительное) наклонение).
 3. Каждая грамматическая форма слова представляет собой, по крайней мере, одну категориальную форму, а, следовательно, принадлежит к какой-либо грамматической категории (Смирницкий 1959: 8-9).
- М.Я. Блох определяет грамматическую категорию как «систему выражения обобщенного грамматического значения, осуществляемого через парадигматическое соотнесение форм» (Блох 1986: 82). Совокупность грамматических форм, выражающих категориальное значение, конституирует грамматическую парадигму. Объединение соответствующих парадигм составляет грамматическую категорию.

Основываясь на данном определении, необходимо отметить, что термин «категория» не следует употреблять для обозначения единиц (фонемы, морфемы), лексико-грамматических классов слов, членов предложения, изолированных словоформ.

Таким образом, необходимо разграничить термины «лексико-грамматический класс», «функция» и «категория». Слова распределяются в тот или иной класс на основе общности семантического показателя, грамматических категорий и функций (Трунова 1991: 43-45).

Статус категории определяется ее положением в ряду других категорий. Категория может отражать языковые и неязыковые отношения. То, что категория отражает, характеризует ее природу. Рефлексивные ка-

тегории основываются на явлениях внеязыковой действительности и выражают реально существующие отношения между объектами окружающего мира (т. е. имеют онтологическое основание). К таким категориям можно отнести категории времени, числа, вида. Реляционные (или релятивные) категории служат целям организации структуры предложения (категория склонения прилагательных). Понятийные категории «рождаются сознанием человека в процессе познания им объективного мира» (Трунова 1991: 46). К категориям понятийным по природе, которые не могут быть вне мыслящего существа, относятся категории отрицания, детерминации и оценки (такие категории имеют антропное основание).

Грамматические категории подразделяются на морфологические и синтаксические. Морфологические категории свойственны словоформе, а синтаксические – предложению (Адмони 1988: 66). В качестве примера морфологических категорий можно привести категории времени, вида, залога, наклонения, принадлежащие глаголу, или рода, числа, падежа – существительному. Среди морфологических категорий выделяют словоизменительные и классификационные категории. Морфологические категории словоизменительного типа – это категории, члены которых представлены формами одного и того же слова в рамках его парадигмы (т. е. происходит изменение одного и того же слова), например, категория падежа и числа у существительного или категория лица и времени у глагола, степени сравнения прилагательных. Например, морфологическая категория времени является языковым отражением объективного времени и служит для временной локализации события, о котором говорится в предложении. В языке выделяют настоящее, прошедшее и будущее времена. Морфологическая категория вида отражает характер протекания и распределения действия во времени и в английском языке выражается с помощью

противопоставления форм длительного и недлительного вида, в русском – совершенного и несовершенного.

Морфологические категории классификационного типа – это категории, внутренне присущие слову, они не зависят от его употребления в предложении, например, категория рода существительных в русском языке.

В контексте оппозиционно-категориальные признаки грамматических форм вступают во взаимодействие, при этом один член оппозиции может быть употреблен в позиции, типичной для другого, противоположного члена (Блох 1986: 93). Существуют два случая оппозиционной редукции: нейтрализация и транспозиция.

Под нейтрализацией в лингвистической литературе понимается снятие противопоставления между членами оппозиции. Процесс нейтрализации характеризуется тем, что слабый (немаркированный) член оппозиции употребляется в функции, характерной для сильного (маркированного) члена. Примером нейтрализации может послужить употребление настоящего простого времени для выражения запланированного будущего действия:

'We take hygiene next year' (Segal, 93).

One month and the boy goes back to France (Segal, 93).

Будущие действия, выраженные формами настоящего времени общего вида *take, goes*, произойдут по плану, графику, расписанию.

Настоящее время общего вида замещает будущее время в сложноподчиненных предложениях с придаточными времени и условия:

(3) *But the moment I get home, the weekend'll begin to die and Monday'll creep nearer, minute by minute* (Mitchell, 267).

(4) *You'll be very sorry if you wake my brother* (Mitchell, 22).

Настоящее время длительного вида также употребляется для выражения действий, запланированных говорящим на

ближайшее будущее. Известно, что в ранний период существования английского языка формы настоящего времени служили для обозначения как настоящих, так и будущих действий в зависимости от контекста, поскольку грамматическая категория времени была представлена только двумя формами: настоящего и прошедшего времен, можно сказать, что данное значение является исконным для форм настоящего времени. В современном английском языке форма длительного вида настоящего времени употребляется для выражения будущего действия, когда оно является следствием предварительной договоренности:

(5) *Mum and Dad are coming back from Norfolk tomorrow evening* (Mitchell, 76),

или когда сам говорящий выражает намерение его совершить:

(6) 'The secret is in the marinade,' Mum said to Aunt Alice. 'I'll let you have the recipe afterwards.'

'Oh, but Helena, I'm not leaving without it.' (Mitchell, 61)

Как правило, в ситуациях такого типа наблюдается личная заинтересованность говорящего в предстоящих событиях, а будущее действие мыслится как протекающее в настоящем, но в таком его отрезке, который, включая момент речи, проецируется вперед. В приведенных примерах либо содержатся контекстуальные уточнители временной сферы действия: *tomorrow evening*, либо идея будущего заложена в самой ситуации или лексическом составе предложения.

Настоящее время общего вида, используемое для обозначения прошедших действий, представляет их так, как будто они протекают в настоящем, перед глазами говорящего и слушающего:

(7) *Kelly was in Rhydd's when Badger comes in. This was three weeks after the kid'd disappeared, okay? So Badger buys bread and stuff* (Mitchell, 98).

Такое употребление настоящего времени известно как «претеритный пре-

зенс» или «настоящее историческое». В (7) формы настоящего времени *comes, buys* образно переносят прошедшие события в настоящее, придавая им актуальность и драматизм и изображая их как бы происходящими в данный момент. Употребление настоящего времени общего вида для обозначения прошлых событий способствует возникновению экспрессивных коннотаций, повышающих впечатляющую силу речи (Блох 1986: 96).

Нейтрализующим является также употребление неперфектных форм вместо перфектных для обозначения завершенного действия, предшествующего какому-либо моменту времени.

(8) *I'm perfectly aware the door is locked. I just locked it* (Mitchell, 243).

(9) *Are you sure you just saw what you thought you saw?* (Mitchell, 243)

В примерах (8), (9) используется наречие *just*, которое определяется как 'a short time ago' (LDELС 1998: 714) и свидетельствует о завершенном действии, предшествующем моменту речи. Подобные случаи нейтрализации не являются стилистически маркированными, они реализуют принцип языковой экономии.

Еще одним примером нейтрализации может послужить употребление определенного и неопределенного артиклей с единственным числом имени существительного в обобщающей функции.

(10a) *The rose is a lovely flower.*

(10b) *A rose is a lovely flower.*

В данном случае происходит нейтрализация оппозиции «определенность-неопределенность». Во многих практических грамматиках отмечается, что данные примеры не являются тождественными: в примере (10a) существительное обозначает целый класс цветов, тогда как в (10b) – любой цветок, принадлежащий данному классу. Однако в подобных примерах такое противопоставление не является существенным, поскольку в том и другом случае артикль употребляется в обобщающей функции, что

свидетельствует о снятии противопоставления. Следует помнить, что использование неопределенного артикля с существительным в единственном числе невозможно, если речь идет о местонахождении или существовании какого-то животного, предмета или человека, а также об изобретениях.

При транспозиции сильный (маркированный) член оппозиции употребляется в функции, характерной для слабого (ненмаркированного) члена. В случае транспозиции замещающий член не полностью теряет свое содержательное наполнение, а становится носителем двух функций одновременно: функции замещаемого члена и собственной функции, которая образует своеобразный семантический фон (Блох 1986: 94). При данном типе оппозиционной редукции замещающий член переносится в необычные для него условия употребления, что делает высказывание более экспрессивным. Формы длительного вида глагола, замещая формы общего вида, перенимают его семы привычности, повторяемости действия, и в то же время сохраняют «собственное значение действия в развитии в качестве семантического фона» (Блох 1986: 94).

(11) *He snapped, 'You're always turning people against me!' (Mitchell, 70)*

В данном примере наречие *always* выполняет роль транспозитора, а столкновение двух противопоставленных значений создает экспрессивно-стилистический эффект: говорящий выражает раздражение и недовольство поведением другого человека.

Транспозицию прошедшего времени в сферу настоящего можно проиллюстрировать с помощью следующих примеров:

(12) *I don't want to be accused of nagging, Helena,' Dad began, 'but I **was** wondering when I might be able to park my car in my garage?' (Mitchell, 143)*

(13) *What I **wanted** to say is, I'd like to see you become the greatest success in the world (O'Neill, 119).*

(14) *'He finishes today. I **thought** we might take him back with us and give him a spot of lunch. He's quite a gentleman.'*

'Is it a sufficient reason to ask him to lunch?' (Maugham, 3)

Такое употребление прошедшего времени известно как «прошедшее скромности» или «претерит скромности», поскольку формы прошедшего времени употребляются для снижения категоричности высказывания. Заявления говорящего звучат тактично, вежливо, ненавязчиво.

Будущее время общего вида может транспонироваться в сферу настоящего, если оно употребляется для выражения атемпоральных ситуаций, актуальных всегда (в том числе и для текущего момента):

(15) *Boys **will be** boys (Kersh: URL),*

(16) *'These things **will happen**,' he said, putting his fingertips together (Snow, 127).*

В примерах (15), (16) будущее время употребляется вместо настоящего для обозначения постоянных действий, общизвестных истин, но в то же время сохраняет собственное значения гипотетичности, предположительности действия, свойственное формам будущего времени.

Ярким примером транспозиции является употребление множественного числа существительного в функции, типичной для формы единственного числа, например:

(17) *After luncheon Mr Marchmill strolled out towards the pier, and Mrs Marchmill, having dispatched the children to their outdoor amusements on the **sands**, settled herself in more completely, examining this and that article, and testing the reflecting powers of the mirror in the wardrobe door (Hardy, 9).*

(18) *Dad had that smile you never see in photos. 'She rules the **skies**!' (Mitchell, 229).*

(19) *Some scientists consider the **waters** around Antarctica to be a separate, fifth ocean as well (Oceans: URL).*

Отметим, что все упомянутые существительные обозначают конкретные вещества

или материалы и называются вещественными. Приведенные в данных примерах существительные могут употребляться в форме множественного числа в следующих значениях: *sands* определяется как 'a stretch of sand'; *waters* имеет несколько дефиниций '1) sea near or belonging to the stated country; 2) the water of the stated river, lake etc.; 3) water containing minerals supposed to be good for the health, which comes up out of the ground from a spring and is drunk at a particular place'; *skies* толкуется как 'the upper air, the space above the Earth where clouds and the sun, moon, and stars appear' (LDELС 1998).

Формы множественного числа в приведенных примерах обозначают какой -то один объект (вещество или материал) окружающего мира, но при этом сохраняют собственное значение множественности.

В заключение отметим, что случаи оппозиционной редукции множественны и разнообразны. В данной работе были рассмотрены лишь некоторые из примеров транспозиции и нейтрализации, позволяющие понять, каким образом происходит актуализация языковых единиц, и как категориальные признаки грамматических форм взаимодействуют в контексте.

Библиографический список

1. Адмони, В. Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики / В. Г. Адмони. – Л. : Наука, 1988. – 238 с.
2. Апресян Ю.Д. Избранные труды : [В 2 томах]. Том 2 : Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. – 766 с.
3. Аристотель. Сочинения : В 4-х томах. – Том 2 / Аристотель. – М. : Мысль, 1978. – 687 с.
4. Блох, М. Я. Теоретические основы грамматики / М. Я. Блох. – М. : Высшая школа, 1986. – 160 с.
5. Блумфилд, Л. Язык / Л. Блумфилд. Пер. с англ. Е. С. Кубряковой и В. П. Мурат. – М. : Прогресс, 1968. – 607 с.
6. Головин, Б. Н. К вопросу о сущности грамматической категории / Б. Н. Головин // Вопросы языкоznания. – 1955. – № 1. – С. 117–124.
7. [ГРЯ] Грамматика русского языка. Том 1: Фонетика и морфология. – М. : Изд-во АНССР, 1960. – 719 с.
8. Кубрякова, Е. С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) / Е. С. Кубрякова // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – 1997. – № 3. – Т. 56. – С. 22–31.
9. Лакофф, Дж. Мышление в зеркале классификаторов / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. – М. : Прогресс, 1988. – С. 12–51.
10. Реформатский, А. А. Введение в языковедение : учебник для филол. фак. пед. ин-тов / А. А. Реформатский. – М. : Просвещение, 1967. – 542 с.
11. Смирницкий, А. И. Морфология английского языка / А. И. Смирницкий. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1959. – 439 с.
12. Трунова, О. В. Природа и языковой статус категории модальности / О. В. Трунова. – Барнаул-Новосибирск : Барнаульский гос. педагог. институт, 1991. – 130 с.
13. Трунова, О. В. Идея прототипичности в наивной, научной и языковой картине мира / О. В. Трунова // Язык. Культура. Коммуникация : Материалы международной научно-практической конференции. – Барнаул : Изд-во БГПУ, 2002. – С. 98–104.
14. Langacker, R. W. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1 : Theoretical Prerequisites / R. W. Langacker. – Stanford, California : Stanford University Press, 1987. – 516 p.
15. Rosch, E. H. Natural Categories / E. H. Rosch // Cognitive Psychology. – 1973. – Vol. 4. – № 3. – P. 328–350.
16. [КСКТ] Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; под ред. Е. С. Кубряковой. – М. : Изд-во МГУ, 1996. – 248 с.
17. [ТСРЯ] Толковый словарь русского языка: [В 4-х томах]. Том 1 / В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин и др.; под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Русские словари, 1994. – 844 с.
18. [ФЭС] Философский энциклопедический словарь / под. ред.: Л. Ф. Ильчева. – М. : Советская энциклопедия, 1983. – 839 с.
19. [LDELС] Longman Dictionary of English Language and Culture. – Longman, 1998. – 1568 p.

Список источников иллюстративного материала

1. Hardy, Th. The Best Love Stories / Th. Hardy. – Москва : Айрис-пресс, 2006. – 320 с.
2. Kersh, D. Boys Will Be Boys / D. Kersh [Электронный ресурс]. – URL: mirpesen.com/ru/david-kersh/boys-will-be-boys.html
3. Maugham, W. S. Theatre / W. S. Maugham. – Москва : Международные отношения, 1979. – 288 с.
4. Mitchell, D. Black Swan Green / D. Mitchell. – London : Hodder and Stoughton, 2006. – 371 p.
5. Oceans Alive! The Water Planet [Электронный ресурс]. – URL: mos.org/oceans/planet/
6. O'Neil, E. Long Day's Journey into Night / E. O'Neil // Three American Plays. – Moscow, Progress Publishers, 1972. – P. 9–127.
7. Segal, E. Man, Woman and Child / E. Segal. – London, Toronto, Sydney, New York : Granada, 1981. – 221 p.
8. Snow, C. P. Time of Hope / C. P. Snow. – Moscow : Progress Publishers, 1964. – 388 p.

Н.В. Трунова
Москва

СИСТЕМНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ФУНКЦИИ PRESENT SIMPLE

Ключевые слова: настоящее историческое, настоящее симультанное, настоящее расширенное, нарративная техника.

Keywords: historical present, simultaneous present, extended present, narrative technique.

Вопрос о языковой экспликации времени, равным образом, как и вопрос о сущности времени вообще представляет большие сложности в силу того, что фактически остается не определенной сама базовая единица исследования в преломлении к любой области научного исследования: философии, физике, лингвистике. Поэтому необходимо сделать несколько допущений, которые позволили бы пользоваться принимаемым понятийным аппаратом. Допущение первое касается онтологического статуса времени, выявляемого опосредованно через фиксацию последовательности событий и причинно-следственных связей. Физический аспект оперирует в этом случае термином «момент времени». Допущение второе включает эмпирическое установление линейного характера времени. На этой линии обычно вычленяют прошедшее, настоящее и будущее. В философском осмыслении это свойство времени получило определение «стрелы времени» А. Эддингтона. В лингвистическом плане интерес представляют способы репрезентации времени, и в большей мере – грамматические формы его экспликации. Здесь также возникают некоторые затруднения, поскольку языковеды, во-первых, вслед за философами не могут прийти к консенсусу относительно статуса будущего, поскольку оно, не являясь переживаемым или проживаемым, считается прогнозируемым, или возможным, а потому выходит за границы темпоральности и входит в рамки модальных смыслов. Такое положение неверно, поскольку модальность категория а-темпоральная. Поэтому третье допущение формулируется так: наблюдаемый момент времени

составляет сферу настоящего и противопоставляется как таковой ненастоящему, включающему прошедшее и будущее.

Для данной работы последнее допущение представляет особую значимость, так как становится основанием для понимания сложной структуры грамматической категории времени (*tense*) в английском языке, в которой формально немаркированным является настоящее, противопоставляемое, с одной стороны, маркированному прошедшему, с другой, – маркированному будущему. Немаркированность настоящего допускает функциональную нейтрализацию, то есть использование немаркированного компонента грамматической парадигмы в позиции маркированного. Таким образом, широкий функциональный потенциал немаркированного компонента является системно заложенным.

Тот факт, что система темпоральных категорий в английском языке включает не только категорию времени (*tense*), но также категорию вида (*aspect*) и категорию таксиса, или временной соотнесенности (*time correlation*), постулируется уже на уровне учебной дисциплины «теории грамматики», то есть является научно обоснованным и доказанным. Фокус данной статьи составляет неосложненная в видовременном плане форма немаркированного (более верно сказать «слабомаркированного», поскольку временной показатель настоящего при спряжении присущ только одному члену категории лица) компонента категории времени – *Present Simple*. Стандартные системно-функциональные характеристики *Present Simple* систематизированы, описаны и хорошо из-

вестны. Выявлены также все возможные контекстуально приобретаемые прагматические смыслы. Особое внимание уделяется случаям употребления Present Simple в контекстах будущего (придаточные предложения условия и времени и предложения со значением «ближайшего запланированного» будущего, где форма Present Simple поддерживается лексическими маркерами будущего) и в контекстах прошедшего (структуры с глаголами отстранения: "I hear <that>...", "they say <that>..."). Очевидно, что уровень анализа в этом случае ограничивается предложением-высказыванием. Что касается более высокого уровня – уровня текста, здесь все сводится к особенностям использования Historical Present, как в случае (1), когда в воспоминаниях героини прошлое воспроизводится как застывшая на живописном полотне статичная ситуативная «картинка» или как момент, запечатленный на фотографии:

(1) *It is a bright summer day in 1947. My father, a fat, funny man with beautiful eyes and a subversive wit, is trying to decide which of his eight children he will take with him to the county fair. My mother, of course, will not go. She is knocked out from getting most of us ready: I hold my neck stiff against the pressure of her knuckles as she hastily completes the braiding and the beribboning of my hair* (Walker: URL).

Для повествователя такое использование Present Simple создает иллюзию участия, для читателя – иллюзию присутствия. Оно характерно для коротких рассказов, поскольку объемные тексты других жанровых типов с разворачивающейся широкой панорамой событий, трудно укладываются в рамки настоящего. Однако функции этой глагольной формы в художественном тексте не ограничиваются только созданием эффекта «переноса во временном континууме», когда ситуация прошлого встраивается в рамки настоящего.

В исследованиях феномена времени разграничиваются время актуальное и

время перцептуальное. Могущие быть симультанными эти два типа отличаются тем, что показатели актуального (реального) времени неизменны и измеряемы, в то время как в перцепции время может растягиваться и сжиматься. Это «психологическое» время определяется скоростью мыслительных действий (в экстренных ситуациях сознание в секунды решает задачу, на которые в иных обстоятельствах могли уйти часы) и степенью эмоциональных переживаний. В нашем случае речь идет о времени художественном (Турапова 1979). В отличие от времени реального время художественное может быть обратимым, создавая ретроспективу повествования, может рисовать картину будущего как смещенного в настоящее или прошлое, события отдаленные во времени могут передаваться параллельно, создавая эффект раздвоения времени. Структурирование временной перспективы художественного текста становится, таким образом, композиционным приемом.

Универсальной грамматической формой повествования является форма Past Simple, поскольку любой художественный текст по сути своей есть рассказ о том, что произошло или могло произойти. Повествование в прошедшем времени подчеркивает когнитивные различия между Я-переживающим событие и Я-повествующим о событии. Кроме того, ретроспективное повествование есть фактор разграничения текста и дискурса (DelConte 2007). Таким образом именно Past Simple является точкой отсчета для всего, что описывается в тексте: и то, что было до этой сакральной точки, и то, что мыслится как возможное, прогнозируемое в проспекции. Нарушение временной согласованности в таком случае призвано выполнять определенные художественные функции, например, создавая полифонию, переключаясь на иную точку зрения или иной нарративный план, подчеркивая авторскую позицию (дигрессии такого рода характерны,

например, для произведений У.С. Моэма, создавая эффект присутствия или передавая высокий потенциал эмоциональной насыщенности (Урумашвили 2011) ситуации, как, например, в хорошо известном эпизоде из романа Ф.С. Фицджеральда «Великий Гэтсби»:

(2) *There was music in my neighbour's house through the summer nights. In his blue gardens men and girls came and went like moths among the whispering and the champagne and stars. <...> I watched his guests ... <...> In the main hall a bar with a real brass rail was set up ... <...> By seven o'clock the orchestra has arrived <...> The lights grow brighter as the earth lurches away from the sun <...> Laughter is easier minute by minute <...> The groups change more swiftly.* (Fitzgerald)

По аналогии с настоящим историческим (historical present), акцентирующим непосредственность переживаний прошлого, психологически обусловленную переносом импринта, следа событий, из долгосрочной памяти в оперативную (пример 1), форма временного сдвига, использованная в данном случае, может быть определена как настоящее изобразительное.

Вместе с тем, Present Simple может употребляться как самостоятельная повествовательная форма. На фоне общего количества художественной прозы случаи использования Present Simple как нарративной техники немногочисленны, однако не так и редки. Основу этого приема составляет феноменологическая концепция, опирающаяся на триаду «я – здесь – сейчас». Она заключается в признании я-воспринимающего как центра сущего, а бытия – как феномена сознания. То есть мир таков, каким я его вижу и существует так и тогда, как и когда (здесь и сейчас) я его себе представляю. В этом случае грамматическая форма Present Simple приобретает новую функцию изображения событий в их развитии, как наблюдаемого факта. Это «симультанное настоящее» (DelConte: URL), которое содержательно и функци-

онально отличается от настоящего исторического. Это отличие парадоксально по своей сути, поскольку, с одной стороны, симультанное настоящее раздвигает границы настоящего недлительного (specious present), с другой, - ограничивает временную перспективу жесткими рамками, не предполагающими ни того, что было или могло быть, ни того, что прогнозируемо, то есть может быть или будет.

Как использование любой иной нарративной техники или любого стилистического приема использование симультанного настоящего может иметь разные цели и помогает создавать неоднородные эффекты. Так, например, написанное в Present Simple начало романа М. Этвуд “The Handmaid's Tale” создает ощущение призрачной реальности, застывшей, недвижимой, не предполагающей какого-либо развития. В романе Дж. Дарлинг “The Taxi Driver's Daughter” никакого ощущения призрачности не возникает, наоборот, реальность выступает и настойчиво «наступает» на читателя всей напряженностью ситуации:

(3) *Caris lies in the mud, staring up at her shoes hanging on the heavy branches of the oak tree. They look like gnarled fruit. Tears run down her cheeks. Slowly, she unclenches her fists and sits up. Her back is coated with thick mud. The park feels huge and empty* (Darling).

Жестокость подростков по отношению к более слабым, неумение защитить себя в трудной ситуации, одиночество, безысходность, болезненность переживаний эмоционально более действенно передаются как в непосредственно наблюдаемом событии, нежели в пересказе в прошедшем времени.

При повествовании в настоящем создается атмосфера «микрохронологии», в которой важны и подробно описываются все детали, в которой время последовательно и четко рисует развертывающиеся сцены событий. Анализ произведений разного жанра и стиля позволяет говорить о том,

что Present Simple может представлять событие как настоящее «момента речи» или как «расширенное настоящее». Это так называемое «актуальное настоящее» (Кван Джи Хюн 2003). В тех случаях, когда формы

Present Simple передают ситуации прошлого или воображаемого будущего, смысловой план перемещается в «виртуальное настоящее», в рамках которого размещаются сны, мечты, несбыточные планы.

Библиографический список

1. Тураева, З. Я. Категория времени: Время грамматическое и время художественное / З. Я. Тураева. – М. : ВШ, 1979. – 219 с.
2. Урумашвили, Е. В. Прагматические функции временных форм глагола в художественном тексте (на материале романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»): автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Евгения Валерьевна Урумашвили. – Екатеринбург, 2011. – 23 с.
3. Кван, Джи Хюн. Вариативность аспектуально-tempоральной семантики при функционировании форм настоящего времени русского глагола: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Джи Хюн Кван. – СПб, 2003.
4. DelConte, M. A. Further Study of Present Tense Narration / M. A. DelConte // Journal of Narrative Theory, Vol. 37, November, 3, 2007 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.questia.com/library/1P3-1431531851/clich-s-and-commodity-fetishism-the-violence-of-the>
5. Pullman, P. Philip Pullman and Philip Hensler Criticize Booker Prize for Including Present-Tense Novels / P. Pullman // The Guardian, Saturday 18, September, 2010.
6. Walker, A. Beauty: When the Other Dancer Is the Self / A. Walker [Электронный ресурс]. – URL: <http://grammar.about.com/od/shortpassagesforanalysis/a/walkbeauty07.htm>

М.А. Чернова
Барнаул

МОДЕЛИРОВАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ОЦЕНОЧНЫХ КОЛЛОКВИАЛИЗМОВ

Ключевые слова: семантическое пространство, лексико-семантическое поле, оценочный, коллоквиализм, картина мира.

Key words: semantic space, lexico-semantic field, evaluative, colloquialism, worldview.

В исследовании любых фрагментов языковой картины мира ведущей является лексическая система языка. «Отображенная в лексических единицах – словах и словосочетаниях – абстракция представляет собой «отсроченное» мышление, вербально выраженное знание внешнего мира» (Уфимцева 1988). Лексическая система, именуемая часто как лексико-семантическая система, понимается как «вся область смысловых отношений лексических единиц, своеобразие типов их группировок и характер взаимодействия друг с другом (лексико-семантическая парадигматика) и с элементами других подсистем языка, уровня и формы языкового выражения результатов семантического варьирования словесных знаков (лексическая синтагматика)» (Ка-

раулов 1976: 14). Множество лексических значений, находящихся между собой в определенных отношениях и связях, образуют семантическое пространство. Современная семасиология утверждает, что семантическое пространство языка – это не набор, не инвентарь семем, а сложная их система, образованная пересечениями и переплетениями многочисленных и разнообразных структурных объединений и групп, которые «упакованы» в цепочки, циклы, ветвятся как деревья, образуют поля с центром и периферией и т. п. Эти отношения отражают отношения концептов в концептосфере языка (Попова 2002: 89), причем семантическое пространство языка представляет собой не всю, а только часть концептосферы, получившей выражение (вербализацию, объек-

тивацию) в системе языковых знаков – слов, фразеосочетаний, синтаксических структур (Почепцов 1990: 112).

Принципы и методы описания лексико-семантической системы, объективирующей смысловое пространство, сложились в русле теории семантического поля, которое, согласно Ю.Н. Караполову, является основным содержательным элементом языковой картины мира: «Концептуальная модель мира содержит информацию, представленную в понятиях, а в основе языковой модели мира лежат знания, закрепленные в семантических категориях, семантических полях, составленных из слов и словосочетаний, по-разному структурированных в границах этого поля того или другого конкретного языка» (Караполов 1976: 54). Как семантическое пространство языка, так и концептосфера однородны по своей природе, это мыслительные сущности. Разница между языковым значением и концептом состоит лишь в том, что языковое значение – квант семантического пространства – прикреплено к языковому знаку, а концепт как элемент концептосферы с конкретным языковым знаком не связан. Он может выражаться многими языковыми знаками, их совокупностью, а может и не иметь представленности в системе языка (Попова 2002: 90).

Основоположником теории семантического поля считается немецкий ученый Й. Трир. В его концепции язык представляется как самостоятельная замкнутая система, которая определяет сущность всех ее составных частей. Язык членит мир, существующий в сознании в виде системы понятий. Она является содержательной стороной языка и участвует в его членении. Каждому такому полю в понятийной сфере соответствует лексическое поле, состоящее из совокупности отдельных слов и выступающее как самостоятельная единица, занимающая промежуточное положение между системой языка в целом и

отдельным словом. В основе выделения семантических полей Й. Триром лежит логический подход. Отдельные слова языка, по Й. Триру, не являются обособленными носителями смысла, слово имеет значение только внутри целого поля и благодаря этому целому, а вне поля вообще не может иметь значения (Trier 1931). Теория ученого была подвергнута критике за приписывание семантическому полю строго определенных и неизменяющихся границ, за определение лексического значения слова только через целое понятийное поле, игнорируя предметную и понятийную соотнесенность слова; а также за строгое соответствие полей словесных знаков понятийным полям (Уфимцева 1988: 137). Современная картина поля резко отличается от «мозаичной» картины поля Й. Трира. Как полагает А.Я. Шайкевич, «образ резко разграниченных, прилегающих групп слов должен быть заменен образом излучающих свет звездоподобных ядер, которые взаимодействуют друг с другом таким образом, что лучи одного ядра пересекаются с лучами другого ядра» (Шайкевич 1980: 352). Ю.Н. Караполов обосновал размытость, неопределенность границ семантического поля, обусловленную онтологически – избыточностью поля и «необратимостью» членов этой иерархически организованной микросистемы слов и ее ядра (Караполов 1976).

Являясь по своей природе многоаспектным явлением, семантическое поле может быть рассмотрено с различных точек зрения, однако в наиболее общем виде понятие «семантическое поле» определяется как группа или класс слов, имеющих между собой нечто общее, близкое, сходное; содержащих в структуре значения общий семантический элемент или сему. Эту группу слов объединяет в относительно однородное и целостное образование связующий элемент. В качестве таких элементов могут выступать

лексическое значение в целом, различные значения какого-либо слова или варианты его значения, компоненты значения и др. В качестве общего элемента может выступать также понятие, тема, некоторая ситуация и т. п. Семантические поля, обладая неопределенностью и открытостью своих границ, тем не менее, как правило, имеют определенное имя. В полевой структуре можно выделить ядро, составляющие которого имеют наименьший набор «дополнительных» сем, помимо основной, тематически соотнесенной с именем поля, и периферию, составляющие которой обладают большим количеством «дополнительных» сем. В этой связи Ю.Н. Каулов замечает: «чем больше в значении дополнительных (семантических и стилистических) характеристик, тем дальше располагается данное значение от ведущего слова поля» (Каулов 1976: 32). Характерным признаком семантического поля является также его иерархическая структурированность. Поле состоит из нескольких (минимум двух) словесных объединений с более жесткой степенью упорядоченности. Такими объединениями являются тематические или лексико-грамматические группы. Различные исследователи по-разному соотносят термины «тематическая группа» и «лексико-семантическая группа», например, Л.М. Васильев считает, что лексико-семантическая группа образуется словами одной части речи, объединенных хотя бы одной общей парадигматической семой, а в тематическую группу входят слова разных частей речи, которые объединяются одной и той же типовой ситуацией или одной темой (ср. такие темы, как «транспорт», «спорт», «магазин», «театр» и т.п.), но общая идентифицирующая сема для них необязательна» (Васильев 1971: 110), таким образом, лексико-семантические группы находятся в «подчиненном» положении по отношению к тематическим группам. В этой связи нам кажется более

приемлемым решение соотношения «лексико-семантическая группа – тематическая группа», предложенное И.П. Слесаревой, считающей, что отношение тематических групп к лексико-семантическим группам это отношение пересечения. Слова одной лексико-семантической группы могут оказаться распределенными по разным тематическим группам, а многие лексико-семантические группы (состоящие из «нетематичных» слов, например, количественных наречий) не войдут ни в одну тематическую группу (Слесарева 1990: 54-56).

Достоинством метода полевого структурирования является то, что с его применением процедуры собственно лингвистического анализа выходят на качественно новый уровень: от семантического анализа отдельных слов и их значений лингвистика переходит к рассмотрению семантического своеобразия лексемы на фоне всего массива лексических единиц, выражающих сходные или противоположные смыслы, т. е. выходят на уровень макросемантики, изучающей системные связи слова и оперирующей большими пространствами смыслов – лексико-семантическими полями; становится возможным системное изучение номинативного фонда языка, конструирование наивной, бытовой картины мира, представленной в повседневной речи носителей языка (Опарина: URL). Таким образом, семантические поля являются своего рода представителями некоторой единой схематизации опыта или человеческого знания, что делает их интересными в плане когнитивной семантики (Уфимцева 1988: 140). В исследованиях, посвященных оценочной семантике, важную роль играет значение не только отдельных слов, словосочетаний и предложений, но и вся система семантических связей и закономерностей, выявляемых в лексико-семантических микросистемах, организованных на основе гиперо-гипонимических отношений. Посредством

моделирования семантического пространства изучаемого пласта лексики, в нашем случае американских оценочных коллоквиализмов, возможно изучение заключенных в семантике данной лексики оценочных смыслов с целью дальнейшего выделения ценностных приоритетов американского языкового сообщества

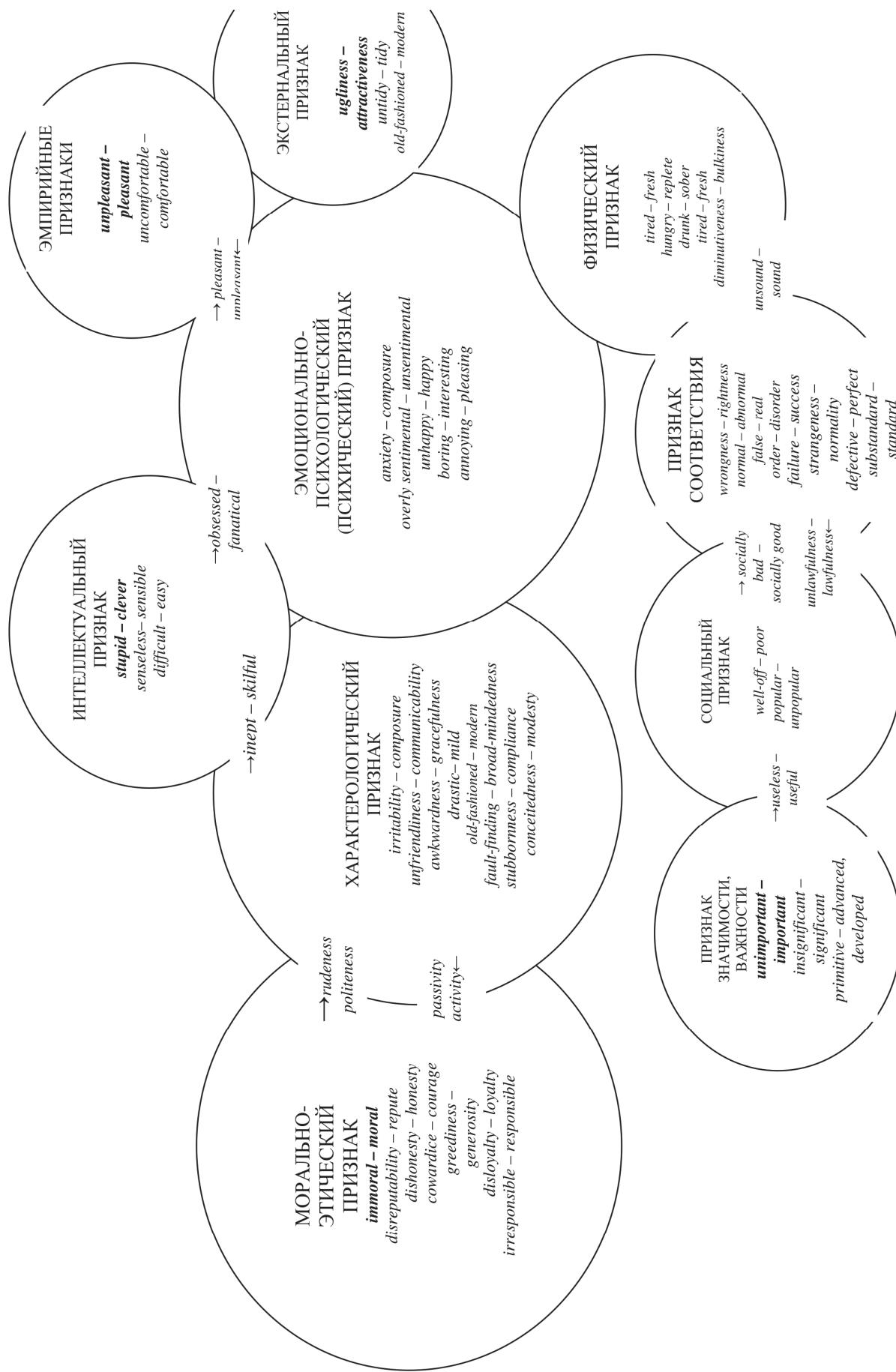
Актуальность моделирования структуры семантического пространства оценки в его связи с семантическим пространством на конкретно-языковом уровне, по мнению Т.В. Писановой, является очевидной (Писанова 1997). Группировки слов типа семантических полей можно рассматривать как модели семантического пространства, а систему отношений внутри семантических полей (микрополей) и между ними – как структуру семантического пространства (Новиков 1990: 3-16). Таким образом, структура смыслового пространства оценки коррелирует с семантическим пространством лексико-семантических групп, **которые можно получить** в результате их классификации по объекту оценки и оцениваемым признакам, а построение смыслового пространства в определенном смысле объединяет выполненные нами нами классификации коллоквиальной оценочной лексики, так как проводится по совокупности признаков, определяющих принадлежность оценочной единицы к некоторой смысловой области или сфере. С учетом сказанного, представляется возможным смоделировать семантическое пространство американских оценочных коллоквиализмов следующим образом (см. Диаграмму 1).

Как видно из приведенной диаграммы, модель семантического пространства американских оценочных коллоквиализмов представляет собой 10 сфер, центром которых выступают выделенные нами оценочные признаки американских коллоквиализмов оценочной семантики. Таким образом, одной из характеристик

конструируемого пространства является его полицентричность. Другой особенностью семантического пространства оценки является его двойной характер: оно представляет собой семантические признаки, формирующие категорию оценки, каждый из которых, в свою очередь, наполнен семенным содержанием, характеризуется определенным набором конституирующих его сем. Как можно заметить, для названия оценочных сем мы использовали как существительные, так и прилагательные; выбор той или иной именной части речи для обозначения семы не является принципиальным. В ряде сфер можно выделить доминирующие семы, которые образуют структурный стержень, являются облигаторными для семантики признака и характеризуются наибольшей частотностью. Эти семы могут быть названы генерализационными, или родовыми; их удалось получить у пяти из десяти признаков: морально-этического (сема [immoral – moral]), интеллектуального ([stupid – clever]), эмпирийного ([pleasant – unpleasant]), экстернального ([ugliness – attractiveness]), признака значимости ([unimportance – importance]). Такие семы, репрезентируя признак в самом общем виде, являются самыми яркими представителями своего поля и, соответственно, помещены нами в его центр. Там, где не удалось выделить родовую сему поля, в центр помещалась сема (семы), наиболее интенсивно используемые для актуализации того или иного признака. Например, семы [unfriendliness – communicability]; [awkwardness – gracefulness]; [drastic – mild] и [fault-finding – broadmindedness] в характерологическом признаке являются наиболее частотными «представителями» именно этого признака, выражая характеристику поведения или действия, например:

knock to criticize (\rightarrow carp \rightarrow find fault), esp. unfairly; to engage in trivial or carping criticism; find fault; **crabby** grouchy (*grouch* \rightarrow find fault); ill-natured; irritable; peevish; **sourball** a

Семантическое пространство американских оценочных коллоквиализмов

chronic grouch (во всех трех примерах можно вычленить сему fault-finding – broadmindedness). В отношении данного примера отметим следующее. В отличие от разбиения слова-ря на лексико-семантические парадигмы, находящиеся между собой в отношениях включения, где парадигмой первой ступени являются части речи, членяющиеся далее на лексико-семантические группы и синонимические ряды, мы не учитываем различия по частям речи при отнесении коллоквиальных лексем к той или иной части семантического пространства как нерелевантные. Хотя разным частям речи в разной степени присуща номинация той или иной предметной области, нас прежде всего интересует круг референции оценочных коллоквиализмов как средств выражения оценки, т.е. понятийные области, которые они покрывают. Очевидно, что в определенных ситуациях единицы различной категориальной принадлежности могут выражать один и тот же смысл, ср.: After that incident he was practically a **basket case** (*someone who is made very anxious by the demands and pressures of something, esp. work; exhausted, weary*); That incident made him more **bushed** than ever (*very tired*); That incident **tuckered** him completely (*to weary; tire; exhaust*) (НАРССР).

На некотором удалении от центра располагаются семы, имеющие переменный характер, т. е. те, которые не являются возможными исключительно для данного класса. Так, сема [passivity – activity] расположена на Диаграмме 1 на периферии сферы характерологического признака, там, где область данного поля пересекается с областью поля морально-этического признака. (Стрелки (\leftarrow , \rightarrow) на схеме показывают, какому именно полю изначально принадлежит та или иная сема; откуда она может «переходить» в область других сфер). Например, у коллоквиального прилагательного slack showing a lack of activity (\rightarrow [passivity]); not busy or happening in a positive way – данная сема является актуализатором

характерологического признака, так как слово может быть использовано для характеристики действия или, в широком смысле, ситуации. Та же самая сема вычленяется и у существительного bum disapproving someone, who is very lazy (\rightarrow inactive \rightarrow [passive]); a person especially a man, who has no home or job and who gets money by asking other people for it. Однако в последнем случае, актуализируется на просто характеристика лица, обозначаемого словом **bum**, а именно морально-этическая характеристика, так как подобное поведение человека-попрошайки, не желающего работать, живущего за счет других, не соответствует нравственным нормам морали, а потому оценивается отрицательно. Таким образом, представляется возможным выделить следующие характеристики моделируемого семантического пространства оценки, а именно его подвижность и сквозной характер основных сфер. Под данными свойствами поля мы понимаем отсутствие четких границ между формируемыми сферами, в результате чего семы, находящиеся на наибольшем отдалении от центра, легко «переходят» в пространство соседнего с ними поля, но, тем не менее, не меняют своей «прописки» в «домашнем» поле. В связи со сказанным возникает необходимость пояснения, какой именно смысл вкладывается нами в содержание того или иного поля, а также обоснования отнесения некоторых сем к тому или иному признаку. В частности, объяснения требует характерологический признак как компонент семантического пространства оценки. На первый взгляд может показаться, что под этот признак целесообразно было бы подвести не только оценочные семы, помещенные нами в область этого признака, но и семы морально-этического, эмоционально-психологического, физического, интеллектуального и других признаков. Действительно, похоже, что данная сфера занимает доминирующую позицию по отношению к другим сферам, как бы вбирая в

себя семы граничащих с ней областей: тру-
сость, глупость, неряшливость, сентимен-
тальность, комфортность и т.д. – по сути
все они являются ни чем иным, как свой-
ствами, качествами, характеризующими
объект оценки. Однако мы считаем обосно-
ванным их выделение в отдельные сферы,
что обусловлено результатами компонент-
ного анализа исследуемых оценочных кол-
локвиализмов. Он показал, что при всем бо-
гатстве оцениваемых признаков и консти-
туирующих их сем, а также способности
последних репрезентировать разные оце-
ночные смыслы, отчетливо можно выявить
повторяемость использования некоторых
сем именно для одного конкретного при-
знака. Данное обстоятельство определило
выделение нами не одного или двух объем-
ных полей, а построение полицентрично-
го семантического пространства, каждая
сфера которого формируется набором ре-
презентирующих тот или иной признак
сем. Заметим еще раз, что принадлежность
оценочной семы к тому или иному полю не
препятствует ее полифункциональности,
проявляющейся в способности выражать
разную (по аспекту) оценку в зависимости
от того, на какой объект она нацелена, и
возможности использования для актуали-
зации признака/признаков других полей.
Так, семы [anxiety – composure] и [obsessed –
indifferent] (эмоционально-психологиче-
ский признак) могут выступать в качестве
сем характерологического признака и ин-
теллектуального признака соответст-
венно; сема [inept – skillful] (характерологиче-
ский признак) как сема интеллектуально-
го признака. Сема эмпирийного признака
[unpleasant – pleasant] в то же время связа-
на с эмоционально-психологическим при-
знаком, так как ощущения, приятные или
неприятные, переходят в эмоции; а также

с экстернальным признаком. Социальный
признак толкуется не только через компо-
нент значения [poor – well-off] и [unpopular –
popular], но и как социально благополуч-
ный – неблагополучный, наносящий вред
обществу; через последнюю сему ([socially
good – socially bad]) осуществляется связь
поля этого признака с полем признака со-
ответствия и т.д.

Образуемые оценочными признаками
сфера не равнозначны по объему, наибо-
лее представительными в количествен-
ном отношении являются семантические
объединения, построенные на основе
морально-этического, характерологиче-
ского и эмоционально-психологического
признаков.

Таким образом, моделируемое семантиче-
ское пространство оценки коррелирует с лек-
сико-семантическими объединениями слов,
полученных в результате их классификаций
по объекту оценки, а выделенные на основе
этого оценочные признаки представляют
собой смысловые центры, организующие се-
мантическое пространство оценки. Выделя-
ются десять основных семантических сфер,
содержание которых представлено совокуп-
ностью выделенных категориальных оце-
ночных сем, образующих бинарные оппози-
ции. Характерными чертами семантического
пространства американских оценочных кол-
локвиализмов являются его динамичность,
взаимопроницаемость сфер, а также способ-
ность оценочных сем комбинироваться друг с
другом для выражения комплексной оценки.
Семантическое пространство оценочных
коллоквиализмов в американском вариан-
те английского языка отражает особенно-
сти оценочной категоризации и указывает
на коллективные ценности американского
языкового сообщества.

Библиографический список

1. Васильев, Л. М. Теория семантических полей / Л. М. Васильев // Вопросы языкоznания. – 1971. – № 5. – С. 105–113.
2. Караполов, Ю. Н. Общая и русская идеография / Ю. Н. Караполов – М. : Наука, 1976. – 356 с.
3. Опарина, Е. О. Лингвокультурология: методологические основания и базовые понятия [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.auditorium.ru/books/1000/g12.pdf>
4. Писанова Т. В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики (эстетические и этические оценки) : автореф. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. / Т. В. Писанова. – М., 1997. – 39 с.
5. Попова, З. Д., Стернин, И. А. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2002. – 192 с.
6. Почепцов, О. Г. Языковая ментальность: способ представления мира / О. Г. Почепцов // Вопр. языкоznания. – 1990. – №6. – С. 110–124.
7. Слесарева, И. П. Проблема описания и преподавания русской лексики / И. П. Слесарева. – М., 1990. – 115 с.
8. Уфимцева, А. А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / Б. А. Серебрянников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др.; отв. ред. Б. А. Серебрянников. – М. : Наука, 1988. – С. 108–140.
9. Шайкевич, А. Я. Гипотеза о естественных классах и возможность количественной таксономии в лингвистике / А. Я. Шайкевич // Гипотеза о современной лингвистике. – М., 1980. – С. 347–382.
10. Trier, Jost. Der Deutsche Wortshatz im Sinnbezirk des Verstandes / Jost Trier. – Bonn, 1931. – 128 с.

Н.Н. Шацких
Барнаул

ЛИРИКА ХАЙКУ КАК ВЫРАЖЕНИЕ ДЗЭН-БУДДИСТСКОЙ «ЭСТЕТИКИ НЕДОСКАЗАННОСТИ»

Ключевые слова: хайку, дзэн-буддизм, имплицитная информация, подтекст, символизм.

Key words: haiku, Zen Buddhism, implicit information, underlying meaning, symbolism.

Хайку – жанр традиционной японской лирической поэзии, поэтические миниатюры созерцательно-пейзажного или медитативно-философского характера, просто, лаконично, сжато и достоверно изображающие человека и мир природы в их нерасторжимом единстве. В самостоятельный жанр эта поэзия, носившая ранее название хокку, выделилась в XVI веке; современное название было предложено в XIX веке поэтом и критиком Масаока Сики. Генетически хайку восходит к первой строфе другой японской поэтической формы – танка, от которой отличается простотой поэтического языка и отказом от прежних канонических правил. Наиболее известными авторами классических хайку являются Мацуо Басё, Ёса Бусон, Кобаяси Исса, Масаока Исса, Такахама Кёси и другие. В эпоху расцвета этого искусства в Японии хайку писали все: ремесленники и монахи, крестьяне и аристократы.

Устроить соревнование, собравшись дружной компанией, подарить хайку в благодарность за угощение и гостеприимство, написать стихотворение на воротах дома, отправляясь в дальнюю дорогу или в длительное путешествие, откликнуться на какое-то важное событие – поэзия присутствовала везде. Именно кажущаяся доступность и демократичность хайку сделала этот жанр очень популярным, особенно среди поэтов-любителей.

Формальными признаками хайку являются отсутствие рифмы и фиксированное количество слогов. Традиционное японское хайку состоит из 17 слогов, записанных в один иероглифический столбец (строку) и состоящее из трех ритмических частей по 5 – 7 – 5 слогов. Переводы японских хайку и хайку, сочиненные на других языках, принято записывать в три строки. Особыми разделительными словами – кирэдзи (яп. «режущее слово») – текст

хайку делится, как правило, на две смысловые части 12+5 или 5+12. Разделительное слово не имеет аналогов вне японского языка и заменяется в других языках знаками пунктуации – тире, запятая, двоеточие, многоточие, вопросительный знак, восклицательный знак и т. д. Часто хайку имеют «незавершенный вид», т. е. не представляют собой грамматически законченных предложений. В поэзии используется «нежёсткий» синтаксис и «ослабленная» грамматика: возможно отсутствие некоторых знаков препинания (например, точки в конце), использование только строчных букв. Например:

(1) *old pond...* старый пруд...
a frog leaps in лягушка прыгнула в воду
water's sound всплеск в тишине
 (Basho: URL)

Классические хайку строятся на соотнесении человека (автора), его внутреннего мира с природой; при этом природа должна быть определена относительно времени года. Обязательным элементом текста является киго – сезонное слово или словосочетание, дающее понять, в какое время года происходит действие стихотворения. Это может быть прямое указание на сезон – «осенний день», «летнее утро» и т. п., или упоминание праздников, событий, предметов, связанных с тем или иным временем года. Поэтому нередко в сборниках хайку подразделяются на сезоны. По мнению современных поэтов (А. Андреев, Б. Назаров, С. Чуприн и др.), киго необходимы потому, что влекут за собой определенные ассоциации, значительно расширяющие смысловую и эмоциональную ёмкость стихотворения. К тому же, традиция использования сезонных слов составляет неотъемлемую часть японской художественной культуры. Существует множество сезонных слов, которые являются традиционными; людям, не знакомым с японской культурой, да и самим современным японцам далеко не всегда удается угадать, какой сезон подразумевается – на этот случай существуют специальные словари

«сайджики», где можно узнать, например, что «луна в дымке» означает весну. Следующее стихотворение, например, содержит сезонное слово “winter”. Оно описывает зимний закат, и в голове читателя может возникать картина пылающего, ярко-красного солнца над заснеженным белым горизонтом:

(2) *winter sunset* закат зимой
shines again опять пылает
with its might во всем своем великолепии
 (Tanaka: URL).

В нашей стране и во многих других странах нет единого словаря сезонных слов, как это принято в Японии. Однако рекомендуется включать в хайку слово или словосочетание, обозначающее состояние природы на момент, описываемый в хайку. Важны не сами по себе слова, а образы, которые они вызывают. Например, «ёлочные игрушки» – Новый год, «на реке ледоход» – весна, «купаемся в реке» – лето. Так, выражение “fallen leaves” в приведенном ниже примере связывается в сознании читателя с осенним периодом времени:

(3) *fallen leaves* падают листья
scratch at the window царапая окно
the shade quivers до дрожи в темноте
 (Sakai: URL).

Мастерством хайку считается в трех строках запечатлеть момент. Должно возникнуть ощущение непосредственности и сиюминутности. В данном поэтическом жанре нет места никаким «отвлеченным рассуждениям»: каждое хайку – это момент реальной жизни, переданный простыми и ясными словами. Первая строка отвечает на вопрос «Где?», вторая на вопрос «Что?», третья на вопрос «Когда?» (однако нередки хайку и без ответа на эти извечные вопросы). Примером послужит следующее трехстишие Брюса Росса, полностью соответствующее изложенным принципам: первая строчка описывает место событий, вторая содержит информацию о том, что происходит, третья строчка

содержит упоминание о времени происходящих событий.

(4) *Abandoned house –*
заброшенный дом
The lilacs just as bright
всё так же ярки этой весной
This spring.
кусты сирени
(Graf Mur: URL).

Для хайку характерна символичность: использовать как можно меньше слов, в которые должно быть вложено как можно больше смысла, а ещё лучше – разных смыслов и всевозможных толкований – главный принцип хайку. Поэтому каждое слово здесь значит очень много. Чаще всего повествование ведётся в настоящем времени: автор представляет свои переживания, чувства, состояния. Чувство, однако, не должно непосредственно выражаться во внешнем облике хайку, его описывают, показывают его проявления, но не называют. Автор подталкивает читающего к разворачиванию своей цепочки ассоциаций. Эффект, вызываемый хайку, сравним, по мнению Алексея Андреева, с эффектом недостроенного моста: перебираться по нему на «противоположный берег» можно лишь достроив его в своем воображении (Андреев: URL).

Поэзия хайку тесно связана с философией дзэн-буддизма. Дзэн – это способ ощутить свою естественную природу, течения и желания своей души. Стать самим собой, чтобы быть самим собой каждый день – цель усилий. Иными словами, практика и учение дзэн направлены на успокоение души, на то, чтобы освободить душу от второстепенных желаний, от жёстких взглядов и ненужных привязанностей. В дзэн главное внимание на пути достижения сатори («Просветление», внезапное пробуждение) уделяется не только и не столько Священным Писаниям и сутрам, а непосредственному постижению реальности на основе интуитивного проникновения.

ния в собственную природу. Собственно, следование своей собственной природе в дзэн и есть осуществление главных принципов буддизма.

Согласно доктрине молчания в дзэн, оказавшему влияние на поэзию хайку, слово является несовершенным средством связи, оно может только подсказать, намекнуть. Хайку как поэзия использует слова, чтобы выйти в пространство неязыка. Важные принципы хайку – недосказанность, многозначность и послечувствование. Каждое хайку – это отдельный мир, полный своих образов и чувств, это картина, живущая вне строк. Стихотворение разомкнуто во времени и пространстве, поэтическая мысль наделена протяжённостью. Читатель должен сам реконструировать заложенный в хайку скрытый глубинный смысл. Часто в сборниках хайку каждое стихотворение печатается на отдельной странице. Это делается для того, чтобы читатель мог вдумчиво, не торопясь, пропустить написанное сквозь своё восприятие, проникнуться атмосферой стихотворения.

«Интуитивное проникновение за видимую и осозаемую грань мира обеспечивается благодаря предельно точно отобранной мере недосказанности, пустоты вокруг конкретных штрихов показанной обыденности в трёх строчках хайку. <...> Хайку через слова должно подводить к воротам подсознания, после которых сами слова становятся ненужными и случается внутренняя пауза внесловесного интуитивного познания» (Что такое хайку и как его писать: URL). Рассмотрим пример (стихотворение В. Симоновой):

(5) your letter
being read -
watercolors
(Русские хайку: URL)

В данном стихотворении информация, лежащая между строк, которую мы реконструируем в нашем сознании, может

быть интерпретирована следующим образом: человек, получивший и прочитавший письмо, разочарован его содержанием. Скорее всего, письмо было получено от близкого, дорогого, любимого человека, но оно не оправдало надежд адресата; возможно, мысли и чувства, выраженные в нём, не совпали с ожиданиями (экспекциями) реципиента. В примере содержится скрытое сравнение (метафора): прочитанное письмо сравнивается с акварелью, и слово «акварель» в данном конкретном контексте приобретает дополнительное негативное оценочное значение, оно начинает ассоциироваться с чем-то безжизненным, блёклым и недолговечным. В целом, всё стихотворение оставляет у читателя «послевкусие» грусти, разочарования и безнадёжности.

Можно сказать, что трёхстишия хайку, с одной стороны, представляют собой монологическое высказывание, поскольку предполагают отсутствие обратной связи с собеседником, в отличие, скажем, от диалога, в рамках которого происходит непосредственное общение двух или нескольких человек в режиме on-line, с другой стороны, хайку адресованы читателю, рассчитаны на интерпретацию читателем заложенного в них глубокого смысла, что усиливает диалогичность поэтической речи. Интерпретация недосказанности в поэзии хайку может отличаться неоднозначностью восстановления скрытого смысла читателем, многомысленным толкованием недоговоренности, что во многом зависит от фоновых (энциклопедических) знаний, жизненного опыта, психологических, половозрастных и других особенностей читателя. После прочтения читатель должен пережить эмоциональный отклик, после которого начинают развёртываться ассоциации на основе личного и, возможно, внеличного опыта.

Можно сказать, что хайку – это место встречи автора и читателя. Такое созво-

чество возможно, только если они оба находятся в едином смысловом и культурном поле. Понятное с полуслова человеку одной нации может быть не понятным человеку, живущему в другой стране с другими обычаями, привычками, традициями. Точно так же может оказаться игрой в пустые ворота описание опыта человека с другой, нежели читатель, «эмоциональной планеты». Так, например, может вызывать трудности интерпретация недосказанности, реконструирование скрытого смысла в следующем трёхстишии Мацуо Басё:

(6) *Year after year
on the monkey's face
a monkey face* в этом году опять
маска обезьяны
на морде обезьяны
(Andreev: URL)

Как отмечает исследователь японских хайку А.Андреев, в данном примере подразумевается зима (начало весны), так как описываемый обряд с одетой в маску обезьяной относится к празднованию Нового года (Andreev: URL). Отсутствие подобных фоновых знаний в тезаурусе читателя значительно затрудняет, а иногда делает невозможным восстановление содержащейся в хайку невербализованной, имплицитной информации.

Из сказанного следует, что краткость, лаконичность, смысловая ёмкость и глубина – важные составляющие хайку. Главное в хайку – не столько форма, сколько дух: передача настроения, сокровенного чувства, выраженного через описание природы, окружающего мира, передача сопричастности автора этому миру, озарения. За конкретностью изображаемого неизменно должно подразумеваться скрытое бытие вещей. Непроявленность, скрытость, оставленная читателю загадка, возможность «дорисовать», домыслить при предельно ясной простоте изложения и подачи материала – всё это делает искусство хайку таинственным, многомерным и очень популярным.

Библиографический список

1. Андреев, А. Русские хайку: путь через сеть / А. Андреев [Электронный ресурс]. – URL: <http://old.russ.ru/journal/netcult/98-09-18/andrey.htm>
2. Назаров, Б. Хоку и хайку / Б. Назаров [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.lito.ru/text/3278>
3. Русские хайку [Электронный ресурс]. – URL: community.livejournal.com/ru_haiku
4. Что такое хайку и как его писать – Досуг – Аргументы и Факты [Электронный ресурс]. – URL: www.aif.ru > Досуг > article/23957
5. Чуприн, С. Русская литература: жизнь по понятиям / С. Чуприн [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gramotey.com/?open_file=1269003080
6. Andreev, A. The Definition of Haiku / A. Andreev [Электронный ресурс]. – URL: http://haiku.ru/frog/alexey_def.htm
7. Graf, Mur. Аромат Востока. Фото-хайку [Электронный ресурс]. – URL: <http://graf-mur.holm.ru/foto-haiku/foto-haiku.htm>
8. Poet: Matsuo Basho – All poems of Matsuo Basho [Электронный ресурс]. – URL: www.poemhunter.com/matsuo-basho/
9. Tanaka, K. Haiku / K. Tanaka [Электронный ресурс]. – URL: <http://mikan.cc.matsuyama-u.ac.jp/~shiki/kim/kims-haiku.html>
10. Versions, Haiku By: Oino Sakai Page: 1 of 1 [Электронный ресурс]. – URL: www.wowwi.org.ru/cgi.../haiku_by_author.cgi?...

С.В. Шелкова
Барнаул

ЭКСПЛИКАЦИЯ ЗАЛОГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: медиопассив, значение пассива, пассив действия, пассив состояния, грамматизация.

Keywords: mediopassive, passive meaning, passive of action, passive of state, grammaticalization.

Вопрос о существовании категории залога в древнеанглийском языке остается дискуссионным. С одной стороны, считается, что в древнеанглийском периоде не было особых пассивных форм глагола, значение пассива передавалось определенными синтаксическими конструкциями, например, сочетанием глаголов-связок *beon* (*wesan*) – «быть» и *weorfan* – «становиться» с причастием II переходных глаголов (Ильиш 1968: 133, Иванова (б) 1976: 170, Растворгутева 1983: 112, Аракин 1985: 88), с другой стороны, говорится о наличии собственно грамматической категории залога (Смирницкий 1955: 280-281). Очевидно, правомерно назвать древнеанглийский период – периодом начального становления грамматических форм со значением залоговых отношений.

Для анализа и систематизации древнеанглийских средств выражения залоговых отношений целесообразно обратиться к фактам готского языка, поскольку в морфологическом строе готского языка наблюдаются общегерманские черты.

В готском языке существовали особые формы, которые принято обозначать термином «медиопассив». Формы этого средне-страдательного залога могли образовываться от всякого переходного глагола в настоящем времени (Арсеньева 1980: 110). Так, например, от глагола *haitan* «называть» были образованы следующие формы медиопассива (только в настоящем времени); формы спряжения глагола *haitan* представлены в Таблице 1.

Таблица 1
Образец спряжения
готского глагола *haitan*

	Изъявительное	Сослагательное
Ед. ч.	<i>haitada</i>	<i>haitaидau</i>
	<i>haitaza</i>	<i>haitaизau</i>
	<i>haitada</i>	<i>haitaидau</i>
Мн. ч.	<i>haitanda</i>	<i>haitaindaу</i>

Образцы перевода глагола *haitan* «называть» в настоящем времени изъявительного наклонения: *haitada* – ‘меня или его (ее) зовут’, *haitaza* – ‘тебя зовут’, *haitanda* – ‘нас, вас, их зовут’; и сослагательного наклонения *haitaидau* – ‘меня или его (ее)

бы назвали', *haitaizau* – 'тебя бы назвали', *haitaindau* – 'нас, вас, их бы назвали'.

По сравнению с системой медиопассивных форм в готском языке латинский глагол имеет более разветвленную структуру страдательных форм (Ярхо 1984: 107-108).

В древнеанглийском языке сохранились только две медиопассивные формы от сильного глагола VII класса *hātan* «называть» – форма единственного числа 1-го и 3-его лица *hātte* и форма множественного числа *hātton* (Ильиш 1968: 122).

Форма *hātte* этимологически соответствует готской форме *haitada*, а форма *hātton* образована от нее по аналогии с формами множественного числа прошедшего времени слабых глаголов. Формы *hātte* и *hātton* встречаются в древнеанглийском языке в значении как настоящего, так и прошедшего времени:

(1) *Hū ne hātte hys mōdor Maria?* («Не его ли мать зовут Марией?»)

(2) *Dā swā hātte* («Которого так звали (Даниил)») (Брунер 1956: 273-274).

Будучи изолированным остатком системы флексивного медиопассива, формы *hatte* и *hatton* не могут считаться органической составной частью системы глагола в древнеанглийском языке. Они стали особенностью только одного единственного глагола.

Значение пассива в древнеанглийском могло передаваться синтаксически с помощью составного именного сказуемого, представлявшего собой сочетание глаголов-связок *beon* (*wesan*) – «быть» и *weorfan* – «становиться» с причастием II переходных глаголов. Значение пассивности самого причастия создавало специфическую пассивную окраску именного сказуемого, в состав которого оно входило (Ильиш 1968: 134).

Различия между формами сказуемых с *beon* (*wesan*) и с *weorfan* определяются семантикой этих связочных глаголов: сочетание *beon* (*wesan*) с причастием прошедшего времени является «пассивом состо-

яния», а сочетание *weorfan* с причастием прошедшего времени – «пассивом действия» (Брунер 1956: 274). В предложении *He waes ofslagen* ('he was killed' субъект обладает качеством или признаком, являющимся результатом действия. В предложении *He weorth ofslagen* ('he became killed') субъект приобретает определенную характеристику, эксплицированную причастием.

Функция глаголов-связок состояла в соединении объекта и признака и приходилась преимущественно на выражение темпоральных отношений. Эксплицируя приписываемый признак предмету, причастие II согласуется в роде и числе с подлежащим.

(3) *Wē synd āworfene hider* («Мы изгнаны сюда») (Иванова (а), 18).

В данном случае причастие II *āworfene* выступает в форме именительного падежа множественного числа, то есть согласуется в числе и роде с подлежащим *wē*.

Наличие двух способов передачи значения пассива предопределило ход развития категории залога в среднеанглийском периоде. Дальнейший процесс грамматизации приводит сначала к исчезновению разграничений форм глаголов *beon* (*wesan*) и *weorfan* по значению, а затем и к полной утрате лексического значения глаголов-связки *wesen* (*ben*) и к превращению его во вспомогательный глагол, а функция выражения временных отношений становится вторичной. Одновременно с окончательной утратой глаголами *wesen* (*ben*) и *wurthen* своего лексического значения исчезает и согласование бывшего предикативного члена с подлежащим. В среднеанглийском периоде причастие теряет падежные окончания и становится неизменяемой формой. В результате возникает аналитическая форма пассива, характеризующаяся неразрывной слитностью её частей, из которых первая (т. е. вспомогательный глагол) полностью лишена своего лексического значения и которые в со-

вокупности передают значение пассива:

(4) *<...> and bathed every veyne in swich licour, of which vertu **engendred is** the flour* (Иванова (а), 56).

В заключении отметим следующее.

1. Языковое изменение отражает результат изменения мировоззрения человека. Стремление к симметричной, сбалансированной организации языковой системы с учетом общих германских тенденций развития предопределило развитие залоговых отношений в английском языке.
2. Причиной расширения древнеанглийской системы залоговых отношений

явилось внутреннее противоречие между наличными средствами (сочетанием глаголов-связок *beon* (*wesan*) – «быть» и *weorfan* – «становиться» с причастием II переходных глаголов) и потребностью выражения необходимых значений предметно-объектных отношений.

3. Разрешение противоречия в английском языке актуализировалось посредством перехода глагольных сочетаний связок *beon* (*wesan*) и *weorfan* с причастием II переходных глаголов в аналитическую форму *to be* с причастием II посредством замещения и переинтеграции исходных глагольных сочетаний.

Библиографический список

1. Аракин, В. Д. История английского языка : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / В. Д. Аракин. – М. : Просвещение, 1985. – 256 с.
2. Арсеньева, М. Г. Введение в германскую филологию : учебник для I-II курсов филол. фак. ун-тов / М. Г. Арсеньева, С. П. Балашова, В. П. Берков, Л. Н. Соловьева. – М. : Высшая школа, 1980. – 319 с.
3. Бруннер, К. История английского языка / К. Бруннер. – Т. 2. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1956. – 392 с.
4. Иванова, И. П (а). Хрестоматия по истории английского языка : учеб. пособие / И. П. Иванова, Т. М. Беляева. – Л. : Просвещение, 1980. – 191 с.
5. Иванова, И. П. (б). История английского языка : учебник / И. П. Иванова, Л. П. Чахоян. – М. : Высш. школа, 1976. – 319 с.
6. Ильиш, Б. А. История английского языка / Б. А. Ильиш. – М. : Высш. школа, 1968. – 420 с.
7. Растворгугева, Т. А. История английского языка : учебник / Т. А. Растворгугева. – М. : Высшая школа, 1983. – 347 с.
8. Смирницкий, А. И. Древнеанглийский язык / А. И. Смирницкий. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1955. – 318 с.
9. Ярхо, В. Н. Латинский язык : учебник для пед. ин-тов / В. Н. Ярхо, Н. Л. Кацман, З. А. Покровская и др. ; под общ. ред. В. Н. Ярхо, В. И. Лободы. – М. : Высшая школа, 1984. – 384 с.
10. Berndt, R. History of the English Language / R. Berndt. – Berlin, 1982. – 240 p.

Раздел III

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ (REPORTS)

НАРУШЕНИЕ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ КАК ОСНОВА СОЗДАНИЯ ЭФФЕКТА ОБМАНУТОГО ОЖИДАНИЯ

Ключевые слова: эффект обманутого ожидания, предсказуемость/непредсказуемость, причина и следствие, случайное, стилистические средства.

Key words: defeated expectancy effect, decidability/accidentalness, cause and effect, occasion, stylistic devices.

Развитие событий в реальной действительности подчинено действию определённых законов детерминации, одним из проявлений которых являются причинно-следственные зависимости, другим – темпоральная последовательность, третьим – наличие модусов существования (*необходимо, возможно*). Основываясь на наличии не обязательно-научного знания, а обычных эмпирических наблюдений, человек в большинстве случаев способен предугадать и объяснить возможный исход, последствия того или иного действия, поступка, события, природного явления. В то же время существуют такие ситуации, в которых невозможно предугадать последующий ход событий. Случай, в которых человек может предсказать дальнейшее развитие событий, подчинены действию причинно-следственных связей, а те ситуации, которые не позволяют предвидеть их исход, связаны с понятием случайного.

Всеобщая обусловленность явлений в природе объясняется наличием причинно-следственных отношений. Эмпирическое знание, полученное опытным путём, позволяет человеку как объяснять происходящее, так и прогнозировать события. Наблюдая, например, гололёд как явление, как определённое следствие и факт, можно предположить, что причиной его возникновения послужило резкое похолодание после оттепели или дождливой погоды.

Самая ранняя попытка дать определение понятию «причина» была предпринята ещё Аристотелем, который подразделял причины на формальные (форма предмета и образец, по которому он выполнен), ма-

териальные (материал, из которой сделан предмет), движущие (источник, действующий фактор, производящий движение) и целевые (цель, ради которой было произведено действие) (Аристотель 1975: 23). Таким образом, цель представляет собой конечный результат намеренно совершаемого действия и квалифицируется как следствие некоторых интенций, определяемых желанием, стремлением, необходимостью, вынужденностью. Предложенная Аристотелем классификация подразумевает наличие внешних (движущих) и внутренних (формальных, материальных и целевых) причин. В разных областях знания существуют различные определения понятия причинности, но наиболее точное и ёмкое определение этого понятия даётся в сфере естественных наук. В частности, в механике причинность трактуется как определённая связь состояний тела, позволяющая на основе знания предыдущих состояний тела и действующих на него сил, предсказать его последующее состояние (Магомедов 1969: 54). В философии принято рассматривать две составляющие причинности: причину и следствие, при этом под причиной понимается взаимное воздействие, а под следствием – вызываемое этим взаимодействием изменение вещей (Свечников 1961: 9). Исследователи, занимающиеся изучением причинно-следственных связей, придерживаются разных точек зрения в вопросе о временному соотношении причины и порождаемого ею следствия. Если Аристотель полагал, что причина одновременна своему следствию (например, обучающий и обучаемый в про-

цессе обучения) (Аристотель 1975: 218), то в современной науке высказывается мнение, согласно которому причина и следствие отделены друг от друга в пространственном и временном отношениях (Свечников 1961: 7). При этом следствие может возникнуть как сразу вслед за причиной, так и по истечению определённого промежутка времени. Также известны случаи, когда следствие может отсутствовать при кажущемся наличии причины, что характеризуется как неполная причина (Гоббс 1926: 85). Беспричинные явления невозможны, что объясняется законами существования материи и движения, исключающими возникновение чего-либо из ничего (Кузнецов 1960: 23). Причинность может включать в себя не только отношения между предметами и явлениями (предметная причина), но и связь мыслей (логическое обоснование). Наличие этих двух видов причинно-следственных отношений обусловлено существованием двух различных уровней познания человеком объективной действительности: эмпирического и теоретического (Теремова 1985). Итак, причина как первая составляющая понятия причинности всегда предшествует второй его составляющей (или является одновременной ей), а также является необходимым условием, предпосылкой или основой существования второй составляющей понятия причинности – следствия.

В случаях, когда причинно-следственная связь нарушается, и следствие не соответствует причине, говорят о случайности, произошедшей внезапно, неожиданно и вопреки предполагаемому исходу событий. Согласно классической логике, какая-либо вещь может или существовать, или не существовать, а какое-либо явление может или происходить, или не происходить. Однако как в повседневной жизни, так и в науке приходится сталкиваться со случаями, когда в действительности не только есть что-то или нет чего-то, но и когда что-то или должно быть, или не должно

быть. Сами эти словосочетания «должно быть» и «не должно быть» относятся к области модальной логики. Отмечается, что основоположником модальной логики является также Аристотель, говоривший о таких модусах существования, как «необходимо», «возможно», «случайно» и т. д. (Ивин: URL). Руководствуясь наличием определённого опыта в той или иной сфере, человек полагает, что какая-либо причина должна повлечь за собой определённое следствие, и ожидает, что развитие событий в действительности удовлетворит предполагаемому исходу событий. Однако если в процесс развития событий вмешивается какое-либо непредсказуемое событие, случайность, то все ожидания по поводу предполагаемого следствия могут оказаться напрасными, поскольку наряду с первопричиной возникает дополнительная причина, как бы отменяющая предполагавшееся первой причиной следствие и порождающая новое, неожиданное и непредсказуемое следствие. Можно предположить, что эта ситуация связана с упоминавшимся выше случаем неполной причины, когда следствие или отсутствует при наличии причины, или не соответствует ей. Таким образом, причинно-следственные связи не являются непоколебимыми, поскольку наличие непредсказуемых факторов, случайностей может разрушить эту каузальную связь.

Поскольку художественное произведение строится по образу и подобию мира реального, то в нём, как в зеркале, отражается, воспроизводится, проецируется реальный или структурируется возможный мир. Поэтому нарушение причинно-следственных связей может наблюдаться в художественных произведениях. Интрига художественного произведения, выстраиваемая автором, обычно позволяет предвидеть возможные пути её развертывания. Однако читатель может столкнуться с неожиданным поворотом, непредсказуемым завершением. В стилистическом опре-

делении такая структура создаёт эффект обманутого ожидания. Эффект обманутого ожидания представляет собой способ формальной организации текста, фокусирующий внимание читателя на определённых элементах сообщения, посредством нарушения предсказуемости. Это один из наименее изученных эффектов, как в плане форм его актуализации, так и в плане создания прагматических смыслов. Суть данного эффекта заключается в следующем: непрерывность и линейность речи означают, что появление каждого последующего элемента подготовлено предшествующими и само подготавливает последующие. Другими словами, последующее частично дано в предыдущем. При такой связи переходы от одного элемента к другому малозаметны, сознание как бы скользит по воспринимаемой информации. Однако если на этом фоне появляются элементы малой вероятности, то возникает нарушение непрерывности, при этом неподготовленное и неожиданное создаёт сопротивление восприятию, преодоление этого сопротивления требует определённого усилия со стороны читателя, а потому сильнее воздействует на него. Явление это замечено уже давно, а в современной стилистике рассматривается в трудах Р. Фаулера (Fowler 1967), М. Риффатера (Риффатер 1980), Дж. Лича (Leech 1981) и Р. Якобсона (Якобсон 1987). Сам термин «эффект обманутого ожидания» был введён Р. Якобсоном (Арнольд 1990).

Обманутое ожидание в том или ином виде встречается в любой области искусства. В языковой экспликации данный эффект может проявляться в словосочетании и предложении. Например, в словосочета-

нии *implacable friend* обращает на себя внимание непривычная для восприятия читателя комбинаторика. По определению И. М. Фейгенберга, вероятностное прогнозирование представляет собой мысленный обгон в процессе чтения (Feigenberg 1967). Это значит, что, читая прилагательное *implacable*, можно предположить, что определяемым к нему будет существительное *enemy*, поскольку словосочетание *implacable enemy* является устойчивым. Согласно норме языковой актуализации, антонимичные слова, которыми являются существительные *friend* и *enemy*, не могут иметь идентичной комбинаторики. Если же эта норма нарушается, на читателя воздействует эффект обманутого ожидания.

Рассмотрим ещё один пример:

In moments of crisis <...> I size up the situation in a flash, set my teeth, contract my muscles, take a firm grip of myself and, without a tremor do the wrong thing (Shaw: URL).

В данном предложении все предпринимаемые для выхода из кризиса попытки расположены в порядки увеличения их интенсивности, иными словами в этом предложении использован приём градации, служащий созданию некоторого напряжения. Однако всё созданное градацией напряжение мгновенно исчезает после прочтения последних слов предложения (относительно того, что все эти попытки предпринимались напрасно, и всё равно была допущена какая-то ошибка).

Таким образом, можно говорить о том, что эффект обманутого ожидания в художественном произведении возникает в результате нарушения причинно-следственных связей, что приводит к непредсказуемости развития событийной линии.

Библиографический список

1. Аристотель. / Аристотель. Соч. В 4-х т. – М. : 1975-1983.
2. Арнольд, И. В. Стилистика современного английского языка / И. В. Арнольд. – М.: Высшая школа, 1990. – 295 с.
3. Гоббс, Т. Избранные сочинения / Т. Гоббс. – М.-Л. : Гос. изд., 1926.
4. Ивин А. А. Логика : учебное пособие [Электронный ресурс] / А. А. Ивин. Издание 2-е. – М. : Знание, 1998. – URL (библиотека Гумер): http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Ivin/_Index.php
5. Риффатер, М. Критерии стилистического анализа / М. Риффатер. – М. : Прогресс, 1980. – 436 с.

6. Свечников, Г. А. Категория причинности в физике / Г. А. Свечников. – М. : Соцэгиз, 1961.
7. Якобсон, Р. О. Лингвистика и Поэтика / Р. О. Якобсон. – М. : Прогресс, 1987. – 461 с.
8. Feigenberg, L., Introduction to Satire / L. Feigenberg. – Iowa, 1967. – 293 p.
9. Fowler, R., Essays on Style and Language. Linguistic and Critical Approach to Literary Style / R. Fowler. – Ldn, 1967. – 329 p.
10. Leech, G. A., Short, M. H. Style in Fiction. A Linguistic Introduction to English Fictional Prose / G. A. Leech, M. H. Short. – Longman, 1981. – 232 p.

Список источников иллюстративного материала

1. Show, B. Steady Nerves in a Crisis / B. Show [Электронный ресурс]. – URL: http://www.triviumpursuit.com/speech_debate/pieces.php

О.В. Бастрыкина
Барнаул

АКТУАЛИЗАЦИЯ СИТУАЦИИ ИДЕНТИФИКАЦИИ В ПРОЦЕССЕ СРАВНЕНИЯ

Ключевые слова: идентификация, ситуация, сравнение, знание, узнавание.

Key words: identification, situation, comparison, cognition, recognition.

Формирование представлений о любом предмете или явлении действительности предполагает восприятие его характерных признаков, свойств, особенностей, составляющих содержание понятия «качество». Установление качественной определенности предмета является необходимым условием выделения данного предмета из массы других для описания его сущности. Функционирующее таким образом сравнение, принадлежащее как логической, так и психологической сфере деятельности людей, позволяет идентифицировать данные объекты, выявляя степень их сходства или различия. В языке идентифицирующее сравнение проявляется на синтаксическом уровне в виде определенных ситуативных предложений. Целью данной статьи является рассмотрение ситуаций выражения идентифицирующего сравнения в английском языке.

Предложения идентификации представляют собой «тождество объекта самому себе путем сопоставления свойств, признаков, фактов и т. п., данных в непосредственном наблюдении или поступающих по каналам информации, со сведениями или впечатлениями, вытекающими из прошлого опыта» (Арутюнова 2002: 284), то есть в идентифицирующих предложениях

ях речь идет о тождественности разных выражений в отношении одного и того же предмета, явления, но каждый раз обозначенного различным образом. Ситуация идентификации – это ментальное действие, в которое вовлекается анализ фактов, объектов, событий, процессов, опирающийся на практический и конвенциональный опыт и знания, представленные в виде определенной структуры. В соответствии с принципом структурной организации в исследуемых ситуациях можно выделить следующие компоненты: 1) объект, который подвергают идентификации, 2) объект, с которым идентифицируют первый объект, 3) свойство, по которому идентифицируют сравниваемые объекты. Свойство, или признак-основание, является ключевым элементом идентификации, поскольку идентификация предполагает два взаимосвязанных этапа – обнаружение общего признака явлений и их сопоставление на основе обнаруженного общего признака. В целом, структура идентифицирующих отношений отражает структуру операции логического сравнения, и сохраняется во всех ее языковых воплощениях.

Отношения идентификации подвергаются различным классификациям, но

наиболее убедительной и обоснованной представляется позиция Н.Д. Арутюновой, которая разделяет ситуации идентификации на пять типов:

1. ситуация детективного поиска;
2. ситуация перехода от знания к знакомству;
3. ситуация «воплощенной мечты»;
4. ситуация узнавания;
5. ситуация идентификации личности (Арутюнова 2002: 291-298).

Каждый из выделенных типов обладает индивидуальным набором характеристик рассматриваемой ситуации. Рассмотрим подробнее представленные классы.

1. Отношения идентификации в ситуации детективного поиска имеют предпосылкой существование некоторого предмета или лица, идентифицируемого объекта, факт существования которого вытекает из сведений о совершенном событии, то есть, если произошло действие, то неизбежно существует лицо, принимавшее в нем участие. Например:

(1) *It was Hagen who went to open the door* (Puzo, 331).

(2) *"Who is that?" I asked.*

"Mr. Candy's assistant," said Betteredge (Collins, 321).

В предложении (1) четко и ясно идентифицируется исполнитель действия: открывающий дверь идентичен Хэйгану. Мы наблюдаем принцип отличительности в сравнении – не кто иной, как Хэйган пошел открывать дверь.

Пример (2) также индивидуализирует определенное лицо, идентифицируя появившегося на пороге человека именно с помощником мистера Кэнди.

2. Ситуацию перехода от знания к знакомству можно назвать вариантом ситуации детективного поиска, поскольку они близки по смыслу. Иллюстрируя данную ситуацию, необходимо определить, какой объект является искомым, а именно, «осуществить переход от признаков к субстанции» (Арутюнова 2002: 294). Для это-

го следует проанализировать имеющуюся информацию, а именно: некоторые данные о предмете или лице и знания о том, что объект входит в наблюдаемое множество. Поставленная задача решается в зависимости от характера имеющихся данных – если идентифицирующая информация указывает на индивидуальные, особенные черты предмета, то идентификация проходит успешно, говорящий не рискует разойтись во мнении с адресатом. Приведем примеры:

(3) *"You even carried your audacity far enough to ask to speak to me about the loss of the Diamond – the Diamond which you yourself had stolen; the Diamond which was all the time in your own hands!"* (Collins, 348)

(4) *"Their deputy hears a certain number named in the public-house as the number of the room which the sailor is to have for the night – that being also the room (unless our notion is all wrong) which the Diamond is to have for the night too"* (Collins, 438).

В примере (3) утерянный бриллиант безошибочно идентифицируется с тем бриллиантом, который украл адресат этого пламенного обращения и который находился все время у него на руках. Последние два довода являются основанием идентифицирующего сравнения.

Действительный образ комнаты/номера в предложении (4), при сравнении с представляемым образом, порождает стандартизированное следствие – результат всего высказывания в нескольких вариантах опознавания – та самая комната; это и есть та комната; именно та комната и т. п.

3. В случае сопоставления искомого или ожидаемого с действительным происходит ситуация воплощения мечты. Реальный идентифицируемый объект может соответствовать предъявляемым требованиям (реакция будет положительной), а может отличаться частично или полностью от воображаемого образа (реакция будет отрицательной). Рассмотрим следующие примеры:

(5) "Betteredge," I said, pointing to the well-remembered book on his knee, "has Robinson Crusoe informed you, this evening, that you might expect to see Franklin Blake?"

"By the lord, Harry, Mr. Franklin!" cried the old man, "that's exactly what Robinson Crusoe has done!" (Collins, 296)

В примере (5) отношения предикации – приписывание предмету (в данном случае лицу) некоторых признаков, а именно, исполнение предсказания о появлении мистера Франклина, – не противопоставляются отношениям тождества-идентичности возможного предвидения реальному описанию в книге.

В приведенном ниже предложении (6) объект Mr. Bruff выполняет возложенные на него обязательства (предикация состоит в описании нежелательного действия со стороны исполнителя); правда, то, что он делает, неверно с профессиональной точки зрения детектива, на что указывает выражение *what I had dreaded he would do*:

(6) Mr. Bruff had done exactly what I had dreaded he would do, when he asked Mrs. Ablewhite for Rachel's bonnet and shawl (Collins, 264).

Таким образом, в представленном примере осуществляется идентификация предполагаемого действия с реальным, но она имеет отрицательную коннотацию.

Пример (7), наоборот, подчеркивает удовлетворение от исполнения желаемого, от «воплощения мечты»; отношения предикации осмысляются как отношения идентичности желаемого реальности:

(7) A report of my conversation in the library with Mr. Bruff appeared to me to be exactly what was wanted to answer this purpose – while, at the same time, it possessed the great moral advantage of rendering a sacrifice of sinful self-esteem essentially necessary on my part (Collins, 226).

4. В ситуации узнавания сравниваются признаки из предыдущего опыта лица (предмета) с непосредственно наблюдаемыми признаками. В самой ситуации

может присутствовать глагол *recognize*, с помощью которого устанавливаются данные либо из настоящего опыта, либо данные, относящиеся к прошлому. В отличие от предыдущих сходных типов ситуаций (например, ситуация детективного поиска и ситуация перехода от знания к знакомству), идентифицирующая ситуация узнавания не создает разнообразных положений, ее семантика однозначна – узнать в ком-то кого-то. В подтверждение этому обратимся к примерам, иллюстрирующим ситуации узнавания.

В представленном случае узнавания (8) глагол *recognize*, ядром лексического значения которого является значение 'perceive to be identical with something previously known' прямо идентифицирует реально существующий объект Johny Fontane с узнанным:

[perceive to be identical with something previously known]

[identify from knowledge of appearance or character]

[know again]

[...] (HEWD, 1309)

(8) She recognized Johny Fontane as he went by her and her eyes opened wide (Puzo, 36).

Ситуацию узнавания без глагола *recognize* иллюстрирует пример (9):

(9) Again I drowsed and found myself alone in a blacked-out room and someone touched me with a cold hand. I woke and it was Mr. Fernandez who had, I suppose, been surprised by the steep roll of the boat and had steadied himself against me (Green, 16).

Это типичный случай идентификации подлинного объекта – "someone" – с непосредственно встретившимся в жизни говорящего – *Mr. Fernandez*.

5. Ситуация идентификации личности отличается от предыдущей тем, что возникает необходимость узнать сведения об объекте из его прошлого, так как они от-

существуют в данной ситуации, в то время как сам объект дан в актуальном опыте.

Установить личность – значит отождествить данное лицо с субъектом, о котором есть необходимая информация, относящаяся к другому периоду существования. В основном, установление личности имеет два ситуативных варианта: а) поиск скрывшегося субъекта, требующий идентификации личности, б) отсутствие сведений о некотором лице.

Пример (10) демонстрирует ситуацию, в которой идет поиск скрывшегося субъекта, при этом используется существительное *recollection* и глагол *to remind*, чтобы напомнить человеку необходимую информацию:

(10) *Have you any recollection, my dear sir, of a semi-savage person whom you met out at dinner, in London, in the autumn of 'forty-eight? Permit me to remind you that this person's name was Murthwaite and that you and he had a long conversation together after dinner* (Collins, 461).

Представим вариант ситуации идентификации личности при отсутствии сведений о ней следующим образом:

(11) *"Mr. Betteredge," she said, without taking her eyes off me, "mention his name again, if you please."*

"This gentleman's name," answered Betteredge (with a strong emphasis on gentleman), "is Mr. Franklin Blake." (Collins, 304)

В указанном аспекте принимается во внимание только наличие самого субъекта – *Franklin Blake* и информация о его положении в обществе – *Mr. и gentleman*.

Итак, проведенный анализ материала показал, что идентифицирующее сравнение актуализируется в языке при помощи идентифицирующих высказываний, которые определяются пятью основными ситуациями идентификации: ситуацией детективного поиска, перехода от знания к знакомству, «воплощенной мечты», ситуацией узнавания и идентификации личности. Каждый из выделенных типов отличается набором индивидуальных характеристик, реализуемых в той или иной ситуации. Подводя итог сказанному, можно утверждать, что идентификация базируется на тождественности разных выражений в отношении одного и того же предмета или явления.

Библиографический список

1. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы) / Н. Д. Арутюнова. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 384 с.
2. [HEWD] Hamlyn Encyclopedic World Dictionary. – Hamlyn, 1971.

Список источников иллюстративного материала

1. Collins, W. The Moonstone / W. Collins. – Penguin Books, 1994. – 464 p.
2. Greene, G. Comedians / G. Green. – М. : Менеджер, 2004. – 327 с.
3. Puzo, M. The Godfather / M. Puzo. – Санкт-Петербург, Антология, 2004. – 380 с.

М.О. Германова
Барнаул

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ФАКТУАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ В АККОЛАДЕ

Ключевые слова: акколада, вторичный текст, функция оценочная, функция информативная, типы информации.

Key words: accolade, a derived text, evaluating function, informative function, types of information.

Английская и американская издательские традиции предполагают письменное сопровождение издаваемого произведения определенной формы, созданное

в результате аналитико-синтетической обработки первичного текста. Эту форму мы именуем акколадой. Акколада – это вторичный текст. Под вторичным текстом

понимают компрессированный или адаптированный текст, передающий основную информацию оригинала (ТПС 2003: 34).

Термин *вторичный текст* был введен в научный обиход М.В. Вербицкой применительно к пародиям, стилизациям и перифразам (Бабина 1998). В своей диссертации на тему теории вторичных текстов М.В. Вербицкая рассматривает пять параметров, по которым различаются вторичные тексты: предмет, объект изображения, на который направлена авторская идейно-эмоциональная оценка; характер этой идейно-эмоциональной оценки; отношение к используемой образно-стилистической системе; творческий замысел автора вторичного текста, причины использования «чужого стиля» (Вербицкая 2000: 9).

Вслед за М.В. Вербицкой, Л.В. Полубиченко относит к вторичным также тексты перевода и дайджест-адаптации (дигетсы) (Полубиченко 1991: 12). В.Е. Черняховская исследовала вторичные тексты научной коммуникации, среди которых она выделяет научно-информационные (реферат, аннотация, резюме-выводы) и научно-критические (рецензия и критический обзор) (Бабина 1999: 16).

В.И. Карасик, анализируя понятие вторичный текст, к числу признаков, определяющих его типологию, относит объем, оценку, сложность и код (Карасик 1997: 69).

В отличие от М.В. Вербицкой и В.И. Карасика, Л.М. Майданова классифицирует вторичные тексты на основании одного признака: смена автора, под которой подразумевается замещение одной интенции другой (Майданова 1994:82). Согласно этому признаку Л.М. Майданова выделяет три группы вторичных текстов: воспроизведение первичного текста, циклизация первичных текстов, диалог с первичным текстом.

Являясь вторичным текстом, кратко воспроизводящим и оценивающим первичный текст, акколада содержит перечень основных разделов, тем или вопросов, рассматриваемых в книге. Акколада

может включать указание адресата (для кого она предназначена) и служит источником информации о содержании работы. Практической значимостью акколады является отражение отличительных особенностей и достоинств издаваемого произведения, помогающих читателям сориентироваться в их выборе.

Акколада является самостоятельным жанром, при этом обладает характеристиками и аннотации, и рецензии. Как и аннотация, акколада даёт ответ на вопрос: «О чём говорится в первичном документе?» Однако перед текстом аннотации присутствуют еще и выходные данные (автор, название, место и время издания) в номинативной форме. В равной степени с аннотацией акколада описывает и рекомендует к прочтению первичное произведение.

Согласно главной интенции автора или авторов акколады, она вслед за рецензией может быть отнесена к жанру газетно-журнальной публицистики и литературной критики. Однако рецензирование научных статей и монографий перед публикацией выполняется учёными-специалистами в той же области, тогда как в акколаде может быть изложено мнение неспециалистов. В акколаде отсутствуют характерные для рецензии предмет, актуальность темы, недостатки и выводы рецензента.

Структура акколады вариативна и состоит из нескольких частей. Как правило, основными являются две. Первая – краткое содержание литературного произведения, в котором описывается сюжет, основной конфликт, а также дается представление о главных героях (синопсис).

(1) *Charlie Asher is a pretty normal guy. Perhaps a little more a Beta than an Alpha Male, but he makes a good living and has a pretty wife who's currently in hospital about to have their first child, so life is, on the whole, good* (Moore, 441).

Вторая часть – оценочная, характеризующая сюжет, стиль, персонажей и значимость данного произведения в библиографии автора.

(2) *From the offer of the New York Times bestseller P.S. I Love You comes an "engrossing new novel... filled with family secrets, intrigue and magic aplenty" (Ahern: www).*

Оценочная часть акколады может быть написана издательством, литературным критиком или другим автором той же литературной эпохи.

(3) *"An irresistible read... packed with surprises." – PEOPLE (Grisham: www).*

Американские авторы Чип и Дэн Хэт в книге "Made to Stick" утверждают, что акколада, привлекающая внимание людей, обладает следующими качествами: простота, неожиданность, нехватка знаний, конкретика, убедительность и правдоподобие, эмоциональность, наличие истории (Heath 2007: 254-260).

Однако основной функцией акколады является информативная, поскольку акколада – вторичный текст, призванный рассказать содержательную информацию о произведении, тем самым заинтересовать потенциального читателя.

И.Р. Гальперин выделяет три вида содержательной информации в тексте: содержательно-фактуальную (СФИ), содержательно-концептуальную (СКИ) и содержательно-подтекстовую (СПИ). *Содержательно-фактуальная информация* включает сообщения о фактах, событиях и процессах, она эксплицитна по своей природе. *Содержательно-концептуальная информация* сообщает читателю индивидуально-авторское понимание отношений между явлениями, описанными средствами СФИ, понимание их причинно-следственных связей. *Содержательно-подтекстовая информация* представляет собой скрытую информацию. Подтекст всегда имплицитен. Он присутствует не во всех текстах. Поэтому данный вид информации является факультативным (в отличие от первых двух основных видов) (Гальперин 1981: 27-30).

Единицы языка, используемые для выражения содержательно-фактуальной информации, обычно употребляются в их

прямых, предметно-логических, словарных значениях, закрепленными за этими единицами социально-обусловленным опытом:

(4) *Harvard professor Robert Langdon receives a ... late-night phone call while on business in Paris: the elderly curator of the Louvre has been ... murdered inside the museum (Brown, 609).*

Излагая фактуальную информацию в синопсисе, автор акколады нередко прибегает к цитированию, что позволяет привлечь внимание читателя к тексту произведения, его языку:

(5) *"Some Americans say it tastes like chicken" (Bombeck, 281).*

Поскольку целью синопсиса является краткое изложение произведения, в акколаде широко используется описание модели развития сюжета, часто прерванное на кульминации:

(6) *At the age of forty, John Strickland is a success. His career as a barrister has earned him financial security and homes... Bored with his job, Strickland sees salvation in a new life as a Labor MP, a move he hopes will rekindle the fires of his youthful ideas... (Read, 287).*

Одним из способов передачи фактуальной информации, показывающей отнесенность содержания произведения к определенным времени и месту, является употребление таких членов предложения, как обстоятельства времени и места, выраженными числительными и географическими названиями:

(7) *...what happened that night in 1995 in Blue Eye, Arkansas (Hunter, 519).*

Таким образом получается, что одна из основных целей акколады, передача фактуальной информации художественного произведения, реализуется в данном типе вторичных текстов в первую очередь единицами языка в их предметно-логических, словарных значениях. Следующим способом передачи фактуальной информации авторы акколад видят цитирование первичного текста и пересказ модели разви-

тия сюжета, что приближает акколаду к первичному тексту. Кроме того, часто используются даты и географические на-

звания, которые конкретизируют отнесенность произведения к определенным времени и месту.

Библиографический список

1. Бабина, Л. В. О своеобразии романа-продолжения как вторичного текста / Л. В. Бабина // Связи языковых единиц в системе и реализации. – Тамбов, 1998. – С. 170–173.
2. Бабина, Л. В. «Вторичные тексты», вторичность и интертекстуальность / Л. В. Бабина // Онтология языка и его социокультурные аспекты : материалы конф. аспирантов и молодых ученых Ин-та языкоznания РАН (1998 г.). – М., 1999. – С. 15–19.
3. Вербицкая, М. В. Теория вторичных текстов: на материале современного английского языка : автореф. дисс. ... д-ра филол. наук / Вербицкая Мария Владимировна. – М., 2000. – 47 с.
4. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 144 с.
5. Карасик, В. И. Типы вторичных текстов / В. И. Карасик // Языковая личность: проблемы обозначения и понимания : тезисы докл. научн. конф. Волгоград 5-7 февраля 1997 г. / ВГПУ – Волгоград : Изд-во ВГПУ «Перемена», 1997. – С. 69–70.
6. Майданова, Л. М. Речевая интенция и типология вторичных текстов / Л. М. Майданова // Человек – Текст – Культура : коллект. монография / под ред. Н.А. Купиной, Т.В. Матвеевой. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1994. – С. 81–104.
7. Полубличенко, Л. В. Филологическая типология: теория и практика : автореф. дисс. ... докт. филолог. наук / Лидия Валериановна Полубличенко. – М., 1991. – 12 с.
8. Heath, Ch., Heath D. *Made to Stick / Ch. Heath, D. Heath.* – Atrandom, 2007. – Р. 254–260.
9. [ТПС] Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин ; 3-е издание, переработанное. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 320 с.

Список источников иллюстративного материала

1. Ahern, C. Book of Tomorrow / C. Ahern [Электронный ресурс]. – URL: http://www.harcollins.com/books/Book-Tomorrow-Cecelia-Ahern/?isbn=9780061706301?AA=index_Recent-Books_33492
2. Bombeck, E. When You Look Like Your Passport Photo, It's Time To Go Home / E. Bombeck. – New York : Harper Paperbacks, 1991. – 281 p.
3. Brown, D. The Da Vinci Code / D. Brown. – London : Corgi Books, 2004. – 609 p.
4. Grisham, J. The Partner / J. Grisham [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.jgrisham.com/the-partner/>
5. Hunter, S. Black Light / S. Hunter. – London : Arrow Books, 2003. – 519 p.
6. Moore, C. A Dirty Job / C. Moore. – London : Orbit, 2007. – 441 p.
7. Read, P. A Married Man / P. Read – London : Pan Books Ltd, 1981. – 287 p.

М.А. Истомина
Барнаул

КАТЕГОРИЯ ОЦЕНКИ В СТРУКТУРЕ ЖАНРА ФИЛЬМ-РЕВЬЮ КАК ОСОБОГО ТИПА ДИСКУРСА

Ключевые слова: оценка, дискурс, фильм-ревью.

Key words: evaluation, discourse, film-review.

В современной лингвистике существует несколько подходов к определению понятия дискурса. Однако все авторы сходятся во мнении, что дискурс не может быть определен как просто связный текст, потому как его обязательными параметрами являются экстралингвистические факторы – прагматические, социокультурные, психологические и другие. Дискурс скорее представляет собой текст, взятый в событийном аспекте; т. е. речь, рассматриваемую как целенаправленное социальное

действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах) (ЛЭС: URL). Важной составляющей дискурса является эмоционально-оценочная сторона высказывания, основной функцией которой является функция воздействия на участников коммуникативного акта.

Категория оценки получила широкое рассмотрение в лингвистике. Являясь универсальной категорией, оценка выражает отношение говорящего к объекту действи-

тельности. Н.В. Ильина определяет категорию оценки как умственный акт, являющийся результатом взаимодействия человека с окружающей его действительностью (Ильина 1984). С точки зрения культурологии категория оценки – социально закрепленное явление, т. е. оценки определяются общепринятыми эталонами в сфере социальных, интеллектуальных и моральных явлений, общественно сложившимися нормами, существующими в данном культурологическом сообществе (Данилова 2011). Иными словами, «оценка – есть способность субъекта к функциональному отражению в сознании явлений объективной и субъективной реальности, заключающаяся в определении их значимости для деятельности человека» (Гранин 1987: 66).

Следуя логической теории, некоторые ученые предлагают квалифицировать оценку как один из видов модальностей. Так, в частности, считает Е.М. Вольф, справедливо полагая, что оценочность «накладывается на дескриптивное содержание языкового выражения» (Вольф 2002: 11). Это не противоречит логике восприятия и экспликации воспринимаемого, исходя из того, что восприятие факта и его оценивание осуществляются как последовательные действия. Вместе с тем, можно равным образом предположить, что оба действия симультаны, то есть происходят одновременно. Однако, безусловно, следует согласиться с тем, что восприятие и оценивание – это два разных действия и в языке они представлены соответственно дескрипцией и оценкой. Что касается модального характера оценки в лингвистическом толковании проблемы, то это положение верно лишь в случае очень широкого понимания модальности, в плане ее определения как модусной, «надстроечной» по отношению к пропозитивному содержанию категории.

Сказанное подводит к казалось бы логическому выводу о том, что любая оценка является субъективной. Но как в аксиологии, так и в лингвистике принято считать,

что оценка может быть субъективной и объективной. Чтобы понять сущность этого различия, необходимо принять постулат о том, что, во-первых, любая оценка делается относительно объективных факторов, которые выявляются в исторически сложившихся нормах культурологического сообщества, к которому принадлежит говорящий. Понятно, что всякое сообщество вырабатывает и заключает (или провозглашает) определенные конвенциональные нормы, относительно которых и в выравнивании по которым и производится оценивание. Такого рода оценку и принято считать объективной. С другой стороны, каждый индивид может иметь собственную точку зрения на качество оцениваемого объекта и в зависимости от собственных интересов (которые, кстати, могут расходиться с общепринятыми конвенциями) может оценить его несколько иначе, нежели в большинстве случаев, основываясь на отличной от общепринятой аргументации и только для него самого важных критериях. Такую оценку принято считать субъективной. Верна она или неверна, можно судить только на основе широкого знания объекта, находящегося в фокусе оценивания.

Важным в структуре оценки является наличие субъектно-объектных отношений, которые легли в основу классификации частнооценочных отношений, предложенной Н.Д. Арутюновой. Автор классификации подчеркивает особое взаимодействие объектов и событий. Среди частнооценочных значений выделяются три группы: сенсорные оценки; сублимированные, или абсолютные, оценки; а также рационалистические оценки, связанные с практической деятельностью человека (Арутюнова 1988).

Исходя из сказанного, можно предположить, что познавая мир, человек не просто отражает явления действительности и их признаки и качества, но одновременно отражает свое отношение к реальной действительности. В противном случае сти-

рается, нивелируется интенциональность познавательного процесса и утрачивается смысл коммуникативного акта. Следовательно, оценка является неотъемлемым компонентом любого речевого акта и, соответственно, любого типа дискурса, с одной стороны, выражающего мнение субъекта речевого акта, и, с другой стороны, направленного на формирование оценки остальных участников коммуникации.

По своей природе оценка представляется сущностью антропоцентрического происхождения, то есть такой, которая выявляется не в онтологии отношений «объект – признак», а в гносеологической модели «субъект (познания) – объект (познания)». Характер оценки изначально обусловлен особенностями существования этноса: сложившимися традициями, обычаями, выработанными конвенциями. По мере развития общества и межкультурного взаимодействия может происходить «выравнивание» оценочных оснований и степень различий в оценивании может уменьшаться.

Природа дискурса также социально и культурно обусловлена, так, человек отбирает для передачи только те образы и идеи, которые имеют ценностное значение для данного культурологического сообщества.

В настоящее время среди многообразия разновидностей дискурса выделяют такие, как, например, радиопередача, печатный дискурс, телефонный разговор, переписка по электронной почте, общение в социальных сетях. Дискурс может быть представлен различными видами высказываний и произведений, как устных, так и письменных в различных жанрах и сферах коммуникации. Одним из множества способов реализации дискурса выступает фильм-ревью, т. е. краткий обзор, отражающий помимо информации о содержании фильма и личное мнение автора, и общепринятые стандарты, нормы, традиции, стереотипы, принятые в данном культурологическом сообществе, другими слова-

ми, дающий оценочную характеристику.

Фильм-ревью, как отдельный тип дискурса, состоит из ряда обязательных элементов, определяющих его четкую структуру и место оценочного компонента в ней. Макроструктура данного типа дискурса представляет собой простое и логичное членение на вступление, основное содержание и заключение. Каждый из этих пунктов, в свою очередь, предполагает дальнейшее членение на подуровни, составляющие микроструктуру данного типа дискурса. Необходимо отметить, что дискурс в любом из своих жанров содержит два основных типа информации – фактивную и оценочную, что является выражением противопоставляемых в аксиологии оценочности и дескрипции, или описания. «Под дескриптивным суждением понимается то, что говорится о действительности и дает ее описание. Под оценочным суждением понимается то, что говорит о объекте с точки зрения значимости объекта для субъекта» (Козлова 2011: 24). Следовательно, фактивная информация представляет собой объективную информацию описательного или дескриптивного характера, а оценочная – субъективное оценочное суждение субъекта (в данном случае – автора фильма-ревью) об объекте действительности (в данном случае – рассматриваемом фильме). Более того, Е.М. Вольф полагает, что субъективный и объективный факторы в структуре оценочного суждения находятся в постоянном взаимодействии (Вольф 2002).

Представим типичную модель структуры фильма-ревью и определим место и роль категории оценки на каждом из уровней данного жанра. Структуру фильма-ревью было бы логично условно разделить на три части, соответствующие макроструктуре данного типа дискурса: экспозицию, основную часть – собственно информационный блок – и заключение. Первая часть, экспозиция, в свою очередь, подразделяется на следующие составляющие: интрига –

часть ревью, призванная вызвать интерес у потенциального зрителя; название фильма; информация о жанре, режиссере, актерском составе, продолжительности фильма, формате видео и т. п. Первая, вступительная часть практически полностью (за исключением интриги, представляющей собой смешение обоих типов информации, как фактивной, так и оценочной) представлена с объективной точки зрения и, следовательно, представляет собой фактивную информацию (название фильма, режиссер, актерский состав).

Вторая часть, собственно информативная, передает основное содержание и включает описание сюжетной линии, т. е. объективную информацию. Помимо этого, в основную часть могут быть включены иные важные с точки зрения автора ревью характеристики фильма, например такие, как информация о сюжете, качестве игры актеров и так далее, что, очевидно представляет описание фильма, но с точки зрения объективного восприятия автора фильм-ревью. Из этого следует, что в основной части также присутствуют оба вида информации, что дает основание сделать вывод о наличии смешанного типа информации в данном случае. Важным компонентом основной части фильма-ревью является наличие, помимо фактивной информации, оценки автора, подчеркивающего те или иные положительные и отрицательные стороны любого из компонентов (обычно нескольких) фильма, например игру актеров, качество сюжета и т. д., в этом пункте всегда допускается некая субъективность, а значит и информа-

ция является субъективно-оценочной).

Наконец, последняя часть макроструктуры фильм-ревью является заключением, представляющим собой обобщение и анализ высказанных аргументов, конечным результатом чего является вывод, представленный в виде оценки относительно рассматриваемого фильма. Таким образом, данная часть фильма-ревью полностью представляет субъективное мнение составителя, применяющего различные средства для выражения своей субъективной точки зрения и, следовательно, содержит по большей части информацию оценочного характера, которая при этом может далее подразделяться на позитивную и негативную оценку соответственно. Из вышеизложенного вытекают следующие выводы:

1) категория оценки занимает важное место в структуре любого типа дискурса, выражая мнение субъекта речевого акта и формируя мнение остальных участников коммуникации; ценка имеет культурологическое основание и обусловлена социально принятыми нормами общества;

2) структура фильма-ревью, как особой формы культурологического дискурса имеет ряд особенностей, заключающихся в наличии нескольких уровней, на каждом из которых представлена информация нескольких видов – от фактивной и оценочной до смешанной, при этом преобладает смешанный тип информации, позволяющий одновременно описать объективные характеристики фильма и дать оценку как отдельных компонентов, так и всего фильма в целом, что и является основной коммуникативной целью данного типа дискурса.

Библиографический список

1. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.
2. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – Изд. 2-е, доп. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
3. Гринин, Ю. Д. О гносеологическом содержании понятия «оценка» / Ю. Д. Гринин // Вопросы философии. – 1987. – № 6. – С. 59–72.
4. Данилова, Р. Р. Категория оценки как способ выражения антропоцентризма в лингвистике / Р. Р. Данилова // Вестник ТГГПУ. – 2011. – № 1. – С. 23.
5. Козлова, О. А. Экспликация оценочных смыслов отклонения от нормы в английском языке: дис...канд. филол. наук / Козлова Олеся Александровна. – Барнаул, 2011. – 226 с.
6. [ЛЭС] Лингвистический энциклопедический словарь. [Электронный ресурс]. – URL: <http://tapemark.narod.ru/les/136g.html>

ПАРТИТИВНОСТЬ И ЕЕ ПЕРЦЕПТИВНОЕ ПРЕЛОМЛЕНИЕ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: партитивность, партитивный фрейм, активация.

Key words: partitivity, partitive frame, activation.

Посредством системы восприятия человек приобретает информацию, направляющуюся на обработку в сознание. Восприятие представляет собой целостное отражение предметов, ситуаций и событий, возникающее при непосредственном воздействии психических раздражителей на рецепторные поверхности органов чувств. Оно может рассматриваться либо в качестве субъективного образа предмета или явления, либо непосредственно как процесс формирования этого образа (Рубинштейн 2001: 178), являющегося ориентированным на предметный мир. Образ воспроизводит объект в его целостности (Арутюнова 1999: 315).

Действительность выступает в качестве сложного образования, состоящего из элементов, частей, при взаимодействии которых образуется система. «Воспринимая мир, человек выделяет актуальные для него элементы, членит его на определенные фрагменты, а затем мыслит действительность этими частями» (Пименов, Пименова 2008: 429). При описании элементов целого происходит процедура вычленения составляющих его элементов. В процессе осуществления этой процедуры, данные части оказываются в фокусе описания, а исходное целое, напротив, на периферии. Отмечается также внезапный скачкообразный характер перехода от одного уровня расчленения действительности к другому и переноса свойств целого на его части. Данные особенности способствуют восприятию одного и того же предмета сквозь призму как целостности и неделимости, так и с точки зрения системы, состоящей из элементов (Радзиховский 1988: 104-120).

В силу того, что информационные данные восприятия представлены в сознании человека когнитивными структурами: концептами, фреймами, скриптами, сценариями и т.д., объяснение и эксплицирование существующих механизмов проецирования партитивных смыслов, вычленяемых из целого, возможно посредством обращения к одной из выше-перечисленных структур знания, а именно к фрейму. Активация фреймов делает прозрачным основные принципы преломления партитивных смыслов путем вычленения из целого любого конкретного элемента. Партитивный и интегративный типы фреймов (Хайруллин 1995) составляют оппозицию на ментальном уровне. **Интегративный тип** фрейма отражает восприятие предметов действительности как холистичного целого, а **партитивный**, в свою очередь, актуализирует основные принципы вычленяемости.

К примеру, человека можно рассматривать не только с точки зрения целостной системы, являющей собой своего рода целостную сущность, но также и под углом партитивности, как своего рода совокупность мысленно вычленяемых компонентов. В объективной действительности общее и отдельное «органически слиты и проявляются через друг друга» (Алексеев 1991: 10), активация же разных типов фреймов в сознании индивида, в свою очередь, свидетельствует о строго разграниченном характере механизмов, которым соответствует свой особый спектр выполняемых операций.

В языковом пространстве данная особенность имеет свою специфику. Когнитивная обработка знаний, которую чело-

век получает из реального мира, является свидетельством о возможности представления ситуации двумя способами: расчленено и нерасчлененно (Болдырев 1995).

Данные особенности можно наблюдать при рассмотрении языковой реализации понятия «объятие», которое является одним из самых общих признаков выражения эмоций. Объятие предполагает закрытие или проведение рук (руки) вокруг другого человека. Описание этого действия может носить разнообразный характер и соответственно строиться на основе активации определенных типов фреймов.

В русском языке, к примеру, при «изображении» объятий описываемым объектом присуща высокая степень целостной представленности, что находит свое отражение на примере активации **интегративного типа фрейма** и использовании таким образом глагола «обнять»:

Мать крепко обняла ее, беззвучно засмеялась, мягко гордясь победою своего сердца (Горький)

И, обняв его крепкое, стройное тело ласкающим, теплым взглядом, заговорила торопливо и тихо (Горький)

При более детальном описании фрагментов действительности в русском языке активируется партитивный тип фрейма:

Она задохнулась, точно ей не хватало воздуху, и вдруг ее руки быстро и крепко обвились вокруг моей шеи, и мои губы сладко обжег торопливый, дрожащий шепот Олеси (Куприн).

В английском языке описание объятий может также строиться как интегративно, так и партитивно, в зависимости от степени детализации в описании реальной действительности. В следующем примере активация интегративного типа фрейма свидетельствует о менее детализированной степени описания рассматриваемой информации:

'But, bless you,' pursued Mrs Boffin, 'if you could have seen him of a night, at that time of it! The way he'd sit and chuckle over himself!

The way he'd say "I've been a regular brown bear to-day," and take himself in his arms and hug himself at the thoughts of the brute he had pretended (Dickens).

Употребление английского глагола *to hug* в данном случае маркирует целостное восприятие ситуации.

Описание объятий в английском языке может быть представлено также и в расчлененном виде посредством активации партитивного типа фрейма:

She was at Anne Catherick's side, and had put one arm around her, before I could answer. "What is it, my dear?" she said. "What has he done to you?" (Collins)

Характер обстоятельств, при которых происходило описываемое в примере действие, отмечается повышенной эмоциональностью, и как следствие более подробным изображением. Дело происходило на кладбище, когда одна из героинь пыталась защитить Анну Катерик, в спешке она бросается к ней и обнимает. Основными репрезентаторами партитивно-ориентированных отношений в данном случае выступают английский глагол *to put* со значением перемещения предмета в пространстве ('move to or place in a particular position' (OALDCE), а также предлог *around* (ср. 'in a position or direction surrounding, or in a direction going along the edge of or from one part to another' (CIDE: 63)).

Нижеприведенные примеры также свидетельствуют об активации партитивного типа фрейма:

The vehicle gave every facility for a man to put his arm round a girl's waist (an advantage which the hansom had over the taxi of the present day), and the delight of that was worth the cost of the evening's entertainment (Maugham).

She laughed suddenly, with a wild catch in her voice, and flung her arms around him (Lawrence).

The impertinence made his veins go cold, he was insensible. She held her arms round his neck, in a triumph of pity. And her pity for him was as cold as stone, its deepest motive was hate

of him, and fear of his power over her, which she must always counterfoil (Lawrence).

She was so thin that she seemed almost transparent, the arms she put round his neck were frail bones that reminded you of chicken bones, and her faded face was oh! so wrinkled (Maugham).

В приведенных примерах, наряду с глаголом *to put*, означающим перемещение предмета в пространстве, могут употребляться и другие глаголы, например, близкий его семантике глагол *to fling* (ср. 'If you fling a part of your body in a particular direction, especially your arms or head, you move it there suddenly') (CIDE) и *to hold* (ср. 'grasp, carry, or support with one's arms or hands') (OALDCE).

Предлог *about* в нижеприведенном примере маркирует окружение (ср. 'surrounding smb/smth' (OALDCE, 3)) и является близким в данном случае по значению английскому предлогу *round (around)*:

She was in time to hold Tom's hand through hours of pain; to show him for once the heart of a prim New England girl when it is ablaze with love and grief; to put her arms about him so that he could have a home to die in, and that was all; – all, but it served (Wiggin).

Однако при всем сходстве, возможно проведение демаркационной линии между указанными предлогами: предлог *round (around)* (ср. *to put one's arms round smb*), предполагает окружение с более очерченными границами, а *about*, в свою очередь,

характеризуется относительной диффузностью, размытостью и, как правило, высокой степенью абстрактности, что в определенных ситуациях может свидетельствовать о сложности определения чувственных границ. Б.Н. Аксененко, например, пишет о том, что предлог *about* может употребляться при указании на нечто проходящее и носящее временный характер, особенно в отношении людей (Аксененко 1956: 60). В анализируемом предложении (10) описывается сцена сильного желания Джейн увидеться с Томом. Узнав о ранении Тома, она хочет увидеть его. Автор описывает ее внутренний эмоциональный настрой в момент принятия данного решения. Широта чувственных проявлений обуславливает более подробное описание элементов действительности.

В приведенных примерах отражены способы описания фреймового механизма формирования паритивных смыслов в сфере представления информации, описывающей «объятие».

Итак, все вышесказанное свидетельствует о некой логической обусловленности активации фреймов при осмыслиении человека и способствует четкому проецированию его представления не только в качестве холистичной сущности, но и как совокупности мысленно вычленяемых компонентов. Паритивный фрейм способствует более детализированному способу оформления информации.

Библиографический список

1. Аксененко, Б. Н. Предлоги английского языка / Б. Н. Аксененко (под ред. Аничкова И. Е.) / М. : 1956. – 115 с.
2. Алексеев, А. С. Перцептуальный и концептуальный способы связи общего и отдельного / автореф. дис. ... канд. философ. наук / Алексеев Александр Степанович. – Иркутск : 1991. – С. 10.
3. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова // 2-е изд., испр. – М. : «Языки русской культуры», 1999. – С. 315.
4. Болдырев, Н. Н. Функциональная категоризация английского глагола : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Болдырев Николай Николаевич. – СПб. : 1995. – 25 с.
5. Пименов Е. А., Пименова М. В. Языковая личность и языковая модель мира (Небесные образы и символы в авторской картине мира А.С. Пушкина) / Личность и модусы ее реализации в оценке / Е. А. Пименов, М. В. Пименова // Коллективная монография. – М. : ИЯ РАН; Иркутск : ИГЛУ, 2008. – С. 429.
6. Радзиховский, Л. А. Язык описания целостности и идеи Л.С. Выготского о «единицах» / Л. А. Радзиховский // Речь : Восприятие и семантика / Отв. ред. Р. М. Фрумкина. – М. : ИЯ АН ССР, 1988. – С. 104–120.
7. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : 2001. – 340 с.
8. Хайруллин, В. И. Лингвокультурологические и когнитивные аспекты перевода : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / В.И. Хайруллин. – М. : 1995. – 25 с.

9. [CIDE] Cambridge International Dictionary of English. – Cambridge : Cambridge University Press, 2001. – 1774 p.

10. [OALDCE] Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. – Oxford : Oxford University Press, 1978. – 1055 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Горький, М. Мать. Воспоминания / М. Горький. – М. : Худож. лит., 1985. – 150 с.
2. Куприн, А. И. Олеся [Электрон. ресурс] / А. И. Куприн. – URL: www.abc-people.com
3. Collins, W. The Woman in White [Электрон. ресурс] / W. Collins. – URL: www.booksshouldbefree.ru
4. Dickens, Ch. Our Mutual Friend [Электрон. ресурс] / Ch. Dickens. – URL: www.booksshouldbefree.ru
5. Lawrence, D. H. Women in Love [Электрон. ресурс] / D. H. Lawrence. – URL: www.booksshouldbefree.ru

6. Maugham, W. S. Of Human Bondage [Электрон. ресурс] / W. S. Maugham. – URL: www.booksshouldbefree.ru
7. Montgomery, L. M. The Story Girl [Электрон. ресурс] / L. M. Montgomery. – URL: www.booksshouldbefree.ru
8. Wiggin, K. D. Rebecca of Sunnybrook Farm [Электрон. ресурс] / K. D. Wiggin. – URL: www.booksshouldbefree.ru

H.C. Кунна
Барнаул

ТИПЫ КОНКРЕТИЗАЦИИ ХАРАКТЕРА ГЛАГОЛЬНОГО ПРЕДИКАТА

Ключевые слова: предикат, глагольная лексема, инфинитив, семантический тип.
Key words: predicate, verbal lexeme, infinitive, semantic type.

Одним из центральных понятий синтаксической структуры современного английского языка является понятие сказуемого, которое вместе с подлежащим составляет предикативную основу предложения, т. е. определенные отношения между субъектом, действием и предметом действия. Подобные отношения или связь, если пользоваться терминологией Отто Есперсена, называется «нексусной связью», поскольку во всяком предложении налицо акт предицирования – утверждение или отрицание связи между подлежащим и сказуемым (Есперсен 1958: 105). Сказуемое понимается как главный член двусоставного предложения, от которого зависит, в том числе, и подлежащее. Согласно концепции Люсена Теньера, синтаксическим центром любого предложения является «глагольный узел», состоящий из сказуемого, обязательных зависимых от него членов предложения – актантов и необязательных зависимых членов – сирконстантов. Таким образом, сказуемое является узлом высказывания, в котором каждый член предложения находится в синтаксической зависимости от глагола (Теньер 1988: 117).

Элементарная структурная классификация английского сказуемого предполагает разграничение на простое и составное. Простое сказуемое выражается полнозначным глаголом:

(1) *The Library of Congress in Washington contains about seven thousand works on Shakespeare* (Bryson, 20).

Составное сказуемое, в свою очередь, квалифицируется по характеру наполняющих его компонентов и определяется либо как составное именное, либо как составное глагольное. Составное именное сказуемое формируется глаголом-связкой (наиболее функционально загруженным и рекуррентным является глагол 'to be') и именной частью, которая заполняется лексемами, передающими признаковые характеристики:

(2) *He was the author of two exceedingly accomplished poems* (Bryson, 90);

(3) *But even by the very relaxed standards of the day, Shakespeare was invigoratingly wayward* (Bryson, 102);

(4) *Shakespeare was celebrated among his contemporaries ...* (Bryson, 105).

По принадлежности к лексико-грамматическому классу, это может быть

существительное, прилагательное, статив, причастие I, причастие II. Составное глагольное сказуемое структурно компонуется двумя глагольными лексемами и определяется моделью V1+V2 (глагол 1+глагол 2). Информационным ядром этой структуры является V2, всегда представленный инфинитивной формой полнозначного глагола, форма V1 вариативна.

Существующие классификации первого компонента двуглагольного сказуемого отличаются критериями,ложенными в их основу. Одним из критериев является типология глагола, впервые предложенная еще Аристотелем, давшим универсальную классификацию предикатов (признаваемых слов). Предложенный Аристотелем критерий позднее использовался многими отечественными и зарубежными лингвистами (Селиверстова 1975: 164, Степанов 1980: 38). Одной из наиболее общих классификаций первого компонента является классификация, согласно которой данный компонент сказуемого может быть выражен следующими семантическими типами глагола: фазовые глаголы, модальные глаголы, глаголы «кажимости» и сочетаниями Vbe + P II (глагол 'to be' + причастие II) (Елизарова 1987: 4).

Фазовые глаголы обозначают какую-либо фазу действия – его начало, продолжение или конец (*to begin, to start, to finish* и т. д.). Особенностью этих глаголов является невозможность функциональной актуализации без комплемента, содержание которого он расширяет и конкретизирует.

(5) *MacCann began to speak with fluent energy of the Tsar's rescript, of Stead, of general disarmament arbitration in cases of international disputes, of the signs of the times, of the new humanity and the new gospel of life* (Joyce, 142).

Модальные глаголы – это глаголы, которые дают оценку действия с точки зрения его возможности, необходимости, случайности, невозможности (*can, may, must, have to* и т. д.). Важно отметить, что все перечисленные глаголы имеют мо-

дальное значение только в сочетании с инфинитивом.

(6) *Ralph went carefully over the points of his speech. There must be no mistakes about this assembly, no chasing imaginary* (Golding, 133).

(7) *He sighed. Other people could stand up and speak to an assembly apparently, without that dreadful feeling of the pressure of personality, could say what they would as though they were speaking to only one person* (Golding, 164).

Первый компонент двусоставного сказуемого может передаваться сочетаниями, выражающими долженствование, такими, как 'to be obliged', 'to be compelled', 'to be forced' и т. д.

(8) *Now, in order to save the people of Seattle, he's forced to confront that nightmare all over again, and to trust another woman with the secret that could destroy him* (Kenyon, 57).

Особый интерес представляют глаголы, передающие неуверенность в квалификации характеристик объекта – глаголы со значением «кажимости», такие как: 'to appear', 'to seem'.

(9) *A humble follower in the wake of clamorous conversions, a poor Englishman in Ireland, he seemed to have entered on the stage of Jesuit history when that strange play of intrigue and suffering and envy and struggle and indignity had been all but given through – a late comer, a tardy spirit* (Joyce, 136).

Более детальная классификация первого компонента в рассматриваемых конструкциях также основана на семантическом составе замещающих эту позицию глаголов. Она включает следующие типы смыслов: намерение, характер совершения действия, его состоятельность или несостоятельность (смог / не смог, получилось / не получилось), попытку к совершению действия и его принципиальную осуществляемость, степень завершенности (Иванова и др. 1981: 218), основанные на различиях в семантике глагола. Данная классификация включает в себя следующие типы глагольного ядра.

В первом случае личная форма глагола (ициальный компонент модели) обозначает желание, нежелание, намерение, стремление, упорство в достижении. В эту группу входят такие глаголы, как 'to want', 'to wish', 'to intend':

(10) Whether the Teacher **had intended to kill** Remy all along or whether it had been Remy's actions in the Temple Church that had made the Teacher lose faith, Remy would never know (Brown, 506).

Совершенность действия может подтверждаться: 'to manage', 'to contrive' или отрицаться 'to feign', 'to pretend', 'to fail':

(11) Finally, and not without some difficulty, he **managed to park** his car within a hundred yards of the Paradise Club (Chase, 38).

Осуществляемость действия передается такими глаголами, как 'to try', 'to attempt', 'to endeavour'. В соответствии со смыслом каждого из них реальность вводимого ими действия может быть и положительной и отрицательной:

(12) *Fear, beasts, no general agreement that the fire was all-important: and when one tried*

to get the thing straight the argument sheered off, bringing up fresh, unpleasant matter (Golding, 149).

Стадия осуществления действия или его регулярность передается глаголами 'to begin', 'to proceed', 'to quit':

(13) The fair boy **began to pick** his way as casually as possible towards the water (Golding, 41).

Проведенный краткий обзор теории и истории вопроса, безусловно, не раскрывает всей проблематики исследования существующих типов структур двулагольного сказуемого. Основные направления их изучения в данном случае могут группироваться вокруг определения сущности, роли и функций компонентов расширения глагольного сказуемого, уяснения характера конкретизации смыслового центра конструкции (полнозначного глагола), выстраивания их типологии, выявления содержательных компонентов, блокирующих их автономную, комплементарно необремененную актуализацию. Важной представляется также систематизация глагольных лексем, замещающих позицию инфинитива.

Библиографический список

1. Арутюнова, Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения / Н. Д. Арутюнова // Аспекты семантических исследований. – М. : Наука, 1980. – С. 156–249.
2. Елизарова, Г. В. Сложноподчиненное предложение с главной частью типа *it is said, it is hoped* : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Елизарова Галина Васильевна. – Ленинград, 1987. – 16 с.
3. Есперсен, О. Философия грамматики / О. Есперсен. – М. : Издательство иностранной литературы, 1958 – С. 130–133.
4. Иванова, И. П. Теоретическая грамматика современного английского языка / И. П. Иванова, В. В. Бурлакова, Г. Г. Почепцов. – М. : Высшая школа, 1981. – С. 218–219.
5. Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. – М., 1988 – С. 117–118.
6. Селиверстова, О. Н. Компонентный анализ многозначных слов / О. Н. Селиверстова. – М., 1975. – С. 164.
7. Степанов, Ю. С. Куниверсальной классификации предикатов / Ю. С. Степанов // Изд. АН СССР, СЛЯ. – 1980. – № 4. – С. 34–47

Список источников иллюстративного материала

1. Brown, D. The Da Vinci Code / D. Brown. – Corgi Books, 2004. – 605 p.
2. Bryson, B. Shakespeare / B. Bryson. – Atlas Books : Harper Press, 2010. – 200 p.
3. Chase, J. A Lotus for Miss Quon / J. Chase. – Antologia, 2005. – 250 p.
4. Golding, W. Lord of the Flies / W. Golding. – The Cambridge Edition, 1982. – 134 p.
5. Joyce, J. A Portrait of the Artist as a Young Man / J. Joyce. – Dover Publications Inc., 1994. – 224 p.
6. Kenyon, S. The Dark Side of the Moon / S. Kenyon. – Lincoln Center Theater Edition, 2006. – 214 p.

ПРЕДИКАТИВНОСТЬ КАК СТАТУСНАЯ КАТЕГОРИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Ключевые слова: предложение, предикативность, сказуемое, модальность, персональность, темпоральность, временная локализация.

Key words: sentence, predicativity, predicate, modality, personality, temporality, temporal localization.

Статусные показатели и существо-
категории предикативности в силу ее
многофункциональности в организации
предложения-высказывания являются
предметом научных дискуссий в разных
лингвистических направлениях и концеп-
циях. В нетерминологическом понимании
предикативность толкуется как катего-
рия собственно «делающая предложение
предложением» (Звегинцев 1976: 166).
В рамках структурного синтаксиса пре-
дикативность рассматривается как фор-
мальное объединение главных членов
предложения – подлежащего и сказуемо-
го в рамках целостной структуры нексу-
са (Есперсен 1958), составляющего ядро
предложения (Адмони 1955: 116-119). В
пределах такого понимания считается,
что предикативность передается опосре-
дованно такими категориями как модаль-
ность, персональность, темпоральность и
временная локализованность. Высказыва-
ется предположение, что именно времен-
ная локализованность несет наибольшую
референтную нагрузку, поскольку отра-
жаемая в предложении ситуация всегда
разворачивается на протяжении опреде-
ленного временного периода, тогда как
категории модальности и персональности
обусловливают отношение к лицу говоря-
щего. Такая точка зрения, однако, не впол-
не правомерна, поскольку с пониманием и
интерпретацией референтной ситуации
связана только субъективная модаль-
ность (полагать, считать, думать), в то вре-
мя как объективная модальность (грам-
матические формы наклонения) передает
значения в диапазоне «необходимо – воз-
можно – случайно – невозможно» как от-

ражение объективно существующих усло-
вий реализации действия.

Определению предикативности через
нексусную структуру противопостав-
ляется факт наличия в языке моделей од-
носоставных предложений (Шубик 1971:
42-43), более характерного для русского
языка и достаточно раритетного в англий-
ском. Следует вместе с тем, признать, что
полносоставная форма предложения в та-
ких случаях легко реконструируется как в
пределах парадигматической модели, так
и в пределах синтагматического контек-
ста. Так, например, в высказывании «Зима.
Крестьянин, торжествуя, на дровнях об-
новляет путь» таким контекстом служит
глагол-сказуемое второго предложения,
стоящий в настоящем времени, и позво-
ляющий представить исходную развернутую
структурную номинативного предложе-
ния «Зима» как «стоит зима», «сейчас [есть]
зима» или «наступила зима» (характерно,
что для английского языка этот смысл
передается формой настоящего времени –
Present Perfect). Обычному пользователю
языка нет необходимости проделывать
такие процедуры, он восстанавливает их
автоматически по аналогии.

Очевидно также, что в ряде случаев тер-
мин «предикативность» используется как
равнозначный термину «сказуемость».
Именно в таком толковании содержание
предикативности раскрывается через ак-
туализирующие его категории модальности,
темпоральности и персональности,
так как все они эксплицируются в глаголе,
основной функцией которого в предложе-
нии является функция сказуемого (Сте-
блин-Каменский 1971: 40-42).

В отечественной лингвистической традиции, более всего в русистике, предикативность определяется как категория, выражающая отношение предложения-высказывания к действительности (Пешковский 1956: 326-333, Бондарко 1971: 30-31, Панфилов 1977: 36-48). Такое понимание предикативности заимствуется в лингвистику из логики интерпретации суждений относительно того, выражают ли они истинное состояние вещей или ложное. Логическая операция установления истинности/ложности суждения предполагает использование предикатов «истинно», «ложно» в определенных выводных умозаключениях («с») на основе сопоставления исходных посылок («а» и «в»): а) X есть истинно, в) У есть X, с) следовательно У есть истинно (Куайн 2000: 56-62). Таким образом, соотнесенность высказывания с действительностью возможна только в плане установления его истинности (то есть соответствия действительности) или ложности (то есть несоответствия действительности). Следует, однако, согласиться с тем, что истинность / ложность, будучи терминами логической теории суждений, выводятся на основе определенных логических операций и никак не проистекают из содержательного наполнения выражающих эти суждения предложений. Более того, ни истинность, ни ложность не имеют формальных языковых маркеров в предложении, за исключением описательных изъяснительных структур, лексических единиц номинации, совокупности контекстуальных факторов:

(1) *He knew it sounded absurd, but it was true* (Segal: URL).

(2) *Clearly <...> the wine would become more expensive and vineyard-owners would make more money. And clearly, the more vine one has, the more money one makes. There was no arguing with that ...* (Mayle, 56).

Заметим, что и в этом случае речь идет о том, что есть правда, но не истина. На этом основании, (философские) категории

«истина» и «ложь» не могут быть объектом исследования лингвистики (Трунова 1995: 26-33). Равным образом логические основания прослеживаются в толковании предикативности как связи компонентов суждения, передающих тему (данное, логический субъект) и рему (новое, логический предикат), то есть в раскрытии содержания логического субъекта логическим предикатом (Мельников 2000: 44-47).

Современное состояние науки о языке позволяет более адекватно определить сущность предицирования. Известно, что понятие предиката восходит к латинскому корню “*praedicatum*” – сказанное, и в преломлении к лингвистическому использованию обозначает выражение, передающее свойство или отношение. Поэтому предикатная группа (подлежащее – сказуемое) передает значение признака, присущего предмету. Однако признак может приписываться объекту и в рамках атрибутивной связи (видимо, именно на этом основании предикатия в современной логике рассматривается как частный случай функциональной зависимости). С точки зрения когниции объект может восприниматься как целостная данность с присущими ей признаками или как данность, признаки которой присваиваются ей познающим субъектом. В первом случае языковое выражение является атрибутивным, во втором – предикативным. Таким образом, предикативность есть способ приписывания признака объекту, в основании которого заложено их расчлененное восприятие (Трунова 1998: 110-114, Келлер: URL).

Экспонентами предикатов в языке являются признаковые слова, которые относятся к лексико-грамматическим классам глагола, прилагательного и наречия (наречие выражает признак признака, или вторичный признак). Атрибуция признака объекту передает сам факт присущности объекту признака и осуществляется вне параметров времени, наклонения, вида, залога, лица: *frayed emotions, a florid*

introduction, scientific geniuses (Segal: URL). Предицирование признака объекту осуществляется в ином грамматическом контексте. Это не просто формальная замена структуры. Схема порождения нового смысла связана с глагольным экспонентом, который в силу принадлежности определенному лексико-грамматическому классу системо-обусловленно передает значения грамматических категорий времени, лица, числа, вида, залога, наклонения, то есть позиционирует признак во времени, пространстве, по характеру протекания действия и относительно других объектов. Таким образом, в экспликации проявляется ситуация актуализации признака, как, например, в случаях

(3) *Isabel felt happy to be home* (Segal: URL).

(4) *She lay awake trying to imagine how her life would have been had she never left but gone to junior high school instead* (Segal: URL).

(5) *The system was removed two years ago for security precautions* (Brown: URL), где формализовано передаются временной период, нереализованная возможность, направленность на объект. Кроме обозначенных выше особенностей, атрибутивное сочетание, в отличие от предикативной структуры, не имеет функционально-коммуникативной самостоятельности. Все это дает основание считать оппозицию атрибутивность/предикативность статусной категорией, определяющей демаркационную линию между такими синтаксическими конструкциями, как словосочетание и предложение.

Библиографический список

1. Адмони, В. Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка / В. Н. Адмони. – М. : Лит-ра на иностр. яз., 1955. – 391 с.
2. Бондарко, А. В. Предикативность и функционально-семантические категории / А. В. Бондарко // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Тезисы. – Л. : 1971. – С. 30–31.
3. Есперсен, О. Философия грамматики / О. Есперсен – М. : Иностр. лит-ра, 1958. – 404 с.
4. Звегинцев, В. А. Предложение и его отношение к языку и речи / В. А. Звягинцев – М. : Издательство Московского университета, 1976. – 308 с.
5. Келлер, И. М. Основы и механизмы расчленённой и нерасчленённой номинации в английском языке / И. М. Келлер [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.uni-alta.ru/engine/download.php?id=5308>
6. Куайн, У. В. О. Слово и объект / У. Куайн ; пер. с англ. А. З. Черняк, Т. А. Дмитриев. – М. : Практис; Логос, 2000. – 386 с.
7. Мельников, Г. П. Системная типология языков : синтез морфологической классификации языков / Г. П. Мельников – М. : изд-во РУДН, 2000. – 90 с.
8. Панфилов, В. З. Категория модальности и ее роль в конституировании структуры предложения и суждения / В. З. Панфилов // ВЯ. – 1977. – № 4 – С. 36–48.
9. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский – М. : УРСС Эдиториал, 2009. – 432 с.
10. Стеблин-Каменский, М. И. Предикативность? / М. И. Стеблин-Каменский // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Тезисы. – 1971. – С. 40–42.
11. Трунова, О. В. Синтаксические константы и дискурсная дивергентность форм категории модальности в английском языке : автореф. дис. ... доктора филол. наук / Трунова Ольга Владимировна. – СПб, 1995. – 35 с.
12. Трунова, О. В. Лингвистический аспект проблемы «человек в меняющемся мире» / О. В. Трунова // Формирование социолингвистической компетенции: проблемы и перспективы. Программа и тезисы междунар. научно-практич. конфер. – 1998. – С. 110–114.
13. Шубик, С. А. Предикативность как отличительный признак предложения / С. А. Шубик // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Тезисы. – 1971. – С. 42–43.

Список источников иллюстрированного материала

1. Brown, D. The Da Vinci Code / D. Brown [Электронный ресурс]. – URL: http://www.fictionbook.ru/ru/author/braun_dyen/the_da_vinci_code
2. Meyle, P. A Year in Provence / P. Meyle. – L. : Penguin Books, 2010. – 224 p.
3. Segal, E. Prizes. / E. Segal [Электронный ресурс]. – URL: http://www.fictionbook.ru/ru/author/segal_erich/prizes

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В ШВАНКАХ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

Ключевые слова: шванк, концепт «женщина», российские немцы, картина мира.

Key words: shvank, concept "woman", Russian-Germans, worldview.

В последние десятилетия лингвисты всё чаще и чаще обращаются к гендерному аспекту, в центре внимания которого находятся культурные, социальные, а также языковые факторы, характеризующие отношение общества к мужчинам и женщинам, стереотипные представления о мужских и женских качествах. Связано это, как отмечает В.Н. Шутина, с тем, что отношения между мужчиной и женщиной, отношение мужчины к женщине и vice versa являются важной характеристикой культуры того или иного этноса. Гендерные отношения, иерархия полов воспринимаются как естественный пласт человеческой культуры (Шутина URL). Анализ гендерного фактора в языке дает возможность получить представления о некоторых аспектах того или иного народа. В задачи данной статьи входит содержательный анализ лексических единиц презентации концепта «женщина» в шванках российских немцев, авторами которых являются и женщины и мужчины, и определение на основе проведенного анализа сходств и различий в представлениях о женщинах в шванках, написанных женщинами, с одной стороны, и мужчинами, с другой стороны, что в свою очередь позволит нам получить некоторую информацию о картине мира российских немцев.

Под шванком российских немцев мы вслед за И.В. Десятниковой, опирающейся в своих исследованиях на определение шванка, данное Э. Штраснером, понимаем короткий комический рассказ в прозе, написанный на диалекте, основное назначение которого состоит в разоблачении какого-либо человеческого или социального порока (Десятникова 2007: 33-34). Особый интерес представляет тот факт, что авто-

рами большей части проанализированных нами шванков являются мужчины, среди которых следует назвать такие имена, как David Worm, Andreas Saks, Karl Herdt, Edmund Günter, Friedrich Bolger, Woldemar Herdt, Viktor Klein, Viktor Weber, Georg Haffner, Friedrich Krüger, Clemens Eck, David Busch, Emil Jost и др. Женщин, сочинявших шванки, намного меньше, и количество написанных ими шванков также немногочисленно. Среди женщин-авторов шванков необходимо назвать Emilie Spuling, Klara Obert, Elsa Ulmer, Erna Hummel. Всего нами было проанализировано 231 шванка, авторами которых являются мужчины и 56 шванков, написанных женщинами.

Следует обратить внимание на то, что тематика шванков, написанных женщинами и мужчинами, различается. Темы, обсуждаемые мужчинами более разнообразны: охота, отношения с женщинами, семейные отношения, дружба, работа, жизнь в колхозе, человеческие пороки (жадность, лень, хвастовство и др.), вредные привычки и т. д. Женщин интересуют такие темы как воспитание детей и международный женский день.

Содержательный анализ языковых средств, объективирующих концепт «женщина» в шванках российских немцев позволил сделать вывод о том, что женщина в шванках характеризуется по следующим критериям: внешность, род занятости, характер, отношение к детям, отношение мужчины к ней.

Отвечая на вопрос, как выглядит женщина, необходимо указать на то, что по данному признаку в шванках российских немцев, написанных женщинами, выделяются три типа женщин: «фифочка», «обычная, земная женщина», «женщина

с бросающимися в глаза чертами лица». Объектом резкой критики является «женщина-фифочка», которая много внимания уделяет своему внешнему виду: модно одевается, а также пользуется ярким макияжем (*des Susje hot e zierlich Gsicht mit großi schwarzbewimperte Auge un e schöni Figur, die Susje im neimodische Kostüm, mit blau un schwarz beschmierte Augelidr, die Lippe grell rot gefärbt*). Кроме того, такая женщина считается высокомерной, много о себе воображающей и всяческими способами отлынивающей от недостойной ее, по ее мнению, работы (*eh inteligente Fifotschka*). Однако, такая женщина красива, обладает стройной фигурой и стройными ногами (*des hüpsche schlanke Mädel mit ihre hecke Beincher*). Следующий тип женщины – это женщина с какой-либо отличительной чертой внешности, например, полнота (*die dick Malje*), большой рот (*unser naije Nochborin mit dem große Maul*). Данная черта внешности является при этом предметом обсуждения, а также объектом язвительных насмешек со стороны других женщин. Третий тип женщины – это обычная, земная женщина. Она либо сильная, крупного телосложения (*e große starke Fraa, e hervorragendes Weib: grouß, kräftig un arch schee is se aach*), либо маленькая, изящная и симпатичная (*eh zaghafte scheenes Weib, eh hüpsche junge Frau*). Красота этой женщины естественна, она дана ей природой, что, по-видимому, вызывает уважение со стороны других женщин.

В шванках, написанных мужчинами, по признаку «внешность» выделяются два типа женщин: «труженица» и «девушка-красавица». «Труженица» обладает следующими чертами внешности: она высокая, сильная, полная, крупного телосложения, с красным цветом лица или рыжими волосами (*eine füllige aber recht wuselige Frau; eine große, starke Bäuerin; die vorlaute dicke Käthrin; ein starkes und gesundes Weib; die lang Bärwel; die rote Gretje, die dickbäckige Brothändlerin; a große starke Fraa*). Эта жен-

щина не является красоткой с идеальной внешностью. Это работающая женщина, жительница сельской местности. Она погружена в повседневные заботы. Второй тип женщины – красавица. Ее отличают стройные длинные ноги, пышная грудь, стройная фигура, красивый цвет лица и волос (*ein kleines niedliches Wesen; eine hübsche junge Frau mit roten Wangen und schwarzen Augen; a blondes Trutschel; die hochbeinige Blondine; die entzückende Brünette; ein schwarzes engelsgleichen Wesen; die göttliche Schwarze; eh zaghafte scheenes Weib; des schöne Ding; a recht schlankes, starkristische Madamje*). Красота этой женщины божественна, а сама она уподобляется ангелу (*ein engelsgleichen Wesen*). Как правило, она городская жительница. Она мечта всех парней и мужчин. Как видим, в представлениях о женщине в шванках, написанных женщинами и мужчинами, имеются и сходства и различия. И в тех и других шванках мы находим женщину с заурядной внешностью («труженица», «обычная, земная женщина»). В обоих видах шванков действуют героини-красавицы. Однако, в шванках, написанных женщинами, это так называемые фифочки – высокомерные воображалы. В шванках, авторами которых являются мужчины, подобные красавицы являются предметом восхищения мужчин. В шванках мужчин мы не находим женщин с бросающимися в глаза чертами лица, которые являлись бы предметом язвительных насмешек.

По признаку «род занятости» представления о женщине в шванках, написанных мужчинами и женщинами, отличаются незначительно. Распространенными профессиями, упоминаемыми в обоих видах шванков, являются медсестра (*die Krankenschwester*), врач (*eine Doktorin, die Ärztin, die Augenärztin*), почтальон (*die Postträgerin*), техничка (*die Technitschka, die Scheurfrau, die Aufräumefrau*), учитель (*die Lehrein, die Schullehrerin, die Gesanglehrerin*), воспитатель в детском саду (*die*

Kinergärtherin, die Erzierinne), секретарша (*die Sekretärin*), доярка (*die Melkerin, die Bestmelkerin*), продавщица (*die Verkäuferin*). И в шванках женщин, и в шванках мужчин действуют героини, занимающие руководящие посты (*die Verkaufsstellleiterin, die Farmleiterin, mei Scheefin*), а также активно участвующие в жизни колхоза (*Mitglied der Gewerkschaftskomitee*) и являющиеся депутатами (*Deputat*). Однако только в шванках мужчин героини часто являются крестьянками (*die Bäuerin*) или просто рабочими без указания на точный род занятости (*Arweiterin*). Таким образом, женщина в шванках российских немцев стремится работать, и сферы ее деятельности разнообразны. Это свидетельствует о желании женщины занимать равное с мужчиной положение в обществе, а не быть простой домохозяйкой, полностью зависящей от мужчины.

Следующий признак для создания образа женщины в шванках – это черты характера. Черты характера, обсуждаемые авторами-женщинами, не столь разнообразны. Однако описываются как положительные, так и отрицательные характеристики. Среди положительных черт характера необходимо назвать верность мужчине (*sei treiherzig Katrina, treiherzig Lispett*), сильный характер (*Karakter hart wie n Granitstaa*), активность (*e arg aktive Fraa*), добродушие (*die gutherzig Ann*). Объектом критики являются лень, упрямство (*awer faul wor des Ding un widerspenstich wie'n alter starrköppjer Fraa*), жадность (*eh richtige Geizeminna, so ehn Geizhals*), глупость (*dumme Gans*). В шванках, авторами которых являются мужчины, описываемые черты характера женщин более разнообразны и многочисленны, что позволяет выделить два типа женщин по данному признаку: «старая ведьма» и «добродушная женщина». «Старая ведьма» обладает такими чертами характера, как недоброжелательность, любопытство, хитрость, распространение сплетен (*die größte Klatschbase, altes Klatschmaul, die alte Hexe*,

däs schlaue Evje, die neuegirigen Bauersweiber). «Добродушная женщина» выступает в качестве положительной героини, обладающей такими качествами, как доброжелательность, благородство, прилежание, осмотрительность (*eine umsichtige Frau, die gütige Frau, ein tüchtiges Mädel, eh arig fleißiges Weib, eine vornehme Hausfrau*). Как видим, в обоих видах шванков предметом обсуждения являются и положительные и отрицательные характеристики женщины. Однако, предметом, как порицания, так и похвалы являются разные качества. Авторы-женщины обращают внимание на верность, жизненную активность своих героинь. Мужчины-авторы шванков ценными считают такие качества, как благородство и прилежание и отрицательно относятся к любопытным, хитрым, злым женщинам и сплетницам. Но и женщины и мужчины ценят в своих героях добродушие и критикуют глупость.

В создании образа женщины в шванках российских немцев участвует также признак «отношение мужчины к женщине». Для передачи образа женщины используются сочетания, выступающие в качестве обращения мужчины к женщине: *du liebes goldiges Annje, ma Herzteibje; maa Goldschatz; Schätzsel*. Первые две лексемы являются нейтрально окрашенными, но в контексте они приобретают дополнительные коннотации: положительные или отрицательные. Сочетания *du liebes goldiges Annje, ma Herzteibje; maa Goldschatz* приобретают в контексте отрицательную эмоциональную окраску:

(1) *Zwei haßerfüllte Augen durchbohrten ihn förmlich wie mit Messern. „Frogst ach noch, Sauflaps, du elender! Montag is heit. Die Leit sin schun heemkomme vun Arweit, un du Faulsack host wider die ganze Polutschke vrsoffe“. – „Du liebes, goldiges Anje, ma Herzteibje, ich schwör dr, daß...“* (Worm, 16).

(2) *Jagor Iwanisch kloppt seiner Alt auf die Schulter un saat mit'me Schmunzelmaul: Was hoste dann widdr, maa Goldschatz?“* (Herdt, 16)

Примеры из контекста демонстрируют желание мужа отвязаться от жены и ее нравоучений. Он заискивает перед ней, пытаясь добиться её расположения, поэтому так ласково называет ее.

Лексема *Schätsel* имеет в тексте положительную коннотацию:

(3) *Wie's Esse fertig war, hotr'se vorsichtig geweckt. „Steih uf, Schätsel“, saatr, „wolle esse.“* (Herdt, 16)

Данный пример свидетельствует о заботливом отношении мужчины к женщине.

Для характеристики женщины в шванках используются также такие слова как *die Liebje, a Liebhaberin*. Они указывают на то, что женщина помимо роли жены должна выполнять еще и роль любовницы. Как правило, для мужчины эти роли исполняются разными женщинами, как это иллюстрирует следующий пример:

(4) „*Un? Was willste noch? Jetz guck doch moul dou, du Flichlkapp, hun ich dr doch mit aam Schuß zwaa Hase gplotzt – hun dr gleichzeitich a Liebhaberin mitzamst dein Fraaje organisiert, un du gauzt noch dou rum! Däs is doch, wann mrsch richtich nemmt, a doppelt Neijouhrcgschenk!*“ (Günther, 16)

Следующий признак для создания образа женщины, имеющим место только в шванках, авторами которых являются женщины, – это отношение к детям, что свидетельствует об интересе женщин к проблеме воспитания детей. Лексические единицы, объективирующие концепт «женщина» по данному признаку, говорят о критическом отношении к женщинам. Героиня шванков не может найти золотую середину в деле воспитания своего ребенка. Она слишком балует его, потакая ему во всем (*Goldengelje, eh gutherziges Kind, mei goldiges Kind, mei Goldschatz, mei einzige Trost, liewes Kind, der Knirps*), в результате чего ребенок становится неуправляемым, капризным. Мать ругает его, срываеться, не добиваясь при этом нужного результата (*der Quälgeist, du deiwlicher Kerl, der*

Witzbold, der Rotzbub, du Schweinehund du niederträchtiger, so ehn Nixnutz). Она не может найти правильный подход к его воспитанию. Отец же не принимает никакого участия в воспитании своего ребенка.

Таким образом, в данной статье мы провели содержательный анализ лексических единиц, объективирующих концепт «женщина» в шванках российских немцев, авторами которых являются как мужчины, так и женщины. Проведенный нами анализ позволяет сделать следующие выводы. Количество лексических единиц, объективирующих концепт «женщина», немногочисленно по сравнению с количеством лексем, презентирующих концепт «мужчина» в шванках российских немцев. Возможно, это связано с тем, что авторами шванков, в основном, являются мужчины и главными героями их шванков также являются мужчины. Часто даже в шванках, написанных женщинами, главный герой, от лица которого ведется повествование, тоже мужчина. Женщина в шванках является то в образе «труженицы», т. е. «обычной, земной женщины», то в образе «девушки-красавицы», вызывающей восхищение у мужчин, то в образе «фифочки», раздражающей женщин. Ее внешность также может стать предметом язвительных насмешек со стороны других женщин. Героиня шванков выступает то в качестве отрицательного персонажа «ведьмы-сплетницы», то в образе положительного персонажа, а именно добродушной женщины. Женщина не лишена такого качества как глупость. В некоторых ситуациях она поступает глупо. Для мужчины, с одной стороны, она – жена, от постоянных нотаций которой он всячески пытается избавиться и на которую он возложил все обязанности по воспитанию детей, с другой стороны любовница, роль которой принадлежит другой женщине, не жене. Мужчины и женщины – авторы шванков – ценят и критикуют в своих героях разные качества. Героини шванков, напи-

санных как мужчинами, так и женщинами, являются представителями одних и тех же профессий, но в шванках женщин чувствуется их стремление к эмансипации. Они не хотят зависеть от мужчин, а хотят работать наравне с ними. Они не просто

крестьянки или работницы, они активные члены профсоюзов, депутаты, руководительницы. Женщина – это еще и мать, но авторы шванков критикуют ее методы воспитания, подчеркивают ее несостоятельность как матери.

Библиографический список

1. Десятникова, И. В. Шванк в литературном наследии российских немцев / И. В. Десятникова // История и культура немцев Алтая (по материалам этнографических экспедиций). – Выпуск 4. / под общ. ред. В. И. Матиса. – Барнаул : Изд-во АзБука, 2005. – С. 144–150.
2. Шутина, В. Н. Сопоставительный анализ бинарной оппозиции «мужчина – женщина» в русской и французской пословичной картинах мира / В. Н. Шутина [электронный ресурс]. – URL: <http://vestnik.stavsu.ru/62-2009/14.Pdf>

Список источников иллюстративного материала

1. Günther, E. 's dopplte Neijouhrgschenk / E. Günther // Rote Fahne. – 1980. – № 1. – с. 16.
2. Herdt, W. Bauprojekte / W. Herdt // Neues Leben. – 1981. – № 23. – с. 16.
3. Worm, D. Die Fraue hun Haare uf dr Zung / D. Worm // Rote Fahne. – 1966. – № 44. – с. 16.

И.А. Шершнева
Барнаул

О ФЕНОМЕНЕ ЛЖИ И ЕГО ТОЛКОВАНИИ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

Ключевые слова: феномен лжи, коммуникация, обман, прагматика, гуманитарные науки.

Key words: phenomenon of lying, communication, deception, pragmatics, humanities.

Продолжая оставаться феноменом человеческого общения, ложь не может не являться объектом научного исследования. Сложность и многоаспектность феномена лжи не позволяет рассматривать ложное высказывание только как объект лингвистического исследования, данное языковое и окоязыковое пространство по праву изучается и психологическими науками. Проблема истины / лжи входит в круг актуальных задач логики и юриспруденции. Кроме того, принадлежность лжи к философско-этическим категориям делает ее объектом философских исследований (Ленец 2008: 79).

Уже античные философы, начиная с Аристотеля и Платона, пытались разобраться не только в сущности лжи и обмана, но и в морально-психологических аспектах этих явлений, а также выработать рекомендации препятствующие распространению лжи. Так, занимаясь разоблачением софи-

стов и их уловок в ходе различного рода обсуждений, Аристотель пришел к формулировкам основных законов формальной логики. В средние века и новейшее время М. Монтень, Н. Макиавелли, Ш. Монтескье, А. Шопенгауэр, российские философы В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, французский исследователь Г. Дюпра и ряд других исследователей уделяли анализу феномена лжи достаточно много внимания (Тарасов 2005: 19).

Еще с древних времен определились два основных подхода к допустимости лжи. Платон, Гегель, Макиавелли считали ложь во благо общества допустимой, и даже необходимой.

Обратная позиция уходит корнями в христианскую мораль и рассматривает ложь с точки зрения наносимого ею вреда, а потому не принимается как форма поведения человека. Епископ Аврелий Августин отрицал любую форму лжи, считая,

что она подрывает доверие между людьми, Кант не допускал права субъекта на ложь даже, когда надо дать ответ на вопрос злоумышленника дома ли тот, кого он задумал убить. Вместе с тем, Фома Аквинский пытался связать оправданность разных видов лжи с моральным фактором, полагая, что грех лжи отягчается, если субъект намерен ложью причинить вред другому, и это называется вредной ложью; грех лжи уменьшается, если она направлена на добро или развлечение, и тогда мы имеем дело с шутливой ложью, или на пользу, и тогда это услужливая ложь, посредством которой субъект стремится помочь другому человеку или спасти его от вреда (Weinrich 1966: 17).

Не соглашаясь с безусловным и формальным характером нравственных предписаний, отстаиваемых Кантом, Фихте и другими моралистами, В.С. Соловьёв возражает против их формального определения лжи как противоречия между изъявлением о некотором факте и действительным существованием или способом существования этого факта. По мнению В.С. Соловьёва, формальное понятие лжи не имеет прямого отношения к нравственности. Противоречащие действительности изъявления может иногда быть только ошибочным, и в таком случае его фактическая ложность ограничивается лишь предметной областью, нисколько не затрагивая нравственной стороны субъекта, т. е. тут совсем нет лжи в нравственном смысле: «ошибка в фальшь не ставится» (Соловьёв 1999: 466).

Перечисляя мотивы лжецов, В.С. Соловьёв указывает на удовлетворение своего тщеславия, чтобы чем-нибудь себя заявить, обратить на себя внимание, отличиться, материальные расчёты, чтобы обмануть кого-нибудь с пользой для себя (Соловьёв 1999: 467).

В психологической литературе справедливо подчеркивается то, что стратегией лгущего может быть как достижение,

так и избегание каких-либо последствий. Лживость – форма поведения, заключающаяся в намеренном искажении действительности ради достижения желаемой цели или стремления избежать нежелательных последствий. В тех случаях, когда лживость становится привычной формой поведения, она закрепляется и превращается в качество личности.

Признание в качестве фундаментального исследования получила работа Пола Экмана «Психология лжи» (Экман: 1999). П. Экман определяет ложь и обман, как действие, которым один человек вводит в заблуждение другого, делая это умышленно, без предварительного уведомления о своих целях и без отчётиливо выраженной со стороны жертвы просьбы не раскрывать правды. П. Экман выделяет две основные формы лжи: умолчание (тайна) и искажение (ложь). Многие психологи считают, что такое различие имеет важное моральное значение, и утверждают, что у лжи существует явная негативная презумпция, в то время как у тайны она может отсутствовать; известны также понятия «святая ложь», «ложь во спасение» и аналогичные. Они несут в себе чётко выраженную положительную нравственную оценку (Экман 1999: 27).

Известный российский исследователь психологии понимания правды В.В. Знаков, полагает, что необходимо точно определить признаки сходства и различия неправды, лжи и обмана: «В психологии выделяется три таких признака: 1. фактическая истинность/ложность утверждения; 2. вера говорящего в истинность/ложность утверждения; 3. наличие/отсутствие у говорящего намерения ввести в заблуждение слушающего». Неправда, по В.В. Знакову, проявляется в трёх разновидностях, а именно: «как вербальный эквивалент заблуждения», далее «неправду можно обнаружить в различных формах иносказания (аллегории, иронии, шутке и т.п.)» и, наконец, «враньё – социальный и

психологический феномен, представленный в российском самосознании в значительно большей степени, чем у других народов» (Знаков 1993: 244).

Что касается логики, то истинность или ложность конкретного суждения здесь рассматривается независимо от того, как к нему относится высказывающий ложь субъект. Существует также целый раздел, занимающийся вопросом оценки высказывания – логика высказываний. Логика высказываний является теорией тех логических связей высказываний, которые не зависят от внутреннего строения (структурь) простых высказываний.

Логика высказываний исходит из следующих двух допущений:

1. Всякое высказывание является либо истинным, либо ложным (принцип двузначности);

2. Истинностное значение сложного высказывания зависит только от истинностных значений входящих в него простых высказываний и характера их связи.

На основе этих допущений ранее были даны строгие определения логических связок «и», «или», «если, то» и др. Эти определения формулировались в виде таблиц истинности и назывались табличными определениями связок. Соответственно, само построение логики высказываний, опирающееся на данные определения, называется табличным ее построением.

С помощью таблиц истинности в случае любого сложного высказывания можно определить, при каких значениях истинности входящих в него простых высказываний это высказывание истинно, а при каких ложно.

Проблемы истинности и ложности высказывания сформулированы также в двух самых известных законах логики: законе противоречия и законе исключенного третьего.

В конце XX – начале XXI вв. проблемы лингвистики лжи и речевого обмана занимают большое место в научных иссле-

дованиях отечественных и зарубежных лингвистов.

Интерес вызывает исследование немецкого философа и лингвиста Харальда Вайнриха «Лингвистика лжи», ставшее классическим (Weinrich 1966). Впервые книга была опубликована в 1965 году как ответ на первый возникший у Немецкой Академии языка и поэзии сложный вопрос, может ли язык скрывать мысли. Спустя 35 лет Х. Вайнрих добавил к своей трактовке того времени современный эпилог: «Лингвистика не может избавить мир от лжи. Тем не менее, она призвана описать происходящее с точки зрения языка, когда правда, искажаясь, становится ложью» (Weinrich 1966: 75).

В рамках своего исследования автор решает вопрос, благодаря каким средствам передается ложь, какими словами, предложениями. Решающим фактором при этом является контекст. Так, ложь может обнаружиться в контексте высказывания. Часто она заключается в прямо противоположном смысле, о котором говорится, при этом решающая роль отводится утвердительной морфеме (да/нет), выраженной в предложении.

Изучение лжи в коммуникации, вопросов, связанных с темой «лингвистика лжи», стало особенно интенсивным в последнее время. Внимание исследователей лжи переключилось с вопроса о том, как оформляется ложь в языке, на вопрос о том, как она функционирует в речевом общении и возможно ли измерить её основные параметры. Теория неискреннего общения или неискреннего дискурса с позиции когнитивной лингвистики получила развёрнутое толкование в работе С.Н. Плотниковой «Неискренний дискурс» (Плотникова 2000). В своём исследовании С.Н. Плотникова последовательно и аргументированно доказывает, что неискренность является дискурсивной стратегией языковой личности, направленной на воплощение особого личностного замысла.

Особый интерес представляет изучение лжи с позиции прагматики, где также существуют попытки создания теории лжи. Ложь изучается с позиции этапов речевого акта – роль локутивного, иллокутивного и перлокутивного этапов; с позиции успешности/ неуспешности осуществления ложного высказывания.

В рамках прагматики изучаются намеренность и целенаправленность речевого обмана и лжи. Структура речевого акта в основных чертах воспроизводит модель действия: в ней присутствует намерение, цель и производимый эффект (результат).

В своей статье «Отечественные и зарубежные теории лжи и речевого обмана» исследователь А.В. Ленец прогнозирует становление нового научного направления в России – «лингвистики лжи». Её предметом следует считать ложные речевые действия, в которых отражаются интенции говорящего, его социальные, психологические признаки, в соответствии с которыми он выстраивает свои стратегии и тактики влияния на получателя ложной информации (Ленец 2008: 86).

Таким образом, обзор работ, касающихся феномена лжи в гуманитарной сфере, позволяет сделать следующие выводы:

Библиографический список

1. Знаков, В. В. Неправда, ложь и обман как проблемы психологии понимания / В. В. Знаков // Вопросы психологии. – 1993. – № 3. – С. 244–246.
2. Кант, И. О лжи / И. Кант; пер. С. Я. Шейнман-Топшнейн, Ц. Г. Маркова и В. А. Жучкова ; под общ. ред. проф. А. В. Гулыги. – Соч. в 8 т. – Т. 6. – М. : Чоро, 1994, – С. 472–473.
3. Ленец, А. В. Отечественные и зарубежные теории лжи и речевого обмана / А. В. Ленец // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – Челябинск : ГОУ ВПО ЧелГУ, 2008. – № 26 (127). – С. 79–87.
4. Плотникова, Н. С. Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах) / Н. С. Плотникова. – Иркутск, 2000. – 244 с.
5. Соловьёв, В. С. Чтения о богочеловечестве. Духовные основы жизни. Оправдание добра / В. С. Соловьёв. – Мн. : Харвест, 1999. – С. 447–467.
6. Тарасов, А. Н. Психология лжи / А. Н. Тарасов. – М. : Книжный мир, 2005. – С. 18–26.
7. Экман, П. Психология лжи / пер. с англ. Н. Исупова, Н. Мальгина, Н. Миронов ; под научн. ред. докт. псих. наук, проф. В. В. Знакова. – Спб. : Издательство «Питер», 1999. – С.27–69.
8. Weinrich, H. Linguistik der Lüge / H. Weinrich. – Heidelberg, 1966. – S. 17–76.

РЕЗЮМЕ

SUMMARY

Барсукова С.С. Сущностные особенности эффекта обманутого ожидания. В статье рассматриваются когнитивные механизмы создания эффекта обманутого ожидания, философские понятия причины, следствия и случайного и лингвистические механизмы создания данного эффекта на определённых языковых уровнях.

Barsukova S.S. Essential Properties of the Defeated Expectancy Effect. This article reviews the cognitive ground of the defeated expectancy effect, the philosophical notions of cause, consequence and occasion, and linguistic mechanisms of the defeated expectancy effect actualization on the certain levels of the language.

Баstryкина О.В. Актуализация ситуации идентификации в процессе сравнения. Предложения идентификации указывают на тождественность разных выражений в отношении одного и того же предмета или явления, но каждый раз обозначенного различным образом. Отношения идентификации можно разделить на пять типов: 1. ситуация детективного поиска, 2. ситуация перехода от знания к знакомству, 3. ситуация «воплощенной мечты», 4. ситуация узнавания, 5. ситуация идентификации личности. Процесс идентифицирующего сравнения играет существенную роль в системе человеческого восприятия.

Bastrykina O.V. Realization of the Situation of Identification in the Process of Comparison.

Identification is identical equation of various expressions in relation to the same object or fact, which is termed differently every time. The main types of identical equation are: 1. the situation of detective search; 2. the situation of transition from cognition to introduction; 3. the situation of a “realized dream”; 4. the situation of recognition; 5. the situation of personality identification. The process of identification plays a prominent role in the system of human perception.

Битнер М.А. Значение в структуре познавательного процесса. В статье представлен взгляд на значение как часть познавательного процесса, включенную в чувственный и знаковый способ освоения действительности. Двойственная природа значения является гарантом адаптации познающего субъекта к среде.

Bitner M.A. The Place of Meaning in the Structure of the Process of Cognition. This article explores the nature of meaning which is claimed to be integrated into the process of cognition. Its double nature (objective and subjective) guarantees a successful adaptation to the environment which is considered to be the target of cognition.

Блох М.Я. Философия слова: семь воплощений лексемы. В статье рассматривается слово, воплощенное в единицах семи уровней языка. Проводится принципиальное различие между назывной функцией слова и смысловой функцией слова. Смысловое содержание слова, распределенное по его лексикулам (лексико-семантическим вариантам), разбивается на

три основных реализаций: обычную, концептную (стихийно-понятийную) и ригоремную (строго понятийную). Раскрывается речеобразовательный статус слова в составе диктемы как тематической и стилеоформленной элементарной единицы текста-дискурса.

Blokh M.Y. The Philosophy of Word: Seven Embodiments of Lexeme. In the article the word is considered in its presentations as units of the seven levels of language. The cardinal difference is shown between the nominative function and the semantic function of the word. The semantic content of the word, distributed among its lexicules (lexico-semantic variants), is classed into three basic realizations: common, freely conceptual, and rigorously conceptual. The speech-forming status of the word is established within the framework of the dicteme – a topical and stylistically complete elementary unit of text (discourse).

Вольтер Э.Г. Еще раз о лингводидактических домыслах. Статья посвящена актуальным спорным проблемам современной теории и практики обучения иностранным языкам.

Volter E.G. Some More Ideas About Linguodidactic Fantasies. The article is devoted to some disputable issues in theory and practice of modern foreign language teaching.

Германова М.О. Способы передачи фактуальной информации в акколаде. В данной статье анализируются определение и виды вторичных текстов, к которым автор относит акколады – компрессированные тексты, передающие основную информацию оригинала (первичного текста). Рассматривается структура акколады, её функции и способы их выражения.

Germanova M.O. Means of Communicating Factual Information in Accolade. The article is focused on the concept of derived texts, to which the author refers the accolade – a compressed text transferring the main information of the original text. The structure of the accolade, its functions and means of their explication are analyzed.

Истомина М.А. Категория оценки в структуре жанра фильм-ревью как особого типа дискурса. Данная статья посвящена понятию оценки, ее сущности и особенностях в структуре жанра фильм-ревью. В статье приводится характеристика жанра фильма-ревью, который рассматривается как особая форма культурологического дискурса, описывается структура фильма-ревью, особое место в которой занимает характеристика двух типов информации – фактивной и оценочной, определяются их различия и функции.

Istomina M.A. The Category of Evaluation in the Structure of Film-Review as a Specific Form of Cultural Discourse. The article examines the category of evaluation, its substance and peculiarities in the structure of film-review genre. The article contains short characteristics of the film-review genre as a specific form of cultural discourse. Moreover, the article studies the structure of film-review, providing the description of difference between the two main information types – factive and evaluational, which are considered to be of special importance in this type of discourse.

Казыдуб Н.Н. Дискурсивное пространство как объект мультидисциплинарного исследования. Статья посвящена моделированию дискурсивного пространства как сложной системы, основанной на взаимодействии различных измерений. Дифференцируются четыре измерения, конкретизируются их составляющие и определяется их вклад в конструирование дискурсивных событий.

Kazdydub N.N. Discourse Space as an Object of Multidisciplinary Study. The article is aimed at the discourse space modelling. The discourse is viewed as a complex system created by the interaction of different dimensions. Four dimensions are differentiated, their constituents are specified and their contribution to the construction of discourse events is discovered.

Келлер И.М. Модель V – N как базовая модель расчленённой номинации действия в английском языке. В статье выявляются модели расчленённой номинации, существующие в английском языке, и анализируется глагольно-именная модель как базовая модель расчленённого именования действия. Определяются когнитивные, pragmaticальные и языковые факторы, обуславливающие выбор данного способа номинации.

Keller I.M. The Verbal-Nominal Model as the Basic Pattern of Discrete Nomination of Action in English. The article deals with the models of discrete nomination existing in the English language and presents the analysis of the verbal-nominal model as the basic model of the discrete nomination of action. The cognitive, pragmatic and linguistic factors determining the choice of this way of naming are also determined.

Кобрина Н.А. О соотносимости ментальной сферы и вербализации: взаимозаменяемость / относительная автономность / неоднозначность векторной зависимости. Статья посвящена рассмотрению «работы» двух процессов сознания: осмыслиения воспринимаемого и его вербализации. Будучи взаимосвязанными, эти процессы находятся в отношениях дополнительности и актуализируются по принципу синкопы, то есть параллельно, но не одновременно.

Kobrina N.A. On Correlation of Mental Sphere and Verbalization: Interchangeability / Relative Autonomy / Ambiguity of Vector Dependency. The article outlines the work of two mental processes – conceptual comprehension and verbalization of the perceived entity and its verbalization. Being interconnected, these processes are complementary and their actualization is based on the syncope principle, when two actions are performed as parallel but by no means as simultaneous.

Кобрина О.А. Специфика коммуникативной категории модуса. В статье раскрывается понятие модусной категории, определяется функциональный и коммуникативный потенциал модуса, систематизируются способы его экспликации, выявляются его сущностные показатели.

Kobrina O.A. The Specific Character of the Communicative Category of Modus. The article is devoted to the description of the modus phenomenon. The interpretation of the basic term is supported and the main means of modus actualization are brought to system. Also its functional and communicative values are viewed.

Козлова О.А. Социо-культурные конвенции как одно из оснований аксиологической оценки. Статья посвящена влиянию социо-культурных конвенций на процесс реализации оценочного действия. В отличие от индивидуальных критериев, социальные конвенции позволяют сформировать устойчивую релевантную социо-культурную идентичность. Они ложатся в основу оценочного действия, становясь теми критериями, опираясь на которые субъект оценивания выносит суждение об объектах, событиях или явлениях реальной действительности, приписывая им определенные свойства и характеристики, наделяя их ценностью.

Kozlova O.A. Social and Cultural Conventions as One of the Foundations for Axiological Evaluation. The article is devoted to the influence of social and cultural conventions on the process of evaluation. In contrast to individual criteria, social conventions make it possible to form a settled relevant social and cultural identity. They underlie evaluation process making the criteria guided by which the evaluating subject passes a judgment about objects, events, and phenomena of real world, thus attributing to them certain features and qualities, attaching value to those things.

Кочкинекова А.В. Партивность и ее перцептивное преломление в английском языке. Статья посвящена явлению партитивности и основным способом его преломления в английском языковом пространстве. Партивность рассматривается на фоне представления человека в качестве совокупности мысленно вычленяемых компонентов. На ментальном уровне данная особенность эксплицируется с помощью активации партитивного типа фрейма.

Kochkinekova A.V. Partitivity and its Perceptive Interpretation in English. The article is devoted to the partitivity phenomenon and its main means of perceptive interpretation in the English language space. Partitivity is considered against the background of the person representation as a range of mentally isolating constituents. On the mental level this peculiarity is revealed with the help of partitive frame activation.

Куппа Н.С. Типы конкретизации характера глагольного предиката. Статья посвящена рассмотрению существующих типов структур двуглагольного сказуемого, определению сущности, роли и semanticского состава компонентов расширения глагольного сказуемого.

Kuppa N.S. Types of Substantiation of the Verbal Predicate. The article is devoted to the study of the existing types of a compound verbal predicate and to the analysis of essence, role and semantic structure of the components of the verbal predicate.

Кустова С.В. Мультимедийное сопровождение обучения иноязычному чтению. В статье представлен взгляд на значение как часть познавательного процесса, включенную в чувственный и знаковый способ освоения действительности. Двойственная природа значения является гарантом адаптации познающего субъекта к среде.

Kustova S.V. Multimedia in Teaching Reading in a Foreign Language. This article explores the nature of meaning which is claimed to be integrated into the pro-

cess of cognition. Its double nature (objective and subjective) guarantees a successful adaptation to the environment which is considered to be the target of cognition.

Лопатина М.Ю. Актуализация значения операционального предпочтения лексическими единицами дальней периферии с семой [обдумывание/взвешивание]. Статья посвящена анализу функционально-семантических особенностей лексических единиц ментального поля (decide, deliberate, consider, weigh, compare, regard, dilemma, turmoil и т. д.), участвующих в актуализации фрейма «операционального предпочтения». Данные лексемы эксплицируют наиболее значимый этап в развертывании ситуации предпочтения/выбора – этап сравнения/взвешивания и реализуют комплекс значений, включающий такие семы, как [обдумывание], [зрительное восприятие], [душевные переживания].

Lopatina M.Y. Actualization of the Frame 'Operational Preference' by Means of Lexical Units with the Seme [THINKING]. The article is aimed at the functional and semantic analysis of the lexical units of 'the mental field' which actualize the frame 'operational preference'. These lexemes represent the most significant stage in the situation of preference/choice – comparing/weighing and realize a complex of meanings which includes such semes as [thinking], [visual perception], [emotional stress].

Максимов В.Д., Максимова Т.Д. Структурно-семантические свойства английских глагольных предикатов как экспонентов категории звучания. В статье доказывается существование соответствия между свойствами физических звуков и семантикой глагольных предикатов в составе соответствующих английских высказываний. Все онтологические нюансы звукового универсума находят отражение в языковых репрезентациях соответствующих категорий, будь то длительность, громкость, фазовость или оценка.

Maksimov V.D., Maksimova T.D. Structural-semantic Peculiarities of English Verbal Predicates as Exponents of the Category of Phonation. The article confirms the existence of correlation between English verbal sonatives' semantics and their counterpart referents' properties in the world at large. In so doing, the speaker has to select proper content-and-form predicates for expressing quite a few categories such as time duration, loudness, phases and evaluation.

Поликарпова О.Н. Предикативность как статусная категория предложения. Представляя собой синтаксическую категорию, предикативность является формальным объединением подлежащего и сказуемого, образующих ядро предложения. В рамках данного понимания представляется, что предикативность может передаваться при помощи категорий модальности, персональности, темпоральности и временной локализованности.

Polikarpova O.N. Predicativity as a Status Category of the Sentence. Being a syntactical category, predicativity is a formal combination of a subject and a predicate, making up a sentence core. Within the scope of this view this is to submit that predicativity can be transferred by means of modality, personality, temporality, temporal localization.

Прохорова О.Н., Чекурай И.В. Стабильность как категориальная область аксиологической стороны лингвистической семантики. В статье рассматриваются структурные и функциональные параметры ценностной концептосферы СТАБИЛЬНОСТЬ в различных языках. Исследование выполнено в лингвокогнитивном русле. Отмечается универсальный характер исследуемой семантической характеристики.

O.N. Prokhorova, I.V. Chekulai. Stability as a Categorial Feature of the Axiological Aspect of Linguistic Semantics. The article deals with the structural and functional parameters of the value conceptual sphere STABILITY in different languages. The research has been done in a linguistic cognitive cue. The universal character of the semantic characteristic feature investigated is laid an emphasis on.

Рассолова И.Н. Процессы оппозиционной редукции в английском языке. В статье рассматривается как общенаучное понятие категории, так и категории в грамматике. В основе грамматических категорий лежат оппозиции грамматических форм, объединенных общим грамматическим значением. В контексте один член оппозиции может замещать другой, противоположный член, т. е. имеют место процессы нейтрализации и транспозиции. При нейтрализации слабый (немаркированный) член оппозиции замещает сильный (маркированный) член. Для транспозиции характерно употребление сильного члена в позиции, типичной для слабого, при этом замещающий член выполняет две функции: свою собственную и функцию замещаемого члена.

Rassolova I.N. Processes of Oppositional Reduction in English. The article deals with categories as a general scientific notion as well as grammatical categories. Grammatical categories are based on the opposition of forms united by a general grammatical meaning. In the context one member of the opposition can be used in the position typical of another one, so the processes of neutralization and transposition take place. The process when a weak (unmarked) member of the opposition is used instead of a strong (marked) one is known as neutralization. As for transposition, a strong member replaces a weak one and performs two functions: its own and the function of the replaced member.

Трунова Н.В. Системный потенциал и художественные функции Present Simple. Статья посвящена рассмотрению специфики использования форм настоящего времени английского глагола в художественном тексте. Основные функции обозначенного формоупотребления сводятся к созданию эффекта иллюзорности, эффекта присутствия, эффекта событийной «встроенности».

Trunova N.V. Systemic Potential and Expressive Functions of Present Simple. The article deals with peculiarities of present tense narration. The main functions of this narrative technique come down to creating special effects of immediacy, imbedding and illusory things.

Трунова О.В. Архитектоника категории модальности в современном английском языке. В статье аргументируется лингвистический статус категории модальности в английском языке, выявляются ее сущностные характеристики, определяются основания вычленения двух подтипов,

описываются семантические константы, систематизируются средства экспликации модальных значений.

Trunova O.V. Architectonics of the Category of Modality in Modern English. The article offers supporting evidence in defining the linguistic categorial status of modality in the English language, the grounds for its internal subdivision. It also exposes the semantic constants of the category and ways of their verbalization.

Хохлова Е.А. Образ женщины в шванках российских немцев. Статья посвящена сопоставительному анализу языковых средств репрезентации концепта «женщина» в шванках российских немцев, авторами которых являются, с одной стороны, мужчины, а с другой – женщины.

Khokhlova E.A. Concept “Woman” in the Shvanks by Russian-Germans. The article is devoted to the comparative analysis of lexical units which represent the concept “woman” in the shvanks produced by Russian-Germans. The shvanks under review are written by both men and women.

Чернова М.А. Моделирование семантического пространства оценочных коллоквиализмов. Задачей данной статьи является построение и описание смыслового пространства оценочных коллоквиализмов в американском варианте английского языка, что позволяет эксплицировать существующий комплекс ценностей, присущих американскому языковому сообществу на данном этапе развития, а также смоделировать фрагмент ценностной картины мира англоязычного социума.

Chernova M.A. The Construction of the Semantic Space of Evaluative Colloquialisms. The paper discusses the possibility of constructing and describing the semantic space of American evaluative colloquialisms, which enables the explication of the existing set of values of the American linguistic community and may allow the construction of a fragment of its axiological worldview.

Шацких Н.Н. Лирика хайку как выражение дзэн-буддистской «эстетики недосказанности». Статья посвящена традиционному жанру японской лирической поэзии – трёхстишиям хайку, – тесно связанному с философией дзэн-буддизма. Хайку просто, лаконично и достоверно изображают человека и мир природы в их нерасторжимом единстве. Отличительными чертами поэтических миниатюр являются краткость, недосказанность, символизм и глубокий философский смысл.

Shatskikh N.N. Haiku Lyrics as the Expression of Zen Buddhism “Understatement Aesthetics”. The article is devoted to haiku as one of the traditional genres of Japanese poetry closely connected with the main principles of Zen Buddhism. Haiku portray the individual and the natural world around him as an indissoluble whole in a simple, laconic and reliable way. The main features of haiku are brevity, symbolism, an underlying meaning and a deep philosophical sense.

Шелкова С.В. Экспликация залоговых отношений в древнеанглийском языке. Статья посвящена специфике становления категории залога в английском языке. Возникновение аналитической формы пассива в сред-

неанглийский и новоанглийский периоды детерминировано грамматизацией древнеанглийских конструкций с пассивным значением.

Shelkova S.V. Means of Expressing Voice Relations in Old English. The article is devoted to the formation of the category of voice in English. The origin of Middle English and New English analytical passive forms is determined by grammaticalization of Old English constructions with passive meaning.

Шершнёва И.А. О феномене лжи и его толковании в гуманитарных науках. Статья посвящена феномену лжи как одному из наиболее важных аспектов коммуникации. Цель работы – определить существенные характеристики данного явления на основе его толкования в лингвистике и в некоторых гуманитарных науках.

Shershneva I.A. The Phenomenon of Lying and its Interpretation in Linguistics and in Some Humanities. The article is devoted to the phenomenon of lying as one of the most important aspects of communication. The purpose of the paper is to identify the essential characteristics of this phenomenon on the basis of its interpretation in linguistics and some humanities.

Эргман Л.В. Концептуально-таксономический анализ английских релятивных глаголов. Статья представляет попытку систематизации особого подкласса английских статально-релятивных глаголов с учетом их дифференциональных признаков. В статье подчеркивается идея о значимости лексического значения глагола при взаимодействии с категориальным значением видовременных форм, формы пассива и повелительно-го наклонения и других грамматических форм.

Ergman L.V. Conceptual and Taxonomic Analysis of English Elational Verbs. The article endeavours to draw a system of English stative relational verbs on the basis of their differential characteristics. The article emphasizes the idea that the interaction of the lexical conceptual meaning with the categorical meaning of the English tense system, Passive Voice, Imperative and other grammar forms is crucial for determining the range of their variability.

НАШИ АВТОРЫ

Барсукова Светлана Сергеевна

аспирант Алтайской государственной педагогической академии

Бастрыкина Ольга Владимировна

аспирант Алтайской государственной педагогической академии, преподаватель английского языка КГОУЛИ «Алтайский краевой педагогический лицей»

Битнер Марина Александровна

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева

Блох Марк Яковлевич

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой грамматики английского языка Московского государственного педагогического университета (МПГУ), почетный профессор МПГУ, академик Российской Академии естественных наук (РАЕН), академик Международной Академии Наук педагогического образования (МАНПО), член Союза писателей России, член Союза журналистов России, член Нью-йоркского Клуба русских писателей

Вольтер Эрнст Германович

кандидат педагогических наук, доцент кафедры лингводидактики и второго иностранного языка Алтайской государственной педагогической академии (Лингвистический институт)

Германова Маргарита Олеговна

аспирант Алтайской государственной педагогической академии

Истомина Мария Александровна

аспирант Алтайской государственной педагогической академии, ассистент кафедры английского языка Алтайской государственной педагогической академии (Лингвистический институт)

Казыдуб Надежда Николаевна

доктор филологических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой теоретической лингвистики Иркутского государственного лингвистического университета

Келлер Ирина Михайловна

старший преподаватель кафедры иностранных языков гуманитарного факультета Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники

Кобрина Новелла Александровна

доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка
Российского государственного педагогического университета (РГПУ)
им. А.И. Герцена

Кобрина Ольга Александровна

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка
Российского государственного педагогического университета (РГПУ)
им. А.И. Герцена

Козлова Олеся Александровна

старший преподаватель кафедры иностранных языков экономическо-
го и юридического профилей Алтайского государственного универси-
тета (АлтГУ)

Кочкинекова Алена Васильевна

ассистент кафедры перевода Алтайской государственной педагогиче-
ской академии (Лингвистический институт)

Куппа Наталия Сергеевна

аспирант Алтайской государственной педагогической академии

Кустова Светлана Викторовна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка
Алтайской государственной педагогической академии (Лингвистиче-
ский институт)

Максимов Виктор Дмитриевич

кандидат филологических наук, профессор, доцент кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов Алтайского государственного университета (АлтГУ)

Максимова Татьяна Дмитриевна

кандидат филологических наук, профессор кафедры английского языка
Алтайской государственной педагогической академии (Лингвисти-
ческий институт)

Поликарпова Ольга Николаевна

старший преподаватель кафедры английского языка Алтайской госу-
дарственной педагогической академии (Лингвистический институт)

Прохорова Ольга Николаевна

доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка
Белгородского государственного университета (*оба соавтора*)

Рассолова Ирина Николаевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка

Алтайской государственной педагогической академии (Лингвистический институт)

Трунова Наталья Владимировна

кандидат филологических наук, доцент кафедры грамматики английского языка Московского государственного педагогического университета МПГУ

Трунова Ольга Владимировна

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английского языка Алтайской государственной педагогической академии (Лингвистический институт)

Хохлова Евгения Александровна

аспирант Алтайской государственной педагогической академии, ассистент кафедры второго иностранного языка Алтайской государственной педагогической академии (Лингвистический институт)

Чекулай Игорь Владимирович

доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка Белгородского государственного университета (*оба соавтора*)

Чернова Мария Александровна

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Алтайской государственной педагогической академии (Лингвистический институт)

Шацких Наталья Николаевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Алтайской государственной педагогической академии (Лингвистический институт)

Шелкова Светлана Валерьевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Алтайской государственной педагогической академии (Лингвистический институт)

Шершиёва Илина Андреевна

аспирант Алтайской государственной педагогической академии

Эргман Людмила Беняминовна

кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии факультета романо-германской филологии Уссурийского государственного педагогического института

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Алтайская государственная педагогическая академия»
Лингвистический институт

ФГБОУ ВПО «Алтайская государственная педагогическая академия» приглашает авторов к публикации научных статей в выпусках научного альманаха
«Язык: мультидисциплинарность научного знания»

Подача материалов

Материалы принимаются до 1 мая 2013 года по электронной почте файлом-приложением по адресу: sbornicliin@rambler.ru (название файла должно содержать фамилию автора статьи). В отдельном файле-приложении (под названием «Информация об авторе «фамилия») необходимо указать:

- 1) ФИО автора и название статьи – на русском и английском языках;
- 2) ключевые слова / словосочетания (не более шести) и краткая аннотация статьи, все – на русском и английском языках;
- 3) место работы (полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения) на русском и английском языках;
- 4) должность (ученая степень, звание) автора на русском и английском языках;
- 5) аспирантам отметить год обучения в аспирантуре и отдельным файлом прислать отсканированную копию визы научного руководителя («Статья <ФИО аспиранта> <название статьи> выверена, готова к печати», должность, ученая степень, звание, фамилия, подпись, дата);
- 6) контактные сведения (номера телефонов, служебный и домашний адрес (для ино-городних обязательно для получения авторского экземпляра альманаха), электронная почта)).

Просим не отсылать письма не с вашего личного адреса или с адреса, на который у вас нет постоянного доступа – это значительно затрудняет переписку с автором в случае необходимости.

Редколлегия оставляет за собой право решения вопроса о публикации полученных материалов в зависимости от их тематики, содержания и оформления. Убедительно просим авторов статей и научных руководителей внимательно ознакомиться с Требованиями к оформлению статей. В случае несоблюдения указанных Требований редколлегия вправе не принимать к рассмотрению данную работу или увеличить стоимость ее публикации.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

По всем интересующим вопросам обращайтесь на электронный адрес sbornicliin@rambler.ru.

Требования к оформлению статей

1. Неформатированный текст (объемом до 20 тыс. знаков с пробелами для статей и научных сообщений, до 10 тыс. знаков с пробелами для других материалов) набирается в редакторе MS WORD 6.0 и выше шрифтом Times New Roman, кегль 12, интервал 1,5, поля сверху, снизу, справа – 2 см, слева – 2,5 см, абзацный отступ 1,25 см (задается в свойствах абзаца: «первая строка» – «отступ»). Страницы не нумеруются.
2. На первой странице перед статьей указать УДК (универсальная десятичная классификация) и ББК (библиотечно-библиографическая классификация), далее курсивом, строчными буквами, с выравниванием по правому краю – инициалы и фамилия автора, ниже – город, на следующей строке прописными буквами полуожирным шрифтом с выравниванием по центру – название статьи, например:

Н.Г. Виноградова
Бийск

**РЕАЛИЗАЦИЯ СЕМАНТИКИ
АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ
В СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЯХ**

3. Примеры из художественной литературы нумеруются и выделяются курсивом. Первая строка набирается с красной строки, последующие – без абзацного отступа. Номер примера в круглых скобках, сами скобки и указание на источник (фамилия автора без инициалов, запятая, пробел, номер страницы, для электронных ресурсов – фамилия автора, двоеточие, пробел, URL) курсивом не выделяются! Обратите внимание: знак препинания в конце примера ставится или только внутри кавычек (в случае с прямой речью), или только после ссылки на источник (во всех остальных случаях). Анализ примера начинается с абзацного отступа. Исследуемая единица в тексте примера из художественной литературы выделяется полуожирным курсивом, в тексте статьи – только курсивом (причем курсивом выделяется только сама единица, а не ее «ближайшее

окружение», в частности, кавычки или скобки: *(were, want)*, а не **(were, want)*; «быть», а не **«быть»*. Названия сем (строчными буквами) помещаются в квадратные скобки. Все другие выделения производятся или **полужирным шрифтом**, или подчеркиванием, или с помощью *разрядки* (вкладка *Формат – Шрифт – Интервал*, в поле «Интервал» ставится параметр «Разреженный» и величина разрядки – «на 3 пт»; использование пробелов в словах с разрядкой недопустимо!). Просьба не перегружать текст работы выделениями, не использовать в одном месте несколько способов выделения одновременно (например, полужирный шрифт + подчеркивание), а также не применять специальные стили (шрифты).

(5) *She made familiar Javanese gestures with her wrists and hands, offering me, in a brief display of humorous courtesy, to choose between a rocker and the divan* (Nabokov, 303).

(6) *'There's so much to choose from.'* (Steel: www)

В самом общем виде глагол *prefer* может быть отнесён к стативным предикатам с доминирующей семой [статальность]. В то же время глагол *choose* удовлетворяет требованиям, предъявляемым к нестативным (активным) предикатам, основным из которых считается способность предиката функционировать в форме *Continuous*.

4. В тексте используются кавычки «елочки» для текста на русском языке, кавычки «лапки» для текста на иностранном языке.

5. На месте опущенных в цитате слов ставится многоточие, на месте опущенных предложений – многоточие в угловых скобках < ... >. Любые комментарии, пояснения, уточнения, курсивы и подчеркивания, если они не авторские, а ваши, должны оговариваться (например, *(курсив наш – И.Ф.)*, где И.Ф. – инициалы имени и фамилии автора). Цитаты из иноязычных источников приводятся с переводом.

6. Пример оформления схем, таблиц, графиков (обратите внимание на отсутствие точки после слова «Схема»):

Схема 1
**Алгоритм развертывания
каузативного смысла**

7. Толкования заключаются в апострофы (которые не выделяются курсивом):

В свою очередь, в этимологическом истолковании глагола *prefer* обращает на себя внимание дефиниция 'set before others in esteem' (ODEE 1996: 705).

8. В тексте короткое тире (–) и дефис (-) различаются размером и наличием/отсутствием пробелов. Короткое тире набирается при помощи сочетания клавиш «Ctrl» + «–» на цифровой клавиатуре.

...а также – выявить черты, характеризующие национально-культурные сообщества.

9. Обратите внимание на наличие пробела в сокращениях типа т. е., н. э., т. д., т. п. Сокращение «т. о.» не используется, вместо него дается полный вариант («таким образом»).

10. Ссылки оформляются в квадратных скобках с указанием автора, года издания и страницы: [Петров 2003: 21], [Lakoff, Johnson 1980: 35-36], [[Никитин 2008] и др.]. В случае, если у книги два автора, в ссылке указываются оба автора, если три и более – только первый автор, например: [Трунова и др. 2008]. Ссылки на разные источники в одних скобках даются в хронологическом порядке через запятую: [Павлов 1951:230,Хапсиоров 1972:31-33]. Пример оформления ссылки на электронный ресурс: [Никитин:URL]. Для ссылки на лексикографические и энциклопедические источники используется аббревиатура источника, например [ЛЭС 1990: 435], [WNWRT, 115].

11. В случае, если в тексте статьи упоминается ФИО, инициалы указываются перед фамилией, между инициалами и фамилией ставится пробел: «по мнению А.В. Петрова», а не **«по мнению Петрова А.В.»*.

12. Библиографический список, оформленный согласно приведенному ниже образцу, отделяется от текста статьи строчным пробелом. В алфавитном порядке указываются сначала источники на русском языке (включая Интернет-ресурсы), затем, не прерывая нумерации, источники на иностранном языке (включая Интернет-ресурсы), в конце списка – лексикографические и энциклопедические источники (в алфавитном порядке – сначала русские, затем иностранные) и (в квадратных скобках сразу после номера) их сокращения, используемые в тексте работы. В случаях, когда в списке источников иллюстративного материала указываются разные произведения одного и того же автора, после фамилии и инициалов в круглых скобках ставятся буквы (а), (б) или (а), (б) и т. д. для русско- и иноязычных источников соответственно; пример ссылки на такой источник: [Fowles (а), 56].

Библиографический список

1. Агафонова, Н. Н. Гражданское право : учеб. пособие для вузов / Н. Н. Агафонова, Т. В. Богачева, Л. И. Глушкина ; под. общ. ред. А. Г. Калпина. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2002. – 542 с.
2. Белозеров, И. В. Религиозная политика Золотой Орды на Руси в XIII–XIV вв. : дис. ... канд. ист. наук / Белозеров Иван Валентинович. – М., 2002. – 215 с.
3. Библиотека электронных ресурсов Исторического факультета МГУ им.

- М.В. Ломоносова [Электронный ресурс] / Ред. В. Румянцев. – М., 2001. – URL: <http://hronos.km.ru/proekty/mgu>
4. Боголюбов, А.Н. О вещественных резонансах в волноводе с неоднородным заполнением / А. Н. Боголюбов, А. Л. Делицын, М. Д. Малых // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 3, Физика. Астрономия. – 2001. – № 5. – С. 23–25.
 5. Двинянинова, Г. С. Комплимент : Коммуникативный статус или стратегия в дискурсе / Г. С. Двинянинова // Социальная власть языка : сб. науч. тр. / под ред. А. П. Иванова. – Воронеж, 2001. – С. 101–106.
 6. Кулакова, Т. А. Языковые репрезентанты семантики итеративности : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Кулакова Татьяна Александровна. – Барнаул, 2006. – 19 с.
 7. Семенов, В. В. Философия: итогтысячелетий. Философская психология / В. В. Семенов. – СПб. : Евразия, 2000. – 64 с.
 8. Цоллер, В. Н. Эмоционально-оценочная энантиосемия фразеологизмов / В. Н. Цоллер // Филологические науки. – 2000. – № 4. – С. 56–64.
 9. Lakoff, G., Johnson, M. Metaphors We Live by / G. Lakoff, M. Johnson. – The University of Chicago Press, 1980. – 200 р.
 10. [APCC] Англо-русский синонимический словарь / Ю. Д. Апресян, В. В. Ботякова, Т. Э. Латышева и др.; под рук. А. И. Розенмана, Ю. Д. Апресяна ; 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1999. – 544 с.

**Список источников
илюстративного материала**

1. Brown, D. Deception Point / D. Brown [Электронный ресурс]. – URL: http://www.fictionbook.ru/ru/author/braun_dyen/deception_point
2. Wilde, O. The Picture of Dorian Gray / O. Wilde. – Moscow : Foreign Languages Publishing House, 1963. – 180 р.

С уважением, редакция Научного альманаха

Научное издание

ЯЗЫК: МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ
Научный альманах

Выпуск 3
Под ред. О.В. Труновой

Отв. за выпуск Л.В. Скорлупина

Подписано в печать 09.01.2013 г.
Объем 21 уч.-изд. л. Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Cambria. Тираж 200 экз. Заказ №1.
Отпечатано в типографии «Концепт»